

2023

Volume 17

No 4 (66)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2023

Том 17

№ 4 (66)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 144 с. Тираж 32 экз. Заказ № 23167. Цена свободная. Дата выхода в свет 20.12.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Moysinovich A. M.

Reflection of everyday life of the common man on the pages of the "Satyricon" magazine. Part 1494

Razumov S. A.

Monetary issues of the south of Russia during the Civil war: historiographical aspect.....504

Modnov I. S., Kudryavtsev S. V.

History of the partisan reconnoissances squad "Yaroslavets"512

Tupikin P. A.

Peculiarities of the relationships between the USSR and the USA in July – October 1942.....520

Abakumov A. A.

"The face of lost battle": P. Sabin and his generic model of "the great clashes of the ancient world"526

Spiridonova E. V.

The lemurs in the Malagasy mythology534

Snedkova E. V.

Why did Seneca the elder consider Gaius Asinius Pollio to be a founder of the first public recitations in Rome?.....544

LAW

Solovyev O. G., Sokolov A. F.

On the distinction between criminal negligence and innocent harm in the conditions of dangerous industrial activity554

Roshchepko N. V.

Application of civil law norms on compensation for losses and unjust enrichment in the protection of violated rights in the field of compulsory pension insurance562

Tarusina N. N., Fedotov A. I.

Recording of acts of status in the Russian empire: many years of work on errors (based on the materials of the metrical books of the churches of the Yaroslavl district).....572

PSYCHOLOGY

Karabushchenko N. B., Bobkov A. N.

Value-semantic orientations of the personality of the potential scientific and engineering elite586

Karpov A. A., Solodnyova D. A., Sukhanova A. G.

The specifics of the relationship between emotional intelligence and anxiety in adolescence598

Ozhiganova G. V.

Spiritual and moral aspects of personality and reflexivity in the context of research on spiritual capacities604

Zhedunova L. G., Posyssoev N. N.

The dynamics of experiencing psychological closeness in crisis612

Mekhtikhanova N. N.

Historical trends in the study of the phenomenon of wisdom in psychological science620

ИСТОРИЯ

Мойсинович А. М.

Отражение повседневной жизни обывателя на страницах
журнала «Сатирикон». Часть 1494

Разумов С. А.

Денежные выпуски юга России в период Гражданской войны:
историографический аспект.....504

Моднов И. С., Кудрявцев С. В.

История партизанского отряда «Ярославец».....512

Тупикин П. А.

Особенности взаимоотношений СССР и США
в июле – октябре 1942 г.....520

Абакумов А. А.

«Лицо потерянной битвы»: Ф. Сабин и его универсальная модель
«великих сражений античности»526

Спиридонова Е. В.

Лемуры в малагасийской мифологии.....534

Снедкова Е. В.

Почему Сенека считал Гая Азиния Поллиона родоначальником
первых публичных рецитаций в Риме?544

ПРАВО

Соловьев О. Г., Соколов А. Ф.

О разграничении преступной небрежности и невиновного вреда
в условиях осуществления опасной производственной деятельности.....554

Рощепко Н. В.

Применение норм гражданского законодательства о возмещении убытков и неосновательном обогащении при защите нарушенных прав в сфере обязательного пенсионного страхования562

Тарусина Н. Н., Федотов А. И.

Запись актов состояния в Российской империи: многолетняя работа над ошибками (по материалам метрических книг церквей сел Ярославского уезда).....572

ПСИХОЛОГИЯ

Карабущенко Н. Б., Бобков Н. Б.

Ценностно-смысловые ориентации личности потенциальной научно-инженерной элиты.....586

Карпов А. А., Солоднева Д. А., Суханова А. Г.

Специфика взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности в юношеском возрасте598

Ожиганова Г. В.

Духовно-нравственная сфера личности и рефлексивность в контексте исследования духовных способностей.....604

Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н.

Динамика переживания психологической близости в кризисе.....612

Мехтиханова Н. Н.

Исторические тенденции в изучении феномена «мудрость» в психологической науке620

Reflection of everyday life of the common man on the pages of the "Satyricon" magazine. Part 1

A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-494-503

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the satirical weekly "Satyricon", published in 1908-1914 in St. Petersburg. The magazine had not only literary but also artistic significance; prominent writers, poets and artists took part in its creation. Particular attention in the article is paid to the structure, design and content of the Satyricon. An attempt was made in the article, based on the analysis of the magazine's publications, to look at the world of the everyman through the prism of satire and humor, to understand his interests and pressing problems. The author comes to the conclusion that the magazine «Satyricon» in one form or another reflected almost all aspects of everyday life of the everyman: culture, entertainment, fashion, showing not only its positive, but also negative sides. The study noted the importance of the magazine among other periodicals of those years, having made it the constant companion of a Russian in his daily life.

Keywords: satirical press; magazine; writer; artist; everyman: image; humor

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Moysinovich, Anna N. | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
| Cand. Sc. (History)

Отражение повседневной жизни обывателя на страницах журнала «Сатирикон». Часть 1

А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-494-503
УДК 94(47)+03:19.41.09

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена сатирическому еженедельнику «Сатирикон», выходявшему в 1908–1914 гг. в Санкт-Петербурге. Журнал имел не только литературное, но и художественное значение. В его создании принимали участие видные писатели, поэты и художники. Особое внимание в статье уделено структуре и содержанию «Сатирикона». На основе анализа материалов издания сделана попытка посмотреть на мир сквозь призму сатиры и юмора, понять его интересы и насущные проблемы. Автор приходит к выводу, что журнал «Сатирикон» в той или иной форме отразил практически все стороны повседневной жизни обывателя: культуру, развлечения, моду, – показав не только ее позитивные, но и негативные стороны. Отмечено значение журнала среди периодических изданий тех лет, ставшего неизменным спутником русского человека в его повседневном досуге.

Ключевые слова: сатирическая печать; журнал; писатель; художник; обыватель; образ; юмор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мойсинович, Анна Михайловна

E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории

Сатирическая периодическая печать начала XX в. является ценным источником информации для исследователей. Благодаря его изучению мы знакомимся с юмором и сатирой давно прошедших дней, узнаем шутки и анекдоты, над которыми смеялись современники, читаем сатирические фельетоны и юмористические истории о повседневности. Мир обывателя наполнен событиями, бытовыми проблемами, фантазиями на тему будущего. Вербальные и визуальные средства передачи информации: тексты и рисунки, шаржи, карикатуры – отражают повседневное и культурное пространство русского человека, создают портреты его современников.

В последнее время многие исследователи активно изучают литературные и художественные работы писателей-сатириков, поэтов, худож-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ников-карикатуристов. Более пятидесяти лет назад литературоведом Л. А. Спиридоновой было написано исследование на тему сатирической печати начала XX в. [1]. Автор положила начало изучению журнала «Сатирикон» и художественного наследия его сотрудников, напомнила советским читателям о давно забытых авторах времен Серебряного века, обратила внимание на эстетическую программу журнала. Вслед за ее трудами последовали работы об А. Т. Аверченко, С. Черном, Тэффи, Дон-Аминадо и других авторах самых востребованных материалов [2–5].

Следующим направлением в исследованиях стало обращение к визуальным источникам: рисункам, карикатурам и шаржам, опубликованным на страницах печати. В настоящее время идет глубокое осмысление и разработка методики их изучения [6]. Иллюстрация перестает играть второстепенную роль и становится полноценным партнером текста.

Образы, созданные художниками, отражали эмоциональное восприятие событий, вбирали в себя первые впечатления, общественные настроения. Задача ученых – расшифровать зрительные образы и интерпретировать их в рамках того дискурса, в котором они возникли. Для историков все большее значение начала приобретать карикатура, которая чутко реагировала на политические и социальные потрясения, отражая общественное мнение и настроения социума.

Механизмы воздействия карикатуры на зрителя раскрываются в работах А. И. Голикова и И. С. Рыбаченок [7–8]. Образам и риторике вражды на основе карикатур русской сатирической печати начала XX в. посвящен ряд исследований Т. А. Филипповой [9–10].

Третье направление включает в себя изучение повседневности, массового сознания и поведения людей. На современном этапе идет осознание культурной ценности повседневной жизни. Во главу угла ставится мир маленького человека, обывателя; именно он становится главным действующим лицом эпохи.

Долгие годы преобладало мнение, что обыватель – человек недалекий, закостеневший в своих взглядах, лишенный кругозора. С этой точки зрения рассматриваются многие работы прошлых лет. Например, Л. А. Спиридонова, говоря о ценности издания «Сатирикона», его попытках противостоять обывательщине, делала оговорку, что журнал ориентировался на мещанскую среду, потакал ее вкусам и потому был обречен на неудачу [1, с. 121].

Такая позиция, сформулированная еще в советское время, выглядит односторонней. Культуру повседневности сейчас оценивают с позиции бытовой культуры, анализируют ее коммуникативную составляющую. Обыденный мир, жизненные ценности и мировоззрение русского обывателя среднего достатка с его семейными радостями и горестями, заботами и милами подробностями выходят на первый план. «Массовый» человек рассматривается через призму дореволюционной сатирической печати, которая была частью городской повседневности того времени [11–12].

Периодика выполняла ряд важных функций. Она удовлетворяла эмоциональные и духовные потребности человека: возможность посмеяться над обыденными вещами и над собой, обсудить в кругу знакомых шутки или анекдоты, исполняла актуальные сиюминутные запросы людей, давала терапевтический эффект в особо тяжелые периоды, формировала общественное мнение. Сотрудники изданий соответственно транслировали эмоции, настроения, идеи и взгляды, близкие обывателю.

В апреле 1908 г. в Санкт-Петербурге начал выходить журнал «Сатирикон», ставший событием в истории русской журналистики. У него был свой прототип – немецкий сатирический еженедельник «Simplicissimus», тесно связанный с новыми течениями в искусстве. Издание было известно своим смелым политическим содержанием, дерзкими карикатурами, насмешками над мещанскими вкусами и ханжеством бюргеров.

Издателем русского журнала стал М. Г. Корнфельд, редактором сначала был назначен А. Радаков, а с № 9 – А. Т. Аверченко. Имея талант и организаторские способности, именно он сумел создать творческую атмосферу и сплотить вокруг себя группу единомышленников.

Сотрудники «Сатирикона» сделали ставку на выпуск в условиях после-революционной поры совершенно нового качественного журнала сатиры и юмора, в котором большое значение играла бы целостность литературного и художественного оформления: цветная печать, шрифт заголовка, тексты, иллюстрации, декоративные детали. Журнал был назван в честь древнеримского романа Петрония «Сатирикон», имел свою фирменную марку – сатиру, небольшого толстяка-весельчака с кривыми ножками и рожками на голове. Он появился в 1909 г. и стал неотъемлемой частью журнала, время от времени демонстрировал себя на страницах издания.

Четко была определена структура журнала: обложка с яркой карикатурой на злобу дня; литературные произведения (стихи, юмористические рассказы, фельетоны) с небольшими иллюстративными зарисовками (виньетками и незамысловатыми рисунками); одна или две цветные вставки – шаржи на коллег по цеху, комиксы из жизни обывателей, карикатура.

Задача, которую поставили перед собой авторы издания, была довольно широка: при помощи ядовитого смеха «хлестко и безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость», царившие, по их мнению, в политической и общественной жизни [13, с. 2]. И редакция успешно ее решала. «Сатирикон» быстро стал ведущим сатирическим изданием, чему способствовал удачный подбор сотрудников. В журнале работали писатели: Тэффи, О. Дымов, Г. Ландау, А. С. Бухов, О. Л. Д'Ор; поэты: С. Черный, В. Князев, П. Потемкин, К. М. Антипов (псевд. Красный), В. Воинов, В. И. Горянский; художники: А. Радаков, А. В. Ремизова (псевд. Мисс), Н. В. Ремизов (псевд. Ре-Ми), А. Юнгер (псевд. Баян), А. Яковлев, А. Бенуа, М. Добужинский и др.

После долгих творческих поисков в журнале появились постоянные рубрики: «Волчьи ягоды» (мелочи журналистики), «Перья из хвоста»,

«Почтовый ящик «Сатирикона»». В «Волчьих ягодах» публиковались и с иронией комментировались курьезные материалы из других печатных изданий, обычно провинциальных, представлялись в смешном виде неправомерные действия начальства и полиции, посмеивались над ошибками и опечатками в статьях журналистов и рекламных объявлениях захолустных местечек, возмущались плагиатом своих юморесок и фельетонов. Чуть позднее из этой рубрики выделится другая – «Перья из хвоста», где подшучивали над грамматическими и литературными ляпами газет и журналов. В «Почтовом ящике» сам редактор остроумно отвечал на письма бездарных графоманов, претендующих на публикацию в журнале.

В «Сатириконе» велась хроника театральной жизни, печатались рецензии А. Т. Аверченко на спектакли, проходившие в театрах Санкт-Петербурга (Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, Александринском и Мариинском театрах), выступления гастролирующих актеров из других городов (например, гастрологи московского театра С. Ф. Сабурова, Московского художественного театра). Они сопровождались шаржами Н. В. Ремизова (Ре-Ми) на артистов, представавших в образах своих героев. Отзыв на пьесу, поданный как ироничная и юмористическая зарисовка, призван был увлечь читателя журнала и заразить его желанием посмотреть указанную постановку. Иногда рецензия была лишь поводом поговорить о «полицейско-бюрократическом режиме», цензуре и эзоповом языке, о реформе избирательного законодательства, бывшем министре С. Ю. Витте, депутате В. Ф. Пуришкевиче. Все это подавалось ненавязчиво, легко и тонко.

Рядом с оценкой театральных постановок соседствовали обзоры цирковых выступлений и спортивной борьбы в Цирке Чинизелли и Михайловском манеже, с указанием имен борцов И. М. Поддубного, И. М. Заикина, Г. Луриха, Г. И. Кашеева, тунидца Мурзука. Удостоился чести быть упомянутым на страницах «Сатирикона» и организатор турниров по французской (классической) борьбе, известный арбитр чемпионатов И. В. Лебедев. Художник Ре-Ми создал выразительный шарж на него – сурового, но справедливо судьи с плотной округлой фигурой в поддевке и сапогах. Любитель спорта А. Т. Аверченко уважительно, но с улыбкой показал в юмореске профессионализм И. В. Лебедева, его умение быть спокойным в любой ситуации, выдерживать «хронические пререкания с публикой» и быть посредником между борцами и зрителями [14, с. 4–5]. В шутовском стихотворении-фарсе поэта Красного отдана честь спортивным заслугам И. В. Лебедева:

*Сам Бова победоносец:
Грудь – кормюю броненосец,
Стан – фабричный паровик,
Зашнурованный в поддевку... [15, с. 4]*

Повальное увлечение публики новым видом искусства – кинематографом – не осталось в стороне от внимания «Сатирикона». К теме немного кино авторы обращались довольно часто, пародировали либретто (краткое

содержание фильма), смеялись над абсурдностью сюжетов, иронизировали над асинхронностью картинки на экране и шумовых эффектов, неуместностью мелодий «бестолкового пианиста», играющего в минуты горя «веселый галоп», а во время погони мальчишек за гусем – похоронный марш [16, с. 4–5]. В рецензиях А. Т. Аверченко кино превращалось в буффонаду – комедию ошибок, в которой большинство героев бестолково и нелепо, а их действия и поступки абсурдны и неуклюжи.

В течение нескольких лет в журнале публиковался цикл рисунков художника Ре-Ми. Им было создано две серии: «История современной русской литературы» и «Гримасы большого города». По воспоминаниям одного из сотрудников издания, Н. В. Ремизов был человеком дотошным, скрупулезным, исключительно «зорким» (по памяти мог нарисовать предмет до мельчайших деталей) [17], а потому шаржи на литераторов начала XX в. (публиковались в первый год издания журнала) носили отпечаток мгновенного узнавания, несмотря на искажение пропорций тела и карикатурность образов. По рисункам и подписям к ним становилось понятным, к кому авторы журнала относились с пиететом, уважением, а к кому – с насмешкой, намекая на претенциозность пророков новых модных направлений. Среди представителей писательского бомонда можно было увидеть Л. Н. Андреева, С. М. Городецкого, А. И. Куприна, М. Я. Кузьмина, Ф. К. Сологуба, А. М. Ремизова, А. А. Блока, И. С. Рукавишникову, П. Д. Боборыкина, А. С. Рославлева, И. Н. Потапенко, М. П. Арцыбушеву и др.

В серии «Гримасы большого города» нашла отражение жизнь отбросов общества и ее основных представителей – проституток, их дружков-пьяниц, рецидивисток, беспризорников. Удивительно, что на страницах юмористического журнала могло появиться изображение изнанки города, жизни трущоб, где дети вынуждены жить под мостом, играть на крышах развалившихся домов, быстро взрослеть и с ранних лет зарабатывать нелегким и не всегда честным трудом.

«Сатирикон» в своих материалах отражал быт горожан – сложную и пеструю картину. Одной из задач журнала было отражение «жалкой и кошмарной действительности» через призму «ядовитой сатиры» [13, с. 2], и образы, созданные Ре-Ми, наглядно, с помощью трагикомичных сценок, рассказывали о низменных пороках и зле, порожденных обществом.

Рядом с неприглядной, индустриальной стороной города, нарушавшей социальное равновесие, существовал другой, более светлый, провинциальный, но уютный мирок обывателя. Художники А. А. Радаков, Ре-Ми, Б. М. Кустодиев на страницах «Сатирикона» создали ряд работ, не вошедших под общим названием в серию, но похожих по стилистике и замыслу. В рисунках, с характерными названиями: «Влюбленный парикмахер», «Провинция», «Колористы», «Тихая провинция», «Ресторан с садом», «Коммерческая чайная», «Праздничная карусель» – зритель видел то, что было частью его привычной жизни. В любом заштатном городке можно было встретить напо-

маженного франта, завсегдатая опереток и летних загородных садов, начинающих чистеньких коммерсантов, заскучавших жен, окруженных сплетнями и пустой болтовней. Эти встречи проходили на фоне увеселительных заведений, трактиров или ресторанчиков, народных ярмарок и каруселей.

Время от времени в журнале появлялись специальные тематические номера, посвященные студенчеству, русской прессе, евреям, войне, дипломатии, полиции, театру, воздухоплаванию, весне, Москве, Масленице, Пасхе, Рождеству, а также неискоренимым порокам человечества – пошлости и глупости. Были отдельные юбилейные издания, посвященные русским писателям-классикам: Л. Н. Толстому, Н. В. Гоголю, войне 1812 г.

Летом, когда затихала городская и политическая жизнь, в журнале «Сатирикон» на первый план выходили темы отдыха, дачи, купания, путешествий. Дача, типично русское явление, в начале XX в. играла важную роль в жизни обывателей. Летом дача становилась не только местом отдыха, но и своего рода универсальной площадкой для встреч богемы – художников, писателей и поэтов; семейных посиделок, проведения танцев и спектаклей. Уставшие от серых буден и шума города, горожане устремлялись в пригороды, деревни, родовые усадьбы. Для многих крестьян сдача в наем избы было одним из важных источников дохода. Обыватели с разным достатком начинали искать место для летнего отдыха обычно еще ранней весной, внимательно осматривая будущее место отдыха.

На одной из обложек «Сатирикона» можно наблюдать обыденную картину повседневной жизни. На фоне серого промозглого дня и грязной улицы зритель видит спины супружеской пары, читающей объявление о сдаче домика на лето, приклеенное к забору. Художник Ре-Ми через обычный, ничем не примечательный сюжет, отразил извечное желание человека уйти от суетного мира, слиться с природой. Стихотворение «Пантеист», расположенное ниже, передает разговор супругов:

*Что за миленькая дачка!
«Тридцать в месяц» – очень рад.
Справа лавка, слева прачка,
В сажень сад.
На купальню вид с балкона,
Танцевальный близок круг
А из чайной граммофона
Слышен звук.
Сто бумаг переписавши,
Десять стульев просидев
И от службы обалдев,
Всем начальникам в угоду,
Здесь, на даче, буду рад
Выйти в сад,
Любоваться на природу [18, с. 1].*

В одном из номеров журнала давалось шутовское руководство «Как правильно искать дачи», одобренное Министерством народного просвещения. По нему истинный дачник должен был прочувствовать весь путь к своей будущей даче: бежать три версты до железной дороги, затем трястись на телеге тридцать пять верст до места назначения. Следующий этап – основываясь на соображениях практичности и прагматизма, выбрать домик мечты: «предпочтительней брать дачи, расположенные на горе, ибо, в таких дачах дождь, пройдя через крышу, потолок, постельное белье, матрас и пол – не застаивается лужами, а скатывается в долину <...> Да, дачу найти – не поле перейти...» [19, с. 3].

Найти помещение, которое бы удовлетворяло всем требованиям снимающего, было крайне трудно. На пути будущих дачников стояли хитрые домовладельцы, обманом завлекавшие в свои сети наивных и не сведущих в хозяйственных вопросах людей, предлагавшие жилье с протекающей крышей, сыростью внутри и незакрывающимися дверями.

В рассказе «Дача в Финляндии» незадачливый дачник, поверивший хозяину домика, что «финны шесный люди» и краж в Финляндии нет, в результате остался не только без денег и одежды, но даже без постельных принадлежностей – подушек и матраса [20, с. 5]. Или, к примеру, другая ситуация.

На рисунке А. Яковлева можно увидеть супружескую пару, сидящую на кровати, завернутую в матрас и одеяло и пытающуюся таким образом укрыться от льющейся с потолка воды. Дополняют картину прорастающая сквозь пол трава и прыгающие лягушки. Муж, глядя на это живописное зрелище, говорит: «Знаешь, милая, это очень мне напоминает мою ловлю крабов на пляже в Биаррице <...> не достает только красивых женщин в купальных костюмах» [21, с. 9].

Счастливым, нашедшим себе подходящий домик, приходилось тесниться на «дачном просторе» – дворе, огражденном забором, где могли поместиться только чахлое деревце и стул. Сидя на нем, можно было позволить себе принять солнечные ванны, подставив солнышку довольное лицо. Правда, периодически приходилось уступать свое место домочадцам [22, с. 1]. Двор мог вмещать качель для ребенка, гамак для папаши, коляску с младенцем и даже скамейку. И все это на фоне сохнувшего белья [23, с. 9].

Серия рисунков Ре-Ми «На даче» рассказывала об устоявшемся быте дачников с размеренным укладом жизни. Например, дачные места Петербурга находились по линиям железных дорог, поэтому на одном из рисунков художника присутствует вокзал с прогуливающимися по нему дамами, военными, молодыми людьми [24, с. 9].

Дачная публика, особенно молодежь, любила проводить гулянья по вечерам на станциях железных дорог. Здесь встречали приехавших на отдых родных, заводили знакомства, флиртовали, устраивали свидания.

Дачники старались снимать дачи рядом с водоемами – речками и озерами. Там устраивали лодочные катания. На одном из рисунков Ре-Ми можно уви-

деть водоем, чей берег плотно заставлен купальнями, обязательным атрибутом тех лет [25, с. 9]. В них можно было переодеться. Купальни были местом притяжения для любителей подглядывать за красивыми купальщицами. Авторы-сатирики не оставили сюжет без внимания, написав ряд юмористических рассказов, стихов и анекдотов.

*Купались девушки на речке знойным летом.
Конечно, я-б не упомянул об этом,
Когда-б меня их милый хоровод,
Казавшийся таким и трепетным, и нежным,
Не погрузил со смехом в бездну вод...
- За что?
За то!
За желтое пальто,
Заметное в кустарнике прибрежном [26, с. 12].*

У А. Т. Аверченко есть несколько рассказов на тему дачных театральные постановки, передающих дух дачного времяпрепровождения, примитивность постановок и колоритные образы непрофессиональных актеров. Сами мероприятия обычно проходили в любом свободном и годном для представлений помещении – сарайчике или просто под навесом. В них заядлые театралы и скучающая молодежь организовывала и давала любительские спектакли и импровизированные концерты.

Безусловно, журнал «Сатирикон» является неисчерпаемым источником информации, отразившим на своих страницах практически все стороны жизни обывателя. В сферу интересов входили политика, спорт, воздухоплавание, технические новшества начала XX в. (телефон, трамвай, автомобиль), мода, литература, живопись и театр. Важную роль в повседневном быту горожанина – это хорошо видно в издании – стали играть новые виды развлечений: цирк и синематограф. Публикуются рисунки и тексты с сюжетами о ставших популярными в это время скейтинг-рингами, общественных площадках, где можно было покататься на роликовых коньках, завести знакомства, пофлиртовать. В шуточной, юмористической форме подаются сюжеты из жизни супругов, досуга жителей городов, детского мира. Авторы журнала, большую часть которого составляли мужчины, не обошли своим вниманием моду, периодически посмеиваясь над новыми модными веяниями, которым слепо, подчас вопреки здравому смыслу, следовали женщины – огромными шляпами-абажурами и крайне узкими платьями.

Журнал «Сатирикон» отразил мир обывателя, его позитивные и негативные стороны и их сущность при помощи смеха и юмора. В то же время сатира в достаточно жесткой форме указывала на недостатки русского общества того времени. Журнал выявлял и фиксировал любые изменения, происходившие в жизни и сознании представителей данной эпохи, отражал характерные особенности повседневной жизни и стал, по сути, незаменимой частью досуга и повседневного времяпрепровождения.

Ссылки

1. Спиридонова Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. 454 с.
2. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М.: Русский путь, 1999. 550 с.
3. Миленко В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 336 с.
4. Коровин В. И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1994. С. 3–38.
5. Костырева О. В. Тэффи и журнал «Сатирикон». К истории творческого сотрудничества // Дискуссия. 2013. № 8 (38). С. 178–181.
6. Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный поиск, 2008. 479 с.
7. Голиков А. Г. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М: Институт российской истории РАН, 2010. 328 с.
8. Голиков А. Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 4. С. 51–71.
9. Филиппова Т. А. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.
10. Баратов П. Н., Филиппова Т. А. «Враги России» Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 360 с.
11. Костырева О. В. «Массовый» человек на страницах журнала «Сатирикон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 96–99.
12. Наджафова С. Р. Обыватель и экономическая ситуация в России на страницах «Нового Сатирикона» 1917 года // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. СПб., 2018. Вып. 18. С. 119–125.
13. Сатирикон. 1908. № 1. С. 2.
14. Ave. Борьба. Лебедев // Сатирикон. 1908. 2 авг., № 17.
15. Красный. Фарс (чемпионат борцов) // Сатирикон. 1908. № 11.
16. Ave. Кинематограф // Сатирикон. 1908. 1 нояб., № 30.
17. Зозуля Е. Д. Сатириконцы. URL: http://az.lib.ru/z/zozulja_e_d/text_1939_satyrikontzy.shtml
18. Ре-Ми. Пантеист // Сатирикон. 1909. 4 апр., № 14.
19. Гуревич И. Как искать дачи? Руководство, одобренное учеб. комит. М.Н.П. // Сатирикон. 1910. 24 апр., № 17.
20. Д'Ор О. Л. Дача в Финляндии (записки несчастного дачника) // Сатирикон. 1909. 11 июля, № 28.
21. Яковлев А. Только... // Сатирикон. 1910. 29 мая, № 22.
22. Ре-Ми. Дачный простор // Сатирикон. 1910. 5 июня, № 23.
23. Ре-Ми. На даче // Сатирикон. 1908. 28 июня, № 12.
24. Ре-Ми. Вокзал // Сатирикон. 1908. 12 июля, № 14.
25. Ре-Ми. Дачный воздух // Сатирикон. 1908. 19 июля, № 15.
26. Князев В. // Сатирикон. 1911. 12 авг., № 33.

Monetary issues of the south of Russia during the Civil war: historiographical aspect

S. A. Razumov¹

¹SCHOOL "PRESIDENT", 2 Ilyinsky entrance, Zhukovka village, Odintsovo district, Moscow region, 143082, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-504-511

Research article
Full text in Russian

The article examines the complex economic and political situation that developed during the Civil War in the South of Russia. Analysis of existing works on the monetary issue of this territory is carried out, the completeness of these studies is determined. Source studies and comparative methods of analysis of factual material are used. The conclusion is made about the instability of the existing monetary system due to the lack of a unified command among the white movement and the presence of numerous political and emission centers.

Keywords: bonistics; bonds; money; watermarks; white movement; civil war; Don and Rostov rubles; émission

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Razumov, Sergey A. | E-mail: sergiy1989@gmail.com
Cand. Sc. (History), Professor of Russian Academy
of Natural History, D. Sc. degree seeking applicant

Денежные выпуски юга России в период Гражданской войны: историографический аспект

С. А. Разумов¹

¹ШКОЛА «ПРЕЗИДЕНТ», Московская область, Одинцовский район, деревня Жуковка, Ильинский подъезд, д. 2, стр. 1, 143082, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-504-511
УДК 930

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается экономическая и политическая ситуация, которая сложилась в период Гражданской войны на территории Юга России. Проводится историографический анализ существующих современных научных работ по денежной эмиссии на этой территории. Используются источниковедческие и сравнительные методы анализа фактического материала. Делается вывод о нестабильности существовавшей денежной системы по причине отсутствия единого командования среди белого движения и наличия многочисленных политических и эмиссионных центров.

Ключевые слова: бонистика; боньы; деньги; водяные знаки; белое движение; Гражданская война; донские и ростовские рубли; эмиссия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Разумов, Сергей Александрович

E-mail: sergiy1989@gmail.com

Кандидат исторических наук, профессор РАЕ,
магистр НИУ «Высшая школа экономики»,
докторант МГОУ

Особое внимание в бонистике уделяется частным денежным выпускам Юга России периода Гражданской войны. Именно на этой территории сформировалось немало различных политических и экономических центров, которые проводили свою активную эмиссионную политику. Многочисленные денежные знаки, как правило с хорошей или отличной сохранностью, дошли до наших дней и служат отличным наглядным историческим материалом для изучения финансовой политики белого движения. Для лучшего ориентира было выпущено огромное количество различных каталогов с описанием существующих разновидностей и примерных рыночных цен [1–2].

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Существует достаточно богатый историографический материал по денежным бумажным выпускам в период Гражданской войны на данной территории. Как отмечает М. В. Владимирский, после революции было сформировано немало политических центров, которые выпускали свои денежные знаки и хотели быть полностью независимыми в своей деятельности [3, с. 263]. Центры не только самостоятельно выпускали собственные деньги, но и стремились устанавливать свой экономический курс, что, как отмечает В. А. Лазарев, у одних центров получилось достаточно успешно, их эмиссионные выпуски были очень популярны, получили широкую поддержку среди местного населения и находились в обращении достаточно продолжительное время [4]. Есть примеры других политических сил, которые потерпели полный крах практически в самом начале своей новой денежной эмиссии. Многие проекты вообще не были реализованы на практике и не пополнили рынок многочисленных разновидностей бон, существовавших на тот момент.

Экономическая ситуация резко изменилась после Октябрьской революции, наблюдался определенный перебой с денежной массой, что особенно было заметно на юге России. Белогвардейцам пришла идея выпускать собственные деньги, вскоре был проведен съезд и принято решение о начале выпуска денежных средств. Процесс изготовления денежных единиц был организован достаточно быстро. М. Ю. Черниченко на основании периодической печати белогвардейцев провел экономический анализ той ситуации, в которой оказалось Белое правительство в период Гражданской войны [5–6].

Был определен главный финансовый орган, который занимался денежной эмиссией – Ростовская контора Государственного Банка. В. А. Лазарев подробно в своих работах описывает модернизацию и реорганизацию органа [7]. Весь процесс изготовления новых денег контролировало Донское Войсковое правительство. Неслучайно новые деньги называли донскими (или ростовскими) рублями.

Сама процедура изготовления новых денежных знаков активно началась в конце 1917 г., чему предшествовала определенная подготовка. Необходимо было разработать макет выпуска новых бон, и для этого дела нужны были специалисты. Достаточно спешно была создана комиссия, а именно Экспедиция по изготовлению новых денежных единиц и новых макетов для печати. В Экспедиции, без всякого сомнения, работали настоящие специалисты из банковской сферы и преимущественно из Ростовской конторы Государственного Банка. Были и другие специалисты, приглашенные из других областей Юга России: из Ставрополя, Терской и Кубанской областей. Первоначальный состав Экспедиции был невелик, со временем численность увеличивалась до 500 и более человек.

Уже в начале 1918 г. в обращение вышли первые денежные знаки в Ростове-на-Дону. Они быстро распространялись среди местного населения и были очень популярны. Номиналов в первое время было не так много, позднее добавились и другие. Первый номинал был 10 руб., и первоначально только с одним номиналом вести расчеты было затруднительно. М. В. Ходяков отмечает, что выпускать денежные знаки было достаточно дорогое дело, особенно деньги мелких номиналов. Только через определенное время начался выпуск крупных номиналов, что восполнило понесенные затраты на печать новых денег [8, с. 150].

Р. Николаев отмечает, что новые денежные единицы население хорошо и активно принимало на всех территориях государства [9]. Они были в обращении достаточно долго – более двух лет.

Новые денежные знаки активно использовали руководители Белого движения. Один из первых новые ростовские деньги использовал генерал М. В. Алексеев. Позднее в этот процесс включились атаман П. Н. Краснов и генерал А. И. Деникин. Именно военные белогвардейские руководители и командующие способствовали активному распространению новых денег по всей территории Юга России. Правда, кроме выпуска денег перед Деникиным стояли и другие социально-политические вопросы, которые незамедлительно нужно было решать. [10, с. 121–162].

Помимо новых (ростовских, донских) рублей, одновременно на территории Юга России находились в денежном обращении и другие денежные единицы: государственные официальные выпуски, деньги Временного правительства, боны с различных территорий Украины и Кавказа, новые советские денежные знаки. Вся эта денежная масса одновременно широко была распространена по всей территории Юга России, что значительно затрудняло все финансовые операции и сделки.

Руководители и лидеры Белого движения понимали, что в самом скором времени нужно менять эмиссионную политику. Существовавшая ситуация с наличием многочисленных разнообразных денежных знаков могла привести к кризису и краху всей финансовой системы государства.

Одним из первых данную проблему попытался решить генерал Деникин. Он прекрасно понимал, что нужно проводить жесткую унификацию всех существующих денежных знаков и единиц и выступал за введение и реорганизацию Государственного Банка [11].

В своих воспоминаниях Деникин неоднократно подчеркивал, что право на выпуск денег и все эмиссионные вопросы должны быть в ведении только Государственного Банка. Причина всего этого была понятна: кроме многочисленных региональных разновидностей на юге России, деньги по территориям распределялись неравномерно [12]. На некоторых территориях денег было много, и наступал их переизбыток. На других территориях наличных денег, наоборот, не хватало, что тоже приводило к определенным

финансовым проблемам. Как отмечает С. В. Карпенко, что при нехватке наличных денег белогвардейцы часто практиковали введение контрибуций с состоятельных предпринимателей и со среднего класса [13, с. 112–113].

Из воспоминаний Деникина мы узнаем, что на Дону денежной массы было более 4 млрд руб., а в Крыму всей наличности – около 45 млн руб. [14]. Острая нехватка наличных денег существовала на Кубани: именно там оказались зафиксированы случаи вскрытия сейфов (более 300). Как пишет исследователь В. А. Коломийцева, банки каждый день шли на риск, связанный не только с хранением ценностей и денег. Под угрозой были жизни сотрудников. Банки организовывали процесс сохранения наличности полностью своими силами. На некоторых территориях Юга России банковским служащим выдавали даже огнестрельное оружие [15, с. 398].

Из-за нехватки новых наличных денег руководство Белого движения разрешало в определенные периоды использовать керенки Временного правительства, что часто наблюдалось в Крыму. Такая ситуация приводила к конфликтам, бунтам и различного рода негодованиям. Зафиксированы были случаи активной агитации против руководства Добровольческой армии. Остро это отражалось на содержании и довольстве армии Юга России. По несколько месяцев Добровольческая армия не получала никакого содержания. Чтобы хоть как-то прокормить солдат и офицеров, вводилась новая хлебная повинность с крестьян. Крестьян обязывали сдавать хлеб, но наличных денег им практически не выдавали из-за их отсутствия. Рассчитывались с крестьянами новыми выпущенными квитанциями, что, в свою очередь, воспринималось враждебно: квитанции потом нигде не принимались.

Из-за нехватки денег были определенные попытки заказать новые деньги в Америке. Достаточно большая партия новых банкнот была там изготовлена, но в силу определенных обстоятельств до Юга России так и не дошла. Еще в 1919 г. были попытки наладить выпуск денег в Англии, и новые боны были напечатаны. Но как всегда возникли трудности с доставкой их в Россию. Часть денег с трудом была доставлена в Новороссийск, но в обращение практически не поступила.

Денежные знаки Юга России имели оригинальное художественное оформление. В Экспедиции работали более 500 человек, в том числе художники. Одним из более известных был Евгений Николаевич Шур. Боны не только отличались изображением всех местных особенностей, но и соответствовали требованиям, которые предъявлялись к государственным официальным выпускам. Как отмечает А. Г. Баранов, первоначально боны выпускали без водяных знаков. Вместо водяных знаков существовала меловая сетка и специально подготовленная воцеленная бумага [16, с. 48]. Гораздо позднее на новых денежных знаках появились выявляемые водяные знаки, чаще всего это был орел с опущенными вниз крыльями.

Художественная тематика на ростовских и донских бонах была очень разнообразной. М. В. Ходяков в своей работе упоминает, что на новых денежных знаках прослеживались объединительные начала. Первоначально на бонах была казачья тематика с изображением известных казачьих атаманов Ермака Тимофеевича, М. И. Платова. Позднее появляется другое направление, а именно общероссийское [8, с. 151]. К. Э. Костырина проводит глубокий анализ зарисовок и смен дизайна на донских бонах [17, с. 58–73].

С 1919 г. появляются новые исторические герои на бонах, а именно Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Часто на бонах изображали русских витязей и богатырей как символ мира, единства и стабильности. Неслучайно именно они были выбраны для печати на новых банкнотах. Россия в период Гражданской войны испытывала серьезные трудности, сравнимые с ситуацией Смутного времени в начале XVII века.

Кроме личностей, на бонах изображали исторические памятники, достопримечательности и различные символы: георгиевские ленты, Царь-колокол, новгородские памятники и другие. В. А. Лазарев в своих научных работах анализирует существовавшую символику бон белого движения [18, с. 34–38]. Руководство Вооруженных Сил юга страны через новые деньги пыталось донести всему населению главную идею объединения государства.

Важные кадровые изменения произошли в апреле 1920 г. Они были связаны с назначением на пост главного командующего Вооруженных Сил Юга России генерала Петра Николаевича Врангеля. Многие рассчитывали на изменение экономической ситуации в государстве и конкретно на подконтрольном ему Юге России. Он всегда выступал за военную диктатуру и отличался дисциплинированностью. Врангель всеми силами пытался изменить ситуацию и предпринял новую эмиссионную политику.

С. В. Карпенко отмечает, что, кроме сложной экономической ситуации, его деятельность сильно подрывали независимые казачьи области, которые не хотели полностью подчиняться П. Н. Врангелю и хотя бы частично старались сохранить свою независимость [19]. Были закуплены новые машины и станки для изготовления и печати денежных знаков. налажены тесные отношения с Феодосийским отделением Государственного Банка. Там же располагалась известная Феодосийская фабрика [20]. Врангель делал особое внимание на мощности этого отделения и приказывал наращивать печать новых денег. Но их по-прежнему не хватало. Бегство Врангеля положило конец самой массовой волне денежной эмиссии на Юге России.

Кроме российской историографии по бонистике, есть отдельные публикации в зарубежных журналах. Они немногочисленны, освещают преимущественно денежные выпуски на конкретных российских территориях,

на Дальнем Востоке и в Сибири, описывают историю появления и развития денежных знаков в период Гражданской войны. Особой научной новизны в области изучения бонистики в них нет, так как они базируются на ранее опубликованных материалах в российских научных журналах [21].

Современная историография по денежным выпускам Юга России обширна. Рассматриваются многочисленные и очень разнообразные вопросы по истории появления и печати отдельных (частных) денежных выпусков. Самым подробным образом рассматривается система становления новых политических центров и государственных финансовых органов. Особая роль в современной историографии отводится художественному оформлению денежных знаков и их разновидностей.

Многие авторы в своих работах дают характеристики экономической политики белогвардейцев, демонстрируя сильные и слабые стороны их политических и экономических решений. Однако работ по описанию методики определения подлинности данных денежных знаков и оценке их рыночной стоимости явно недостаточно. Историография рассматривает не все существующие разновидности бон, акцент в основном делается на самые известные и распространенные денежные знаки. Детальное изучение денежных знаков периода Гражданской войны еще впереди (или еще только начинается).

Ссылки

1. Анисимов А. А., Головкин А. Н., Платонов М. Ю. Деньги белого Юга: Каталог-ценник. М.: Ростовская типография, 2012. 116 с.
2. Баранов А. Г., Ломакин А. В. Бумажные денежные знаки Юга России 1917–1920 гг. М.: Дипак, 2008. 296 с.
3. Владимирский М. В. Уточнение атрибутики казначейских билетов главного командования ВСЮР // Коллекционер. М.: Связь, 2005. С. 263–274.
4. Лазарев В. А. История донской валюты // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2008. № 57. С. 122–130.
5. Черниченко М. Ю. Инфляция и инфляционная паника в тылу войск генерала А. И. Деникина в отражении экономической публицистики Белого юга России (1919 г.) // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 33–40.
6. Черниченко М. Ю. Кризис денежного обращения в тылу войск генерала Деникина в освещении печати Юга России 1919 г. // Новый исторический вестник. 2014. № 1. С. 70–86.
7. Лазарев В. А. И все-таки она была. К вопросу о существовании в Ростове-на-Дону в 1921 году фабрики Гознака // Красная звезда. 1995. № 40. С. 22–29.
8. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны, 1917–1920 годы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. 312 с.

9. Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб.: Миниатюра, 1993. 80 с.
10. Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М.: РАН; Институт Российской истории, 2000. 255 с.
11. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения. Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 5–284.
12. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 г. – январь 1919 г. Минск: Харвест, 2002. 560 с.
13. Карпенко С. В. Налоговая политика белых правительств на Юге России в 1919–1920 гг. // Экономический журнал. 2011. Т. 4, № 24. С. 111–121.
14. Владимирский М. В. Белый деникинский Крым: июнь 1919 – март 1920. М.: Кучково поле, 2019. 317 с.
15. Коломийцева В. А. Финансовые бури Гражданской войны в Крыму. Хроники исторических событий (1917–1922 гг.). Симферополь: Нижняя Орианда, 2022. 600 с.
16. Баранов А. Г. О выпуске бумажных денежных знаков Вооруженных Сил на Юге России образца 1920 г. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2007. Вып. 84. С. 48–56.
17. Костырин К. Э. Зарисовки о суррогатах в денежном обращении Донского края в период Гражданской войны. Ростов-на-Дону: НОК, 2021. 84 с.
18. Лазарев В. А. Символика в рисунках донских денежных знаков // Коллекционер. 2010. № 2. С. 34–38.
19. Карпенко С. В. Очерки истории белого движения на юге России (1918–1920 гг.). М.: Ипполитов, 2003. 351 с.
20. Олещук А. Р. Денежные выпуски Ростовской-на-Дону конторы Государственного банка и Вооруженных Сил на Юге России, выпущенные на территории Украины и Крыма // Труды I Всероссийской конференции бонистов: Нумизматический форум 2007. М.: Ипполитов, 2007. С. 15–21.
21. Chia Lin Su. The “color» of Money: the Ruble, Competing Currencies and Ideas about Citizenship in Manchuria and the Russian Far East, 1890s–1920s // The Russian Review. 2014. No. 73. P. 22–31.

History of the partisan reconnaissances squad "Yaroslavets"

I. S. Modnov¹, S. V. Kudryavtsev²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Independent researcher, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-512-519

Research article
Full text in Russian

On the example of the partisan detachment "Yaroslavets", formed NKVD Department of the Yaroslavl region, the author considers the contribution of Yaroslavl region in the defeat of Nazi troops. The detachment was created in 1942 and was sent behind enemy lines in the Smolensk region. The study of the history of the detachment made it possible to analyze the patriotic upsurge of the inhabitants of the region during the Great Patriotic War.

Keywords: war; partisans; sabotage; Yaroslavl; NKVD

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Modnov, Ivan S. | E-mail: modnov76@gmail.com

Kudryavtsev, Sergei V. | Cand. Sc. (History)

История партизанского отряда «Ярославец»

И. С. Моднов¹, С. В. Кудрявцев²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Независимый исследователь, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-512-519
УДК 94(470)

Научная статья
Полный текст на русском языке

На примере партизанского отряда «Ярославец», сформированного Управлением НКВД СССР по Ярославской области, рассматривается вклад Ярославской области в разгром немецко-фашистских войск. Отряд был создан в 1942 г. и заброшен в тыл врага в Смоленскую область. Изучение истории отряда позволило раскрыть патриотический подъем жителей области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: война; партизаны; диверсия; Ярославль НКВД

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моднов, Иван Сергеевич	Е-mail: modnov76@gmail.com Доцент кафедры морфологии факультета биологии и экологии, ведущий специалист Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма
------------------------	---

Кудрявцев, Сергей Владимирович	Кандидат исторических наук, независимый исследователь
--------------------------------	---

В годы Великой Отечественной войны советские органы государственной безопасности¹ внесли значительный вклад в разгром немецко-фашистской Германии, с успехом вели борьбу с разведывательными и контрразведывательными органами Третьего рейха, составлявшими одну из самых сильных спецслужб. Работа органов госбезопасности велась по многим направлениям, причем значимость того или иного участка работы существенно варьировалась на различных этапах войны – по мере изменения стратегической обстановки на фронте, освобождения оккупированных территорий и удаления линии фронта от прифронтовых областей, в числе которых в октябре – декабре 1941 г. фактически оказалась Ярославская область.

¹ Далее – органы госбезопасности.

В первые месяцы вторжения органы Народного комиссариата внутренних дел² СССР были нацелены на противодействие вражеским диверсантам, недопущение антисоветских настроений и выступлений, боролись с дезертирством и паникерством, оказывали содействие в организации эвакуации населения и промышленных предприятий. В дальнейшем органы госбезопасности приступили к реализации классических контрразведывательных операций, в том числе радиоигр с немецкими разведывательными центрами, в ходе которых до противника доводилась дезинформация о ситуации в советском тылу, военном потенциале и прочих вопросах, интересовавших ставку главы Германии Адольфа Гитлера. На заключительном этапе войны возросла важность работы органов госбезопасности по розыску и ликвидации военных преступников и их пособников, пытавшихся скрыться от справедливого возмездия за совершенные преступления.

Приоритетным направлением деятельности местных органов госбезопасности явилось формирование диверсионно-разведывательных отрядов и групп (отрядов особого назначения или партизанских отрядов), которые после специальной боевой подготовки направлялись в тыл врага – на оккупированные советские территории, не слишком удаленные от линии фронта, в частности в Смоленскую, Псковскую и Калининскую области.

Данная работа активизировалась в начале 1942 г., когда после завершения первого – оборонительного – этапа битвы за Москву стала очевидной необходимость нанесения ударов по Вермахту посредством внесения хаоса в прифронтовые районы, уничтожения логистической инфраструктуры, обеспечивавшей германскую армию боеприпасами, топливом и продовольствием.

В число территориальных органов госбезопасности, перед которыми была поставлена задача формирования диверсионно-разведывательных отрядов, вошло Управление НКВД по Ярославской области³. План подготовки отряда был утвержден заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. З. Кобуловым.

Головным подразделением центрального аппарата НКВД СССР, курировавшим организацию диверсий в тылу врага, являлось 4-е Управление, возглавляемое старшим майором госбезопасности П. А. Судоплатовым (1907–1996) – легендарным советским контрразведчиком.

С сентября 1941 г. начальником УНКВД по Ярославской области являлся майор государственной безопасности Губин Владимир Владимирович (1904–1972), который лично курировал работу ярославских чекистов по формированию диверсионно-разведывательных отрядов, участвовал в отборе кандидатов, годных для засылки в тыл врага. С учетом важности задачи, поставленной центральным аппаратом, в феврале 1942 г. В. В. Губин выезжал на Калининский фронт для руководства операцией по переброске группы ярославских бойцов за линию фронта.

В течение января 1942 г. сотрудники УНКВД отобрали и обучили более 60 добровольцев, в основном мужчин в возрасте 30–40 лет, часть из которых

² Далее – НКВД.

³ Далее – УНКВД.

имела боевой опыт периода Гражданской войны и советско-финской («зимней») войны 1939–1940 гг.

Подготовку бойцов непосредственно курировал заместитель начальника УНКВД капитан государственной безопасности Никита Аркадьевич Крымян, который утвердил «Расписание занятий отряда особого назначения при Управлении НКВД по Ярославской области» [1. Л. 34].

Программа обучения включала лекции на тему «Отечественная война и партизанское движение», при этом разъяснялись задачи, методы и способы партизанской борьбы, личные качества партизана; боевую подготовку (обучение разведке, диверсиям и подрывному делу); топографию. Отдельным вопросом рассматривалось взаимодействие партизанских отрядов с действующими частями РККА. Лекционные занятия проходили в клубе УНКВД, стрельбы и тактические занятия – на полигоне вне городской черты.

Лыжная подготовка будущих партизан проходила в «детском парке поселка им. Бутусова⁴», который и в наше время является одним из излюбленных мест катания на лыжах жителей соседних – «бутусовских» домов. Выбор «бутусовского» парка, вероятно, был обусловлен его близостью к зданию областного управления НКВД.

Для понимания высокого чувства патриотизма и гражданского долга, присущих добровольцам ярославского отряда УНКВД, важно отметить, что люди, которым в самое ближайшее время предстояли заброска в тыл врага и выполнение смертельно опасных заданий, творчески и очень искренне выражали свой патриотический порыв – в архивных делах сохранились стихи, написанные бойцами [1. Л. 36], издавалась стенгазета «Партизан» [2].

10 февраля 1942 г. состоялся митинг бойцов и командиров отряда, направивших коллективное письмо начальнику УНКВД В. В. Губину и секретарю Ярославского обкома ВКП(б) М. Я. Канунникову. В письме, подписанном комиссаром отряда М. И. Снетковым от имени всех участников митинга, отмечалось, что «... какие бы трудности перед нами ни встали, в каком-бы тяжелом положении мы ни оказались, ни один из нас не смалодушничают и не отступит с пути истребления фашистов, вернемся только с победой...» [1. Л. 19].

4-м отделом УНКВД, отвечавшим за подготовку бойцов диверсионного отряда с учетом указаний центра, был утвержден список командного состава партизанского отряда в количестве шести человек.

Отряд возглавили кадровые чекисты: командир отряда старший лейтенант госбезопасности Б. Л. Соколов, помощник командира младший лейтенант госбезопасности С. Б. Лапук, комиссар отряда М. И. Снетков, помощник комиссара сержант госбезопасности В. Б. Демченко, начальник штаба А. Ф. Чаплин, помощник начальника штаба сержант милиции Д. М. Гогарин [1. Л. 27].

⁴ Бутусовский поселок — комплекс жилых домов в центральной части города Ярославля, в квартале, ограниченном улицами Республиканской, Свердлова, Чайковского и Пушкина. Построен по инициативе заведующего ярославского губернского коммунального отдела Бутусова Константина Ивановича в 1927–1929 гг.

Командир отряда Борис Лаврентьевич Соколов, 1897 (1898) г. рождения, воевал в Гражданскую войну на Восточном фронте, член ВКП(б) с 1924 г. На момент назначения на должность командира отряда Б. Л. Соколов проходил службу в 4-м Управлении НКВД СССР, характеризовался руководством как опытный оперативный работник, имеющий практические навыки диверсионной работы в тылу врага.

Отряд был разделен на три взвода численностью по 19 бойцов каждый, командирами которых являлись Н. З. Кванчихадзе (1-й взвод), М. Г. Шатов (2-й взвод), В. И. Пирогов (3-й взвод). В каждом взводе имелась женщина-медсестра и политрук, причем в 1-м взводе было три политрука (в каждом отделении) и радист – прикомандированный военнослужащий РККА. Самым возрастным бойцом являлся боец 3-го взвода Иван Генрихович Рутас, 1893 г. рождения, еще пять бойцов отряда были в возрасте 40–45 лет.

В целях экипировки бойцов была составлена справка «О снабжении партизанского отряда оружием и боеприпасами из расчета на 63 человека и на 2 человек запасной комплект» [1. Л. 43]. Каждому бойцу отряда полагался полный комплект зимней одежды, включая маскировочный халат, индивидуальный санитарный пакет, средства гигиены [1. Л. 41].

Показательно, что с учетом предстоящей диверсионно-разведывательной деятельности отряда на оккупированных территориях основную часть экипировки составило оружие иностранного производства, которое в будущем могло пополняться за счет трофеев. Бойцы отряда получили винтовки и карабины польского производства (всего 50 ед.), пистолеты «Вальтер» (30), «Браунинг» (16) и «Маузер» (14), финские ножи и гранаты РГД-33. Шесть наиболее подготовленных бойцов получили приборы для бесшумной стрельбы.

Таким образом, подготовленный руководством и сотрудниками УНКВД по Ярославской области особый диверсионно-разведывательный (партизанский) отряд, получивший наименование «Ярославец», был в полной мере готов к выполнению сложных оперативных задач в тылу врага. Подчеркнем высокий патриотический настрой командиров и бойцов отряда, сознававших важность поставленной перед ними задачи, хороший уровень их боевой подготовки (насколько это позволяли сжатые сроки) и экипировки отряда.

25 февраля 1942 г. отряд в количестве 65 человек был переброшен через линию фронта в районе боевых расположений 179-й стрелковой дивизии 22 Армии Калининского фронта – населенного пункта Пречистое Смоленской области. Боевой путь отряда отражен в докладной записке на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, направленной в августе 1942 г. за подписью В. В. Губина [1. Л. 138–144]. Данные докладной записки свидетельствуют о том, что бойцы, подготовленные ярославскими чекистами, показали себя в высшей степени профессионально, нанеся серьезные удары по тыловым частям Вермахта и получив ценные сведения о планах и дислокации противника в оккупированной Смоленской области.

Первоначально диверсионно-разведывательная деятельность отряда проходила на участке в районе города Белый и села Пречистое. Обстанов-

ка, в которой действовали партизаны, была «типичной» для оккупированных территорий: многочисленные зверства и массовые расправы над мирным населением со стороны немцев; попытки склонить местных жителей к сотрудничеству с оккупационными властями; постоянные рейды карательных отрядов, составленных из частей Вермахта, чинов полиции безопасности и СД, а также «полицаев» – граждан, перешедших на сторону врага.

В этих условиях проходило боевое становление ярославских партизан, совершены первые нападения на отдельные группы оккупантов, установлены надежные контакты с местными жителями, оказывавшими помощь партизанам, в том числе в сборе информации о передвижениях частей Вермахта.

В апреле 1942 г. отряд был выведен на кратковременный отдых и вновь переброшен в Ярцевский и Духовщинский районы Смоленской области с боевой задачей – осуществить диверсии с подрывом воинских эшелонов противника.

Выполняя приказ командования, в мае – июле 1942 г. бойцы отряда совершили подрыв 4 воинских эшелонов противника, уничтожив и повредив в общей сложности 141 вагон, на которых перевозились 42 танка, 12 бронемашин и 37 автомашин. Первый воинский эшелон противника был пущен под откос 10 июня 1942 г. в районе совхоза Шокино в 18 километрах западнее Ярцево. Вследствие удачного подрыва мчавшийся на восток эшелон превратился в нагромождение железа – первые вагоны вылетели с рельс, задние накренились, многотонные танки – не менее 20 единиц, а также другая техника свалились в кювет.

Ещё более результативной стала вторая диверсия, совершенная 24 июня 1942 г. в районе станции Свищево в 14 километрах западнее Ярцево. Ярославским партизанам удалось совершить подрыв крупного эшелона из 50 вагонов, на которых перевозилось 22 танка, 15 автомашин и 12 тягачей. Часть техники была полностью уничтожена, также было уничтожено около 200 солдат и офицеров Вермахта. Как докладывал командир отряда Б. Л. Соколов, крушение организовано «... путем мощного взрыва самого паровоза детонаторами натяжного действия, немецкого образца, при большой скорости движения... Благодаря этому большинство вагонов разбивались вдребезги» [1. Л. 140–141].

Отдельным направлением в деятельности отряда явилось уничтожение и, в отдельных случаях, перевербовка полицейских из числа бывших советских граждан, служивших в немецких комендатурах, полицейских командах и прочих оккупационных органах управления.

Так, в деревне Песнево Духовщинского района в ходе налета партизаны уничтожили штаб вспомогательной полиции, ликвидировали 14 полицаев, в том числе начальника волостной полиции. За каждым из полицаев тянулся шлейф преступных деяний.

Бойцами отряда и в первую очередь командирами и политруками проводилась работа с местным населением. Это было очень сложным делом – Смоленщина находилась под оккупацией с июля 1941 г., советские активисты,

члены партии, комсомольцы были практически полностью уничтожены, население – недавние колхозники – запугивались террором и массовыми расправами, а немецкая пропаганда насаждала нацистские идеи «нового порядка», проповедовала «скорый крах коммунистов».

Несмотря на тотальный террор, ярославцы сформировали в зоне действия отряда «разведывательную сеть», всего использовались 85 местных жителей, осуществлявших визуальную разведку, – именно так получались сведения о передвижениях оккупантов, местах дислокации, составе частей и прочее. Примечательно, что бойцы отряда, имевшие опыт агентурной работы, в случае необходимости шли на обоснованный риск, осуществляя перевербовку вражеских агентов. Так был перевербован старший полицейский, предоставивший ряд ценных сведений, впоследствии переданный на связь чекистам райотдела НКВД.

Для борьбы с партизанами немецко-фашистское командование применяло различные подразделения СС, СД, вспомогательной полиции, зондеркоманды и айнзатцгруппы.

В течение 1942 г. в городе Ярцево, в окрестностях которого действовали ярославские партизаны, дислоцировался отряд зондеркоманды 7А – карательного подразделения, сформированного в июне 1941 г. и приданного 4-й танковой армии. Командиром зондеркоманды 7А с февраля 1942 и до января 1943 гг. являлся оберштурмбаннфюрер СС Альберт Рапп [3]. В послевоенный период Рапп был осужден как военный преступник.

С мая – июня 1942 г., когда существенно облегчилось передвижение по лесным массивам, бойцы и командиры отряда вступили в борьбу с немецкими карателями. По сообщению Б. Л. Соколова, в селе Дубовицы была установлена и уничтожена школа по подготовке разведчиков и диверсантов, предназначенных для заброски в тыл Красной Армии. Следствие по делу курсантов школы проводилось особым отделом НКВД 22 Армии Калининского фронта [1. Л. 143].

Отрядом также была выявлена и разоружена бандитская группа в количестве 16 человек, действовавшая под видом советского партизанского отряда. Для проведения следствия бандиты были переданы чекистам особого отдела 179-й стрелковой дивизии [1. Л. 143].

В течение всего пребывания в тылу врага отряд выполнял указания 4-го Управления НКВД СССР по добыванию разведывательной информации о дислокации частей Вермахта. В Центр были переданы по радиации «военно-разведывательные сводки о скоплении и передвижении войск противника, о наличии техники, аэродромов и расположении складов боеприпасов» [1. Л. 142].

Деятельность отряда «Ярославец» получила высокую оценку центрального аппарата НКВД СССР и командования 22 Армии Калининского фронта.

14 апреля 1942 г. приказом командующего 22 Армии генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками в тылу противника

и проявленные при этом доблесть и мужество» трое партизан, в том числе заместитель командира отряда, младший лейтенант госбезопасности Лапук Семен Борисович, награждены медалью «За отвагу», шесть бойцов – медалью «За боевые заслуги» [1. Л. 68]. Приказом войскам Калининского фронта № 0130 от 24 апреля 1942 г. командир отряда Б. Л. Соколов был награжден орденом Красной Звезды.

За время нахождения в тылу врага в боевых столкновениях с регулярными частями Вермахта и вспомогательной полицией погибли 9 бойцов отряда [1. Л. 144].

Вернувшись в июле 1942 г. в Ярославскую область партизаны были расквартированы на специально выделенной базе УНКВД, располагавшейся в 14 км от Ярославля на берегу реки Волги, на территории лесопарковой зоны в зданиях бывшей усадьбы (дачи) купцов Пастуховых.

В упомянутой выше докладной записке В. В. Губина на имя наркома внутренних дел Л. П. Берии отмечалось, что «... отряд представляет из себя хорошо организованную, высоко дисциплинированную и опытную боевую единицу, вполне способную на выполнение любых боевых заданий» [1. Л. 144].

Руководством 4-го Управления НКВД СССР было принято решение о разделении отряда на несколько диверсионно-разведывательных групп, каждая из которых будет снабжена рацией и после дополнительной подготовки направлена в тыл врага.

После непродолжительного отдыха командный состав и бойцы отряда приступили к дополнительной подготовке с акцентом на проведении разведывательных операций и диверсий на железнодорожном транспорте и в отношении высокопоставленных чинов немецко-фашистского командования и нацистов. Из наиболее опытных 16 бойцов был составлен новый отряд особого назначения, получивший наименование «Суворовцы», заброшенный в тыл врага в ноябре 1942 г.

Таким образом, первый отряд особого назначения «Ярославец», подготовленный сотрудниками УНКВД по Ярославской области в январе – феврале 1942 г., в полном объеме выполнил поставленные Центром боевые задачи, уничтожил значительное количество гитлеровцев и их пособников из числа предателей, полицаяв и дезертиров, получил особо ценные сведения о ситуации в тылу Вермахта.

Боевые операции, проведенные бойцами и командирами особого отряда УНКВД, стали классическими образцами партизанской деятельности на оккупированных врагом территориях Советского Союза.

Ссылки

1. Архив УФСБ России по Ярославской области. Ф. 21. Оп. 3. Д. 36.
2. Архив УФСБ России по Ярославской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 56, конверт 27, фото 2.
3. Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 2. СПб, 2003. С. 32–33.

Peculiarities of the relationships between the USSR and the USA in July – October 1942

P. A. Tupikin¹

¹Lomonosov Moscow state University, 27 building 4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-520-525

Research article
Full text in Russian

The article examines the relationship between Washington and Moscow in the second half of 1942. It was at this time that the Western allies decided that it was impossible to open a second front in Europe, as Joseph Stalin insisted, and chose the Mediterranean version of the military-political strategy. The author's key task is to study the mechanisms that the Soviet leadership used to keep the United States in line with the strategy they proposed, to study the key contradictions that arose during this period in the relationship between the two key partners and ways to resolve them.

Keywords: Soviet-American relations; second front; Lend-Lease; allies; Big Three

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tupikin, Pavel A. | E-mail: tupikin.p@yandex.ru
| Cand. Sc. degree seeking applicant

Особенности взаимоотношений СССР и США в июле – октябре 1942 г.

П. А. Тупикин¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, 119234, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-520-525
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются взаимоотношения Вашингтона и Москвы во второй половине 1942 г. Именно в это время западные союзники приняли решение о невозможности открыть второй фронт в Европе, на чем настаивал И. Сталин, выбрали средиземноморский вариант военно-политической стратегии. Ключевой задачей автора является исследование механизмов, которые использовало советское руководство, чтобы удерживать США в русле предлагаемой ими стратегии, изучение ключевых противоречий, сложившихся в данный период во взаимоотношениях двух ключевых партнеров, и способов их разрешения.

Ключевые слова: советско-американские отношения; второй фронт; ленд-лиз; союзники; Большая тройка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тупикин, Павел Александрович | E-mail: tupikin.p@yandex.ru
Соискатель

Летом – осенью 1942 г. альянсу СССР и США пришлось пройти серьезную проверку на прочность. Несмотря на то что данный период советско-американских отношений можно назвать одним из наиболее сложных и противоречивых, он недостаточно исследован на фоне столь крупных событий, как Тегеранская конференция и выработка Большой тройкой послевоенного миропорядка. Однако имеющиеся в доступе источники показывают, что именно в это время усиливаются противоречия между союзниками, начинает нарастать недоверие советского руководства к США.

После возвращения В. М. Молотова из Вашингтона, где он находился с целью урегулирования вопроса о поставках в СССР и об открытии второго фронта, казалось, что взаимопонимание между союзниками най-

дено, что удалось разрешить ряд противоречий: договориться об открытии второго фронта в Европе, обсудить вопросы поставок необходимого СССР вооружения. В качестве демонстрации развития отношений в США приглашается советская делегация для выступления в американских колледжах перед группами, собранными организацией студенческой взаимопомощи [1, л. 39]. Однако уже ближайшие события показали, что Москва и Вашингтон по-разному видят складывающуюся военно-политическую ситуацию. В ходе визита Г. Гопкинса и Дж. Маршалла в Лондон уже в июле 1942 г. американская сторона приняла возражения британцев и согласилась на вторжение в Северную Африку [2, с. 333].

Тревожные новости поступали и от советских дипломатов. Вице-консул СССР в Лос-Анжелесе указывал, что военные круги относятся холодно к открытию второго фронта, пресса делает невнятные заявления, поддержки этой идее находится немного [3, л. 8–9]. Другой проблемой, проявившейся в данный период, стала приостановка конвоев, отправляющихся в СССР, что произошло после разгрома конвоя PQ-17. Ф. Рузвельт после длительных уговоров У. Черчилля вынужден был согласиться на данный шаг, хотя и настаивал на необходимости увеличения перевозок через Персию [4; 5, с. 261]. Разумеется, подобный демарш союзников вызвал гнев И. Сталина, который обвинил премьер-министра в необоснованном отказе от поставок, хотя именно советская сторона несла наиболее тяжелые потери [6, с. 54].

Такая реакция усугублялась донесениями советских дипломатов из Вашингтона. 14 августа 1942 г. советник полномочного представительства СССР в США А. А. Громько отправил руководителю НКВД В. М. Молотову донесение, где нарисовал неутешительную картину по интересующим Кремль вопросам. Он указал, что в США не наблюдается целеустремленности направить основную массу имеющихся ресурсов против Гитлера. Более того, среди командного состава армии США крепки антисоветские настроения. Именно военные, с точки зрения советских дипломатов, оказывали давление на президента, говоря о неподготовленности США к открытию второго фронта. Что касается производства вооружений, то за шесть месяцев 1942 года Соединенные Штаты произвели военного снаряжения в полтора раза больше, чем за весь 1941 год [7, л. 16–17]. Подобные донесения не укрепляли доверия Москвы к своим союзникам, лишь усиливали уверенность, что они пытаются решить собственные задачи, используя СССР в своих интересах. Тем не менее Сталин, судя по всему, продолжал воспринимать Рузвельта как наиболее значимого, ценного партнера: все недовольство вождь высказывал премьер-министру, «оберегая» главу Белого дома, пытаясь выстроить с ним конструктивный диалог.

Чтобы снять сложившуюся напряженность, в августе Черчилль и А. Гарриман (эmissар Рузвельта) отправились в Москву с целью сообщить вождю о стратегических планах партнеров по Большой тройке. В рамках трех встреч Сталина с союзниками вождь снова прибег к лицедейству, демонстрируя то теплое отношение и благодарность (первая и последняя встречи), то необычайно холодный прием на второй встрече, когда вождь обвинил союзников в срыве договоренностей об открытии второго фронта. А. Гарриман сделал вывод, что вождь боится оппозиции в Кремле и «комиссары в Политбюро обладают большей властью, чем полагают на Западе» [7, с. 152–158]. Страх перед борьбой в Кремле, возможность прихода к власти группы, нацеленной на сговор с Гитлером, пугали Вашингтон, поэтому вождь, зная об этом, пытался разыгрывать данную карту, создавая у Белого дома ощущение, что в советском руководстве идет «подковерная борьба» различных сил.

Еще одной картой, разыгранной вождем в данный период, стала поддержка советскими дипломатами обеспокоенности Вашингтона возможным поражением Красной армии под Сталинградом, опасения, что Гитлер может получить доступ к полезным ископаемым Кавказа. Посол СССР в США М. М. Литвинов во время общения с представителями союзников заявил, что Сталинград для СССР потерян, что Кавказ попадет под контроль Германии [8, л. 92]. Это было сказано на фоне заверений Сталиным Черчилля в том, что Сталинград будет удержан. Тот факт, что после того, как англичане сообщили в НКВД о подобной позиции Литвинова, последний сохранил свой пост, свидетельствует о тщательной срежиссированности Кремлем заявлений дипломата.

Еще сильнее кризис в советско-американских отношениях усугубила ситуация с самолетами «Аэрокобра», которым Москва давала крайне высокую оценку и которые Черчилль, с молчаливого согласия Белого дома, не отправил в СССР. Это вызвало вполне справедливый гнев вождя. Кризис был в результате улажен, но напряженность в отношениях Кремля с союзниками продолжала сохраняться. Параллельно с этими событиями Рузвельт решил отправить в Москву своего личного эmissара, лидера республиканцев У. Уилки. Последний стремился и к усилению собственного влияния, особенно накануне выборов в Конгресс. Этот факт в полной мере был оценен Москвой, которая использовала визит американского политика, его желание повысить свой политический рейтинг на фоне просоветских лозунгов, чтобы снова поднять дискуссию о необходимости открытия второго фронта и важности усиления помощи СССР.

Посланник Белого дома прибыл в СССР в конце сентября 1942 г. Он встретился с В. Молотовым, И. Сталиным, работниками НКВД, побывал на производстве, понаблюдав, как работают советские предприятия в условиях войны. Советское руководство обсудило с У. Уилки сложив-

шуюся военно-политическую ситуацию, всячески продемонстрировало, что советский народ ждет открытия второго фронта (записи бесед эмиссара США с работницами советских предприятий оставляют послекуские тщательно срежиссированной постановки «спонтанных вопросов», которые задавали советские граждане), отметило, что Вашингтон недобросовестно выполняет свои поставки по конвоям. В частности, Сталин указывал, что программа поставок реализована на 40–50 % на южном направлении и лишь на 15–20 % на северном, учитывая потери от потопления [9, л. 27]. В результате Уилки сделал позитивный вывод о готовности Кремля сопротивляться Германии до последнего. Он воспринял Сталина как «человека дела», который понимает, что ему требуется. Уилки пообещал, что поднимет и в периодической печати, и в правящих кругах вопрос об усилении помощи Москве.

В конце сентября – октябре взаимоотношения советского руководства с американским истеблишментом представляли собой своеобразные «качели», когда требования усилить помощь и исполнять все взятые на себя обязательства сочетались с позитивным диалогом по ряду экономических и стратегических вопросов. Сохранилась запись беседы Литвинова с заместителем министра финансов США Г. Уайтом, где последний дал крайне нелестную характеристику своим коллегам из госдепартамента. В частности, он указал, что среди ключевых работников ведомства нет более или менее прилично относящихся к СССР людей. Очень плохо, по мнению Уайта, к Кремлю относились руководитель европейского отдела Р. Аттертон и заместитель госсекретаря Лонг. Более того, заместитель министра выразил советскому послу сомнения в том, что второй фронт будет открыт в Европе в ближайшем будущем [10, л. 32–33]. Данная запись наглядно иллюстрирует, какие настроения передавались советским послом в Москву, а также уровень связей Литвинова, степень откровенности, с которой отдельные представители американского истеблишмента взаимодействовали с послом.

В октябре советские дипломаты фиксируют большую твердость Рузвельта относительно открытия второго фронта. Это происходило и по причине вовлеченности США в военную операцию в Северной Африке. Кроме того, президент «взят на буксир собственным военно-морским окружением», которое всеми возможными способами пыталось переключить внимание Рузвельта от европейского театра. На фоне выбранной стратегии Белого дома выгодно смотрелся вернувшийся в Штаты Уилки, который, набирая политические очки, в своих выступлениях поднимал вопрос о важности поддержки СССР. Как отмечает Литвинов, Рузвельт, раздражённый сложившейся ситуацией, «хотел бы максимизировать удовлетворение советских требований, компенсируя отсутствие второго фронта» [11, л. 14].

Таким образом, климат взаимоотношений двух держав в указанный период в целом можно расценивать как позитивный. Несмотря на разногласия, взаимное недоверие, опасения, что каждая сторона преследует в первую очередь собственные цели, Кремль и Белый дом понимали, что в условиях глобального конфликта являются стратегическими союзниками, поэтому сохраняли верность взятым на себя обязательствам. Причины непоследовательной политики Белого дома советское руководство (во многом благодаря донесениям работников посольства) видело в давлении со стороны правящих кругов на президента США, поэтому стремилось найти сторонников в американском истеблишменте, окружении Рузвельта, а также использовало общественное мнение и оппозицию как рычаг давления на президента. Еще одним механизмом воздействия на Белый дом стали политические манипуляции Кремля, к которым можно отнести миф о политической оппозиции в советском руководстве, подкрепляемый вождем, заявления о возможной потере Красной армией стратегически важных районов. Вместе с тем обе стороны понимали необходимость укрепления взаимоотношений, в том числе и через развитие личной дипломатии на уровне лидеров двух держав.

Ссылки

1. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4, п. 22. Д. 230. Л. 39–40.
2. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. 564 с.
3. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п. 143. Д. 6. Л. 7–10.
4. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др. М.: Терра, 1995. 798 с.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1958. Т.1. 296 с.
6. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п., 143. Д. 6. Л. 16–17.
7. Harriman A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y.: Random House, 1975. 595 p.
8. АВП РФ. Ф. 0192. Оп. 26. Лит. АВТО, п. 236. Д. 3. Л. 92–93.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 380. Л. 27–31.
10. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п. 143. Д. 2. Л. 32–33.
11. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4, п. 22. Д. 232. Л. 12–14.

"The face of lost battle": P. Sabin and his generic model of "the great clashes of the ancient world"

A. A. Abakumov¹

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pegagogical University, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-526-533

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the original contribution to "The Face of Battle" methodology – Prof. Philip Sabin's mathematical model of ancient battle published in his monograph "Lost Battles". The model is intended to reinforce Sabin's viewpoint on the "mechanics" of the ancient battle and to provide quite convincing reconstruction of the battle when the primary sources are often insufficient or contradictory. The main element of his model concerns testing variously the psychological state of the soldiers at different stages of the battle. Being based on the available source data, it nevertheless allows "alternative" scenarios and can be used as board wargame.

Keywords: The Face of Battle; John Keegan; Philip Sabin; "Lost Battles"; Ancient Warfare; wargames

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abakumov, Arkady A. | E-mail: arc79@yandex.ru
| Cand. Sc. (History)

«Лицо потерянной битвы»: Ф. Сабин и его универсальная модель «великих сражений античности»

А. А. Абакумов¹

¹ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-526-533
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается оригинальный вклад в методологию «Лицо битвы» – математическую модель античного сражения проф. Ф. Сабина, опубликованную в его монографии «Потерянные сражения» (“Lost Battles”). Модель призвана подкрепить теоретические выкладки Сабина о «механике» сражения и предназначена для создания убедительной реконструкции битвы, когда сведения источников зачастую недостаточны или противоречивы. Главный элемент модели – тестирование психологического состояния воинов на разных этапах сражения на основе имеющихся источников. Реализация в рамках модели «альтернативных» вариантов развития событий может использоваться как настольная игра.

Ключевые слова: Лицо битвы; Джон Киган; Филип Сабин; Lost Battles; военное дело античности; wargames

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов, Аркадий Алексеевич	E-mail: arc79@yandex.ru
	Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории

В 1976 г. выход монографии британского историка Д. Кигана «Лицо битвы» («The Face of Battle») заложил основу нового направления в историографии на стыке военной истории и психологии. Начав когда-то с интервьюирования ветеранов Второй мировой войны, свою главную задачу Киган видел в том, чтобы «определить природу человеческой храбрости». Его занимали не столько стратегия и тактика, сколько условия, в которых находятся люди в бою: сама окружающая обстановка, звуки, запахи, вооружение и чувство защищённости, усталость, влияние боевого опыта, то-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

варищей рядом и непосредственных командиров, риск получить ранение или попасть в плен и т.п. [1, с. 11, 66]. Традиционный взгляд на сражение «сверху», глазами генералов, откуда солдаты представляются в виде «бездушных шахматных фигур» или стрелок на карте [2, с. 6; 3, с. xv], Киган предложил дополнить, «взглянув в лицо битве» глазами простых бойцов непосредственно с передовой. При этом он счёл вполне допустимым сравнивать бойцов из разных времён, поскольку угроза их жизни и необходимость ей противостоять принципиально не меняются: «неважно, как ты можешь погибнуть (от пули, от стрелы или от меча), важно, что ты можешь погибнуть» [1, с. 10]. Для анализа «механики битвы» он отобрал три знаковых примера из богатой военной истории Англии – от средневековья до первой мировой: Азенкур, Ватерлоо и Сомма.

Методология Кигана быстро обрела известную популярность, у него появились последователи, применявшие её не только для конфликтов XX века (наиболее обеспеченных воспоминаниями ветеранов), но и для прошлых эпох, в том числе и древней истории. Сам Киган о ней специально не писал, лишь кратко упомянув о Фукидиде и Цезаре в источниковедческом обзоре [1, с. 55–60]; здесь его продолжателями выступили другие специалисты. Так, монография В. Хэнсона о военном деле классической Греции (где он приписывает «свободным людям Запада» традицию выигрывать одним стремительным ударом по главным силам противника, выводя её от древних греков к современным американцам [4, с. 9–10]) содержит предисловие Кигана [4, с. ix–xiii], в сборнике «Битва в древности» есть посвящение Кигану [5, с. vii]. Примечательна открывающая сборник статья Х. ван Вееса о воинской ментальности у Гомера: анализируя поведение в бою героев «Илиады», автор сравнивает их то со средневековыми рыцарями, то с японскими самураями, то с современными солдатами [5, с. 30–36], демонстрируя, что люди на поле боя, в сущности, похожи независимо от времени и места действия.

Тем не менее по методу Кигана, с опорой на свидетельства очевидцев, работать можно прежде всего с двумя периодами античной истории – это классическая Греция, где в распоряжении исследователей есть, в частности, труды Фукидида и Ксенофонта (не только «отцов греческой историографии», но и ветеранов боевых действий), и Рим от Цезаря и далее (прежде всего «Записки» самого Цезаря). В силу специфики сохранившихся источников (значительную часть которых составляет царская пропаганда) остаётся практически не охваченным Древний Восток; из исключений стоит выделить статью И. Шоу о Древнем Египте в том же сборнике «Битва в древности» [5, с. 239–269] и монографию Ч. Тримма, немалая часть которой посвящена сражениям [6, с. 187–310]. Вместе с тем, как ни странно, проблемным для определения «механики битвы» является и крайне важный для античной истории период между греческой классикой и кон-

цом Римской республики, включая в т. ч. и эпоху эллинизма (походы Александра Македонского и их последствия) и даже такой, казалось бы, хорошо знакомый сюжет, как Пунические войны [7, с. 78]. Сохранившиеся с тех времён сочинения обычно не принадлежат непосредственным участникам событий и написаны уже гораздо (а порой и сильно) позже, к тому же сами авторы далеко не всегда являлись специалистами в военном деле. Лакуны, ошибки, противоречия в источниках могут усложнять историческую реконструкцию. В этой связи особое место среди последователей и продолжателей Д. Кигана занимает его соотечественник Ф. Сабин, предложивший реконструировать «механику битвы» V–I вв. до н. э. с помощью универсальной математической модели (или симулятора). Опираясь известными данными и не оспаривая их (при этом допуская изменение тех или иных параметров), симулятор призван воссоздать логичную и непротиворечивую картину события [3, с. xx; 8, с. 424].

Научные интересы профессора Сабина, специалиста по моделированию военных конфликтов из Королевского колледжа в Лондоне, давно соприкасались с военной психологией. В своей докторской диссертации (1986) он изучал отношение британцев к угрозе ядерной войны, а в дальнейшем публиковал работы в широком исследовательском диапазоне – от британской авиации до военного дела древности (в последнем случае выпустив ряд статей и став соредактором двух сборников – о Пунических войнах и о военном деле в целом [9–10]). Заголовок одной из его статей [11] прямо отсылает к труду Кигана, а итоговая монография 2007 г. [3] имеет красноречивое название «Потерянные сражения» («Lost Battles») – английское «lost» одновременно означает и «проигранные», и «потерянные» в том смысле, что важная информация о событии могла быть утрачена.

В первой части монографии обосновывается создание универсальной модели; она содержит краткий обзор источников и общие рассуждения о военном деле античности (состав армий, передвижение, командование, сам бой). Вторая часть («The Battles») представляет собой своего рода краткий авторский справочник по 35 ключевым битвам от Марафона до Фарсала [3, с. 90–219] со ссылками на дискуссионные места в источниковедении и историографии и пояснениями, почему то или иное сражение моделируется именно так. В частности, в связи с битвой при Рафии (217 г. до н. э.) это её реконструкция израильским историком Б. Бар-Кохвой (прежде всего спорная локализация поля битвы) и разная оценка численности птолемеевской пехоты у Полибия [3, с. 157–158]. Некоторых сражений, важных для истории древнего мира (в т. ч. битвы при Ипсе (301 г. до н. э.), где окончательно решилась судьба империи Александра Македонского), но не освещённых в источниках с достаточными для моделирования подробностями (описание боевых порядков, особенности поля битвы, сам её ход), автор сознательно не касается [3, с. xix, 5].

Сабин оспаривает распространённое в литературе мнение, согласно которому стороны сначала обстреливали друг друга, затем сходились в долгой и изнурительной рукопашной. В его интерпретации «лицо» римской (и не только) битвы имело следующий вид: противники до последнего старались уклоняться от решающего столкновения «строй на строй», совершая сложные манёвры на поле боя, наступая и отходя, стараясь не ломать боевую линию и при этом сохранять дистанцию; при этом отдельные воины и небольшие группы могли переходить в ближний бой. Саму рукопашную схватку в древности он сравнил со штыковыми атаками в XIX в., к которым прибегали в решающий момент и урон от которых был прежде всех психологическим, а не физическим [3, с. 263; 11, с. 13]. При этом, как указывает автор, в историографии представление об античном сражении как о «кинематографичном» массовом побоище ранее уже критиковалось и предлагались альтернативные версии. Так, А. Голдсуорти (опираясь среди прочего на данные археологии – в частности, анализ травм костей из античных и средневековых погребений) изображал его как серию недолгих сближений и отходов, где большинство воинов стремилось «уберечься самим, а не убить врага» [2, с. 219–224]; А. Л. Жмодиков рассматривал бой римских легионеров как преимущественно метательный, когда они могли бросать пилумы «волнами», подходя из задних линий или подбирая использованные [7, с. 89, 94; 11, с. 12].

Сама битва могла длиться часами, пока сохранялся строй; утрата строя приводила к катастрофе, бегству и массовым потерям (непосредственно во время сражения они были сравнительно невысокими). Главной причиной этого Сабин считает деморализацию из-за гибели полководца или некоей военной хитрости противника (например, удар из засады или угрозу окружения). Следовательно, античный бой он видит как «состязание нервов», где определяющим являлся талант военачальника – его задачей было успешно применить соответствующую хитрость, не подставиться под таковую самому и поддерживать боевой дух своих людей в условиях, когда при неразвитых средствах коммуникации на поле боя это могло быть крайне затруднительно. При этом численность войск, их вооружение, особые войска (в частности, боевые слоны присутствовали почти в половине сражений той эпохи, но лучше всего действовали против конницы, против обученной пехоты уже куда менее успешно, а в целом, как и другие «экзотические» рода войск, наносили урон больше психологический, чем физический [10, с. 419–421]) сами по себе преимущества не давали – учесть всё это и грамотно этим распорядиться входило в обязанности полководца. Безусловно, он мог советоваться со своими офицерами, но, поскольку вся информация от разведчиков, шпионов и дезертиров поступала именно к нему, основную ответственность за проис-

ходившее на поле боя он нёс лично [3, с. 43–73; 9, с. 64–71; 10, с. 429–433; 11, с. 7–12].

Работа «Потерянные сражения» завершается предложением проверить выводы автора на практике. В магистратуре Королевского колледжа Сабин с 2003 г. вёл специальный курс по выбору “Conflict Simulation”, где предлагал студентам разработать симулятор какой-либо битвы или целой кампании в виде настольной игры и протестировать его с коллегами; свой преподавательский опыт он подробно описал в отдельной книге [12, с. 31–63]. Сравнивая вслед за К. Клаузевицем войну с игрой в карты [3, с. xvii; 8, с. 423], автор считает, что интерактивный формат занятий, пусть нетрадиционный и непростой в освоении, позволяет студентам глубже понять динамику конфликта, развивает у них не только исследовательские, но и творческие навыки, умение работать в команде. Особо он отметил, что курс показался интересен и девушкам, которые в один из годов составили около половины группы; всего курс закончило более сотни студентов, а лучшие проекты были изданы в качестве коммерческих [8, с. 421, 427–428].

Параллельно Сабин является многолетним членом британского «Общества древностей» (“Society of Ancients”), объединяющего любителей военной истории античности и средневековья и поклонников популярного хобби – настольные военные игры (wargames). Игры ведутся по особым правилам, где участники выступают командирами армий; авторы правил, составляя их, стараются соблюсти разумный баланс между реалистичностью и увлекательностью – так, чтобы и сражение выглядело достоверно, и играть при этом было интересно. Самому Сабину принадлежит несколько вариантов таких правил (“Phalanx”, “Legion”, “Strategos”); в этом смысле он охарактеризовал “Lost Battles” как своего рода «вершину эволюции» и «самую амбициозную попытку» [3, с. xix, 248; 8, с. 424]). По существу, его модель можно использовать двояко – и как симулятор, и как игру. В первом случае модель может показать, могло ли любое из проанализированных им 35 сражений прийти к историческому результату (или близкому к нему) на основе имеющейся информации или с поправками (например, когда разнятся сведения о соотношении сил). Это в своём роде наглядное пособие, позволяющее проиллюстрировать источниковые данные (например, как небольшая, но сплочённая и опытная армия могла победить огромное, но необученное и наспех собранное в разных местах войско) и заодно справедливость идей Сабина о ходе античной битвы.

Первоначально Сабин указывал, что для апробации модели не требуется ничего, кроме листа бумаги, карандаша и ластика [3, с. xx, 246]. Затем появились её компьютерные версии в формате «виртуальный стол» (без искусственного интеллекта), а в 2011 г. «Потерянные сражения» были изданы в виде настольной игры с фишками, причём в комплект вошла

и одноимённая монография (русский перевод которой вышел в 2017 г. в московском издательстве «Клио»).

Модель работает следующим образом. Каждая из «потерянных битв» отыгрывается на поле 5X4 клетки, обе армии разделены примерно на 20 отрядов каждая, войска отличаются по типу (пехота и конница – лёгкая и тяжёлая, слоны и колесницы) и классу (низкий, Levy, средний, Average, и высокий, Veteran). В зависимости от численности армий, известной по источникам, для каждого сценария вводится специальный модификатор – он влияет на условную ширину каждой клетки (от 300 до 1200 м) и число отрядов, которые могут там находиться одновременно. Это позволяет примерно прикинуть размеры поля боя и рассчитать длину боевого порядка, чтобы понять, могла ли армия физически развернуться и успешно действовать в данной местности. При этом точная численность отрядов не указывается (автор считает, что ей можно пренебречь) – у них есть только два параметра, «свежие» и «уставшие» [3, с. 227–245]. По умолчанию в каждом сценарии принята «историческая» расстановка сил (с обоснованием автора), и это вынуждает примерно следовать «историческим» планам сторон – так, в сценарии «Канны» карфагеняне будут пытаться окружить римлян, а те, в свою очередь, избежать окружения [3, с. 75–88].

Сам бой рассчитывается просто: когда отряды соприкасаются, бросаются два шестигранных кубика. Нужное для успешной атаки значение указано в специальной таблице, где учитываются тип отряда, его класс и местность, где он находится. При неудаче (когда очков выпало меньше, чем нужно) ничего не происходит, при удаче отряд из «свежего» становится «уставшим», а при повторной удаче обращается в бегство. Разгром отряда вынуждает проверять боевой дух всей армии (особенно соседних отрядов), и сражение заканчивается, когда управление одной из сторон нарушается полностью. Так что одним из ключевых параметров в симуляторе является боевой дух воинов, который тестируется разными способами. Главным автор считает именно возможность сохранять строй, потеря которого приводит к быстрой деморализации и бегству.

Таким образом, и теоретические выкладки Ф. Сабина, и их практическая реализация являются весьма оригинальной попыткой понять «механику битвы» и реконструировать её, когда данных для этого недостаточно. Что любопытно, чисто внешне модель Сабина реализована как «взгляд сверху» («генеральский», grand tactical) – вид на поле боя с птичьего полёта, армии состоят из крупных соединений, отдельные воины непосредственно не представлены. Однако предполагается, что определяющим параметром является их психологическое состояние; в этом и выражается «взгляд снизу» в соответствии с методологией «лица битвы», и здесь симулятор показывает, каким образом на него влияют разные факторы, к каким последствиям это приводит, как развивается массовая паника

и чем это может грозить. Наконец, модель Сабина представляет собой ещё и редкий пример настольной военной игры (причём коммерчески успешной), которую разработал профессиональный военный историк и аналитик, в то же время игрок с большим стажем. Тем самым она может быть интересна не только специалистам, но и любителям военной истории.

Ссылки

1. Keegan J. *The Illustrated Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo, and Somme*. London; New York: Penguin Books, 1989. 303 p.
2. Goldsworthy A.K. *The Roman Army at War. 100 BC-AD 200*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 311 p.
3. Sabin P. *Lost Battles: Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World*. London: Continuum Books, 2007. 298 p.
4. Hanson V.D. *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. London: Hodder and Stoughton, 1989. 244 p.
5. *Battle in Antiquity* / Ed. by A.B. Lloyd. London: Duckworth, 1996. 278 p.
6. Trimm C. *Fighting for the King and the Gods. A Survey of Warfare in the Ancient Near East*. Atlanta: SBL Press, 2017. 721 p.
7. Koon S. *Phalanx and Legion. The "Face" of Punic War Battle // A Companion to the Punic Wars*. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 77–94.
8. Sabin P. *Wargames as an Academic Instrument // Zones of Control. Perspectives on Wargaming*. Cambridge (Mass.); London: The MIT Press, 2016. P. 421–437.
9. Sabin P. *The mechanics of battle in the Second Punic War // The Second Punic War: A Reappraisal* / Ed. by T. Cornell, B. Rankov, P. Sabin. London: Institute of Classical Studies, 9.6. P. 59–79.
10. Sabin P. *Land Battles // Cambridge History of Greek and Roman Warfare* / Ed. by P. Sabin, M. Whitby, H. van Wees. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 399–433.
11. Sabin P. *The Face of Roman Battle // The Journal of Roman Studies*. 2000. Vol. 90. P. 1–17.
12. Sabin P. *Simulating War: Studying Conflict through Simulation Games*. London: Continuum Books, 2012. 363 p.

The lemurs in the Malagasy mythology

E. V. Spiridonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-534-543

Research article
Full text in Russian

Lemurs are one of the most common characters of Malagasy myths and fairy tales. The anthropomorphism of primates is one of the reasons for their mythologization. They act as forest spirits, cultural heroes, totemic ancestors, have the ability to transform into people, imitate their voices and behavior. The attitude towards lemurs is ambivalent, they can act both as human helpers and as monsters that devour people. Most often indris, sifakas, ring-tailed lemurs and aye-eyes are mentioned in myths and fairy tales.

Keywords: lemurs; Madagascar; mythology; rituals

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spiridonova, Elena V. | E-mail: selenavlad@gmail.com
Cand. Sc. (History)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Лемуры в малагасийской мифологии

Е. В. Спиридонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-534-543

Научная статья

УДК 94(47)+03:19.41.09

Полный текст на русском языке

Лемуры являются одними из наиболее распространенных персонажей малагасийских мифов и сказок. Антропоморфизм приматов является одной из причин их мифологизации. Они выступают в качестве лесных духов, культурных героев, тотемных предков, обладают способностью превращаться в людей, подражать их голосам и поведению. Отношение к лемурам двойственно, они могут выступать и как помощники человека, и как чудовища, пожирающие людей. Чаще всего в мифах и сказках упоминаются индри, сифаки, катты и ай-ай.

Ключевые слова: лемуры; Мадагаскар; мифология; ритуалы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиридонова, Елена Владиславовна

E-mail: selenavlad@gmail.com

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018).

Мадагаскар, четвертый по величине остров мира, расположен в Индийском океане у юго-восточного берега Африки. Первые жители появились здесь около 10 тыс. лет назад. Их присутствие подтверждается немногочисленными археологическими находками и отражено в малагасийском фольклоре.

Собственно история Мадагаскара начинается с появления австронезийских племен, прибывших сюда в I–V веках с территории современной Индонезии. Позднее сюда через Мозамбикский пролив проникают африканские бантуязычные племена. Их смешение начинается примерно в X веке, а потомки составляют основу современного населения острова [1]. Несмотря на деятельность исламских и христианских проповедников и обосновавшихся на острове буддийских общин, малагасийская куль-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тура сохраняет самобытность. Базовой системой верований на Мадагаскаре был и остается анимизм, вера в души и духов людей и животных, живых и мертвых. Центральную роль играет культ предков и связанные с ним погребальные обряды.

По представлениям малагасийцев мир вокруг наполнен множеством духов. Видимый мир обеспечивает людей пищей, предоставляет материалы, необходимые для повседневных нужд; невидимый – населен сверхъестественными существами, нередко вмешивающимися в жизнь людей, несущими как зло, так и благо. Если божества далеки от людей, то духи живут рядом, и, чтобы контролировать их, необходимы многочисленные обряды и ритуалы. Духи выступают как посредники между людьми и богами, реальным и потусторонним миром.

Повседневная жизнь малагасийцев подчинена комплексу требований и запретов, регламентирующих отношения между людьми и духами. Для того чтобы правильно выстроить взаимоотношения с духами, необходимо соблюдать свод определенных моральных правил, регламентирующих поведение каждого члена общества. Они базируются на стабильности и преемственности. Чтобы избежать ошибки, способной изменить привычный и правильный ход жизни, строго регламентируется поведение, взаимоотношения и действия людей. Мифологическая система Мадагаскара построена на концепции неосязаемой Вселенной, где каждое совершенное человеком действие сказывается на нём самом и на всем обществе. Среди сверхъестественных обитателей мифологического пространства есть духи человеческого происхождения (духи предков) и природные духи (обитатели лесов). И те и другие в разных ситуациях могут выступать как носители доброго и злого начал.

Обитающие в лесу животные наделяются сверхъестественными силами и сами по себе, и как вместилище злых духов. В малагасийском фольклоре лесные обитатели антропоморфизируются. Вполне безопасные животные могут восприниматься как источники опасности и требовать особого отношения, которое выражается в многочисленных обрядах и ритуалах.

Одной из особенностей Мадагаскара, повлиявших на мифологические представления местных жителей, стала уникальность островной фауны. Более 80 % обитающих здесь животных являются эндемиками. Малагасийский лес лишен крупных хищников, но многие из его вполне мирных обитателей считаются весьма опасными для человека в силу своих сверхъестественных качеств. Одни животные являются почитаемыми. Их убийство осуждается. Другие – считаются приносящими несчастья.

Среди «странных» обитателей леса – лемуры. Эти представители отряда приматов встречаются только на Мадагаскаре и Коморских островах. Специфический внешний вид, преимущественно ночной об-

раз жизни и отношение к ним местных жителей привели к тому, что прибывшие на остров европейцы назвали невиданных животных «лемурами», зловредными духами умерших (согласно представлениям римской мифологии). Благодаря отсутствию на острове обезьян, лемуры смогли занять пригодные для жизни экологические ниши и разделились на множество видов. Среди 97 известных на настоящий момент видов есть карликовые представители (весом в 30 г) и крупные особи (весом в 10 кг). Многочисленные фады (табу), их окружающие, связаны с разными статусами животных: предок, помощник, священное животное, злой дух и т. д.

В малагасийских мифах и сказках люди и лемуры нередко прибегают к обману, чтобы провести друг друга. Они имитирует голос, жесты и поведение человека настолько точно, что различить человека и зверя становится практически невозможно. Примером такого обмана может служить история, популярная среди народности бетсимисарака с восточного побережья Мадагаскара и записанная французским исследователем Р. Декарри. В ней рассказывается о жителях одной деревни, которые вынуждены были укрываться в горах, спасаясь от напавших на них соседей. Нападавшие долго преследовали беглецов, слыша впереди голоса, которые, как они думали, принадлежали их жертвам. В чаще леса они внезапно оказались окружены животными, которых раньше никогда не встречали. Это были бабакото (короткохвостые индри). Преследователи решили, что жители деревни превратились в лемуров, и убежали. Жители деревни, которые таким образом сумели спастись, пообещали почитать бабакото и никогда не охотиться на них [2, р. 164]. В данном случае голоса лемуров, имитирующие человеческие, используются для обмана людей в помощь другим.

Антропоморфность лемуров тревожила людей, приводила к восприятию животных как близких родственников или предков. Особенно часто подобные поверья касались именно бабакото. Это самый крупный вид современных лемуров, ростом 65–90 см и весом до 10 кг. Он отличается черно-бело-серой окраской, большими ушами и почти безволосой мордочкой. Именно с ним было связано предание о происхождении племени бетсимисарака.

В нем говорится, что в древние времена страну охватил страшный голод. Мужчина по имени Ибабаникото и его жена ушли в лес, питались листьями и корнями. Их потомки разбрелись по земле, оставаясь единым народом («бетсимисарака» переводится как «те, что многочисленны и неразделимы»). Когда земля вновь стала плодородной, многие решили снова возделывать свои поля, но некоторые отказались вырубать и сжигать деревья, остались в лесу, изменили внешность, превратились в бабакото [3, р. 10]. В другой истории женщине пришлось время рожать, но ленивые родственники отказались ей помочь. Тогда она ушла в лес, и добрые

духи превратили ее в бабокото. Когда спохватившиеся родственники побежали за ней, они увидели лемура с лицом женщины [4, с. 249].

На юге и юго-востоке Мадагаскара популярна другая легенда. В ней рассказывается о человеке, которого несправедливо обвинили в преступлении. В день своей казни он бежал и превратился в сифаку (хохлатый индри). Увидевший это палач объявил, что человек невиновен. Но тот так и не вернул себе человеческий облик и остался жить в лесу [5, р. 237].

В данном случае мы наблюдаем вариант, когда человек мимикрирует под животное, чтобы спастись от гибели, причем не воспринимает это как переход на более низкую ступень жизни. Примечательна сама ситуация, в которой палач решил отпустить заключенного, обратившегося в лемура в результате вмешательства сверхъестественных сил.

Человеческие повадки сифаки часто отмечаются в местных легендах. По земле они часто передвигаются на двух ногах, сидят, положив руки на колени, «танцуют», «молятся». Малагасийцы верят, что, принимая подобные позы, животные удерживают охотника от убийства. Кроме того, сифаки, в отличие от большинства лемуров, ведут дневной образ жизни.

В данном случае люди стали животными не для того, чтобы остаться людьми, а скорее в стремлении избежать человеческого состояния. Этот подход подчеркивает анимистическую концепцию традиционной малагасийской мысли. В рамках одной истории могут встречаться варианты временного и постоянного превращения в животного.

Например, в сказке «Андриамбахуака Равухимена и волшебные зерна», записанной на западном побережье Мадагаскара, младшая жена короля Рефаран во время его отсутствия родила пятерых сыновей. Старшие жены, ее сестры, украли младенцев и приказали отнести в лес, а сестре сказали, что она родила старые тряпки. Женщина превратилась в лемура и убежала лес, где у всех спрашивала, скоро ли вернется король. После долгих приключений король вернулся, и дети нашлись. Рефаран вернула себе человеческий облик, а ее сестрам стало стыдно: одна из них превратилась в лемура, а другая – в кузнечика [4, с. 127-133].

Легенда, записанная в 1922 г. на северо-западном побережье Мадагаскара, гласит, что один из представителей королевской семьи бежал от врагов, захватив с собой пару любимых сифак, а так как все, что принадлежит правителю и его семье священно, племена сакалава признают таковыми всех лемуров, которых считают потомками той пары [6, р. 214].

Легенда дополняется преданием, записанным на полуострове Антрема, где рассказывается, как Ампанджака, предка князя, два сифаки исцелили ему больную ногу, научив пользоваться лекарственными растениями. Эта способность была унаследована всеми его потомками. Их с того

дня называют Зафиндрасифака, «потомки сифаки». Они защищают сифак как членов своей семьи [7, р. 290–291].

Сифаки действительно обладают способностью к «самолечению»: едят землю, которая абсорбирует токсины, способствует пищеварению и обеспечивает лемулов необходимыми минералами и солями, употребляют термитов, что помогает переваривать преимущественно растительную пищу и т. д. [8, р. 119–122].

Подобная способность лемулов, связанная с целительством, касается не только сифак. Например, С. Ф. Кулик приводит случай, рассказанный одним из местных жителей: «Недавно у меня болела жена, кричала и стонала от боли. Мы несколько раз просили, чтобы к ней из Анталахи прислали доктора, но он не приезжал. И тут как-то вечером у моей хижины появился валуви, очень редкий лемур, который ведёт ночной образ жизни и которого я видел за всю жизнь только в третий раз. Валуви держал в лапе неведомый нам корешок. Сначала он сосал этот корешок сам, затем зашёл в хижину, взял лежавший рядом с женой кусок манго, а ей положил корень. Мы решили, что это духи прислала жене редкое лекарство, заварили корень и дали пить больной. Через неделю она поправилась» [9, с. 89–90]. Валуви, или мышиный лемур, относится к мелким видам и весит всего от 300 до 500 г.

На юге Мадагаскара в стране бара одно из самых священных мест носит название Ранохира, «река лемулов». Это название связано с местной легендой: давным-давно король и его свита решили искупаться в реке, но на том месте уже купались катта (кольцехвостые или кошацьи лемулы, мадагаскарское название – маки). Слуги решил прогнать животных, но король в своей великой мудрости заявил, что, так как лемулы пришли первыми, они могут остаться. С того дня среди местных жителей катта являются запрещенными для охоты и потребления, а место, где они купались, считается священным [10, р. 37].

Далеко не всегда лемулы являются положительными персонажами. Например, в одной из мадагаскарских сказок приводится история прекрасной Имаромихи, которая отказывала всем женихам, требуя, чтобы ее будущий муж никогда не садился в седло. Лемур, живший в лесу, решил пойти посмотреть, в чем дело. Он взял с собой двух рабов, обмотал хвост вокруг себя, как пояс, оделся и вооружился. Приехав к девушке, лемур предложил ей пожениться, сказав, что он никогда не сидел в седле. Девушка согласилась, родственники не возражали. Но после трехдневного путешествия к дому мужа Имаромиха и две сопровождавшие ее служанки обнаружили обман и выяснили, что лемулы собирались их съесть. В этой истории девушкам удалось сбежать [11, р. 315]. В ней уже не человек превращается в лемула, а лемур притворяется человеком. Кстати, подобный сюжет с браком между женщиной и собирающим-

ся ее съесть монстром, характерен для всего региона Индийского океана [6, р. 97]. А на Мадагаскаре когда-то действительно водились гигантские лемуры, чей вес достигал 200 кг. Вполне вероятно, что такие гиганты вызвали ужас у первых обитателей острова. Лемуры вымерли, а страх остался, закрепившись в ряде мифологических сюжетов.

Наиболее негативно малагасийцы относятся к руконожке (или ай-ай). Это небольшое животное размером с кошку ведет ночной образ жизни и отличается весьма специфичной внешностью: светящиеся в темноте желтые глаза, торчащие передние зубы, чрезвычайно длинный средний палец... Ни одно другое животное на Мадагаскаре не является героем такого количества мифов и сказок, примет и суеверий. Местные жители считают, что встреча с ай-ай приносит несчастье или даже смерть. Кроме того, в некоторых районах Мадагаскара деревья, чьими плодами любят лакомиться ай-ай, часто растут на кладбищах. В итоге животное, часто видимое около могил, стало ассоциироваться со смертью.

Если руконожка появляется в деревне, жители пытаются поймать и убить его. Местные считают, что это единственный способ избежать последующей катастрофы [2, р. 190]. На севере Мадагаскара многие считают, что для избегания несчастья люди должны покинуть свои дома. Как указывают путешественники, в 1960-е гг. такие заброшенные деревни были достаточно многочисленны. Конечно, было бы несправедливо винить одного ай-ай, уход людей мог быть связан и с банальной урбанизацией, когда большинство населения переселялось в крупные города. Но местные легенды, как правило, связывают заброшенные поселения именно с ай-ай.

В каждом регионе есть собственные легенды и мифы об ай-ай. В прибрежных районах севера и почти по всему восточному побережью встреча с ай-ай в лесу не имеет негативных последствий, поскольку животное находится в естественной среде обитания. Но, когда оно покидает лес и садится на крышу дома, это считается плохим предзнаменованием для его жителей: что-то плохое случится в течение следующей недели.

На северо-западе и около Тоамасины есть отдельные деревни, где в праздничные дни ай-ай даже употребляют в пищу. Это возможно только в том случае, если несчастье было предотвращено с помощью магических ритуалов (например, пения определенных песен или одновременного плача всех деревенских детей). Считается, что, если «изгнание зла» не увенчалось успехом, мясо ай-ай может стать ядовитым [12, р. 115].

Почти повсеместно плохой исход может быть остановлен только убийством ай-ай. Мертвых животных подвешивают за хвост на обочине дороги. Местные жители объясняют подобные действия по-разному: неудачу нужно отнести за пределы деревни; прохожие незнакомцы унесут с собой все несчастья. [6, р. 238].

Не только ай-ай, но и другие лемуры могут обитать на кладбищах. Отсюда их связь с культом предков. Считается, что предок, по отношению к которому не выполнены нужные погребальные обряды, чем-то недовольный или нуждающийся в помощи, может появляться в месте захоронения в виде животного (помимо лемуров это могут быть крупные ночные бабочки, змеи и т. д.). Малагасийцы не только не трогают их, но и следят за детьми, чтобы они, играя, не причинили вреда подобным существам. За его пределами защита на животных не распространяется [13, с. 326].

Живущие на севере Мадагаскара антакарана на ежегодном празднике почитания предков цакафара приносят жертвы у подножия дерева, скалы или источника, которые считаются священными. Просьбы сельских жителей многочисленны и касаются здоровья, рождаемости, благосостояния. Подношения лемурам: бананы и другие фрукты, которые они любят, – удерживают их рядом с деревней [14]. Жители деревень следят за благополучием животных и предупреждают посторонних, которые могли бы причинить им вред.

Существует немало рассказов о злоключениях иностранцев, которые нарушили запреты: о жандарме, дочь которого внезапно умерла, когда он забрал священного лемура из деревни; о торговце креветками, который заманил лемура из деревни Анказомборона в свою машину и попал в аварию по дороге домой и т. д. [15, с. 54]

Многочисленные фади (табу) по отношению к лемурам, как правило, образуются в результате необычного события, пережитого отдельным человеком или целой группой. Фади могут сохраняться, даже если их причины со временем будут забыты. Статус, присуждаемый животному, зависит от различных критериев, начиная от внешнего вида и поведения и заканчивая потенциальной ролью в повседневной жизни малагасийцев. Признанные родственные связи между людьми и лемурами касаются в первую очередь крупных лемуров из семейства индри. Статус общего предка или помощника-спасителя обеспечивают животное традиционной защитой. Например, бабакото не может быть схвачен и съеден людьми из племени бетсимисарака, сифака находится под защитой среди народа тандрой на юге Мадагаскара и т. д. [10, р. 132].

Запреты на употребление лемуров в пищу связаны и с представлениями об отвратительности их мяса. В полукучевом племени бара, живущем на юге центральных плоскогорий Мадагаскара, запрещено есть мясо карликового лемура, которого они описывают как «грязную крысу» [16, р. 330]. И наоборот, регионе Макира (северо-восток), на лемура вари охотятся, так как верят, что отвар, приготовленный из волос на его шее, сможет излечить от кашля и астмы [17, р. 214]. Свойственная приматам близость к человеку, их антропоморфный вид обеспечили животным исключительное положение в мифологической системе Мадагаскара. Местные жители ве-

рят, что в лемурув «переселяются души умерших или тех, кто покинул людей и ушёл жить в лес. Посмотри на сифаку, и ты сам всё поймёшь. Он очень похож на человека и никогда не делает вреда» [9, с. 89].

Уважаемых и почитаемых лемурув малагасийцы называют «tompon-tanu» (хозяева земли). Считается, что они появились здесь задолго до людей. Лемурув почитают, поскольку они когда-то помогли людям или являются их предками. Соответственно, их убийство является страшным фадом, так как, вероятно, они принадлежат королевскому семейству и священны (масина) [18, р. 56]. Некоторые из лемурув, наоборот, являются предвестниками бед и несчастий. Немногие животные имеют такой разнообразный статус в одной и той же мифологической системе.

Лес для малагасийцев — не просто источник пищи, строительных материалов, целебных растений, но и особый мир, населенный многочисленными сверхъестественными персонажами. Да и сам лес нередко предстает в виде своеобразного живого организма, способного думать, чувствовать и разговаривать. Все блага, которые человек получает от леса, доступны лишь при почтительном отношении к проживающим там существам. Лишь мирное сосуществование с миром духов позволяет человеку рассчитывать на их помощь, заботу и содействие. Примечательно, что сейчас, когда вырубка лесов на Мадагаскаре становится неконтролируемой, а значительная часть лесных обитателей находится под угрозой исчезновения, многие экологи, занимающиеся проблемой охраны окружающей среды, обращают внимание на местные традиции во взаимоотношениях людей и мифологических обитателей леса.

Основной угрозой для лемурув является исчезновение лесов. Учитывая серьезность ситуации, леса, которые все еще труднодоступны, например леса полуострова Антрема в провинции Махадзанга, представляют собой приоритетную проблему в программах сохранения животного мира Мадагаскара. Отношение местных жителей к лемурам как священным животным помогает охране окружающей среды.

В Антреме, например, сельские жители участвуют в программах научных исследований, являются активными защитниками экосистемы, осознавая экологические, экономические и культурные проблемы, связанные с ее разрушением. Таким образом, традиционное мышление местного населения и сегодня могут оказывать влияние на жизнь Мадагаскара.

Ссылки

1. Early Holocene human presence in Madagascar evidenced by exploitation of avian megafauna / J. Hansford [et al] // *Science advances*. 12 Sep 2018. Vol 4. Issue 9. DOI 10.1126/sciadv.aat6925.

2. Decary R. *La faune malgache, son rôle dans les croyances et les coutumes indigènes*. Paris: Payot, 1950. 279 p.

3. Harpet C. Des lémuriens et des hommes: mythes, représentations et pratiques à Madagascar // *Revue de Primatologie*. 2011. Vol. 3. P. 1–22.
4. Сказки Мадагаскара / перевод с французского, предисловие и комментарии Ю. С. Родман; под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Наука, 1965. 272 с.
5. Abinal A., Vaissiere C. Vingt ans à Madagascar: colonisations, traditions historiques, mœurs et croyances. Paris: Lecoffre, 1885. 363 p.
6. Levy-Bruhl L. L'expérience mystique et les symboles chez les Primitifs. Paris, 1938. 314 p.
7. Harpet C., Navarro L., Ramanankirahina R. Rôle et Implications des croyances et des savoir-faire locaux dans les programmes de conservation: Exemple d'un site à lémuriens sacrés au cœur de la Station Forestière à Usages Multiples d'Antrema (pays Sakalava, Madagascar) // *Revue Écologie*. 2008. Vol. 55. P. 289–292.
8. Termite Soil Eating in Kirindy Sifakas (Madagascar): Proposing a New Proximate Factor / I. Norscia [et al] // *Folia Primatologica*. 2005. Vol. 76. P. 119–122.
9. Кулик С. Ф. Когда духи отступают. М.: Мысль, 1981. 223 с.
10. Mittermeier R. Lemurs of Madagascar. Virginia: Conservation International, 2010. 762 p.
11. Haring L. Malagasy Tales Index. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1982. 505 p.
12. Lambertson C. Contribution à la connaissance de la faune subfossile de Madagascar. Lémuriens et Ratites, Archeoindris, Chirmys, Megaladapis. Tananarive: Pitot, 1934. 168 p.
13. Шпажников Г. А. Религии стран Африки. М.: Наука, 1981. 346 с.
14. Harpet C. Le lémurien dans les groupes linguistiques du nord-ouest de Madagascar et du sud de Mayotte: Éléments pour une Anthropologie de la biodiversité // INALCO. 2005. URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00176057/fr/> (дата обращения: 20.12.2022 г.).
15. Harpet C. Mythe et réalité du leurre dans la culture malgache: les relations hommes-lémuriens // *Cahiers d'anthropologie sociale*. 2013. №. 9. P. 48–58.
16. Faublée J. Récits bara. Paris: Institut d'Ethnologie, 1947. 587 p.
17. Golden C. Eaten to endangerment: mammal hunting and the bushmeat trade in Madagascar's Makira Forest. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 250 p.
18. Harpet C. Le lémurien: du sacré et de la malédiction (Madagascar). Paris: L'Harmattan, 2000. 176 p.

Why did Seneca the elder consider Gaius Asinius Pollio to be a founder of the first public recitations in Rome?

E. V. Snedkova¹

¹Lomonosov Moscow state University, 27 building 4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-544-553

Research article
Full text in Russian

Gaius Asinius Pollio (c. 75 BC – 4 AD), Roman commander, politician, orator and writer is also known as the founder of public recitations in Rome. The reason for this was the following phrase from the *Controversions* by Seneca the Elder: “Pollio was the first of all the Romans to have read his works to the invited public” (*Contr. IV. praef. 2*). Nowadays it is accepted by scholars that Pollio did not introduce public recitations, however, there is still no consensus on what exactly this innovation was. In this article, the author considers modern interpretations of the fragment from the *Controversions* and offers her own interpretation, concluding that Pollio initiated the reading of works for a wider audience at a more formalized level.

Keywords: Gaius Asinius Pollio; Seneca the Elder; recitations; poetry; culture; antiquity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Snedkova, Ekaterina V. | E-mail: kiseleva.kate@gmail.com
Postgraduate

Почему Сенека считал Гая Азиния Поллиона родоначальником первых публичных рецитаций в Риме?

Е. В. Снедкова¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, 119234, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-544-553
УДК 78+94(38)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Гай Азиний Поллион (ок. 75 г. до н. э. – 4 г. н. э.) – римский государственный деятель, полководец, оратор и писатель известен также и как родоначальник публичных рецитаций в Риме. Причиной послужила следующая фраза из «Контроверсий» Сенеки Старшего: «Поллион первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых» (Contr. IV. praef. 2). В настоящее время в научной литературе, как правило, принимается точка зрения о том, что публичные рецитации Поллионом введены не были. Однако единого мнения насчёт того, в чём именно заключалось его нововведение, среди исследователей не существует. В настоящей статье автор рассматривает современные трактовки фрагмента из «Контроверсий» и предлагает свою интерпретацию, приходя к выводу, что Поллион инициировал чтение произведений для более широкой аудитории на более формализованном уровне.

Ключевые слова: Гай Азиний Поллион; Сенека Старший; рецитации; поэзия; культура; античность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Снедкова, Екатерина Владимировна | E-mail: kiseleva.kate@gmail.com
Аспирант

В эпоху Римской империи одним из распространённых культурных явлений становятся публичные рецитации. Так назывались собрания, на которых зачитывались литературные тексты – по большей части произведения поэтов и историков, однако не были исключением и другие литературные жанры.

Известным поклонником подобных чтений был Плиний Младший, чьи «Письма» представляют собой один из лучших источников для ре-

конструкции практики публичных рецитаций в Риме. Согласно многочисленным фрагментам из «Писем», Плиний не только часто посещал выступления других авторов, но и сам любил зачитывать собственные произведения перед аудиторией, чтобы выслушать критику и советы перед изданием своих трудов. У. А. Джонсон высказывает мнение, что такие чтения для Плиния имели и более значимую, чем сугубо практическую, роль. Согласно исследователю, в своих «Письмах» Плиний пытался воссоздать идеал современных ему элитарной культуры и элитарного общества. Таким образом, публичные рецитации выполняют также важную социокультурную задачу [1, p. 32–62]¹.

Однако мнение Плиния Младшего разделяли далеко не все его современники, которых можно причислить к упомянутой культурной элите. Уже во второй половине I в. до н. э. такой вид интеллектуального досуга становится настолько повсеместным, что постоянные чтения однообразных произведений вынуждают Ювенала взяться сочинять сатиры, словно в отместку декламирующим на каждом шагу поэтам (*cum tot ubique vatibus occurras*; *Iuv.* 17–18): свою первую сатиру он начинает с вопросов: «Всегда ли мне быть только слушателем? Неужели я, столь часто мучимый «Тезеидой» осипшего Корда², не противопоставлю ничего в ответ?» (*Iuv.* 1–2). Недоволен множеством публичных рецитаций был и Марциал, посвятивший одну из своих эпиграмм шейному платку, который следовало бы брать с собой приглашённым на рецитации, чтобы можно было с помощью него защитить свои уши (*Si recitaturus dedero tibi forte libellum // Hoc focale tuas adserat auriculas*; *Mart.* 137).

Как замечает Л. И. Савельева, которая подробно сравнила взгляды Ювенала, Марциала и Плиния Младшего на публичные рецитации в своей статье 1954 г. [3], такое «распространение поэтического дилетантизма» стало следствием «полезного начинания» Гая Азиния Поллиона – введения публичных рецитаций в Риме. Однако так ли виновен в учреждении подобной, впоследствии «выродившейся» практики именно сам Поллион и в чём именно заключалась его роль?

Прежде чем полностью посвятить себя занятиям литературой, Азиний Поллион успел пройти весьма насыщенный карьерный путь на политическом и военном поприще, который пришёлся на эпоху гражданских войн в Риме³. Он был верным сторонником Цезаря, а после мартовских ид 44 г. до н. э. занимал видное положение при Антонии. Два наиболее значимых события в политической карьере Поллиона приходятся на 40 г. до н. э. – подготовка соглашения в Брундизии, в котором он участвовал как представитель Антония, и консульство. Последним назначением

¹ В ещё более широком контексте перехода от республики к принципату детально рассмотрела практику рецитаций Ф. Дюпон [2].

² О поэте Корде, современнике Ювенала, ничего не известно.

³ Подробнее о политической карьере Поллиона см. очерк Дж. Дзеккини [4].

Поллиона стало его проконсульство в Далмации в 39 г. до н. э., после чего он предпочёл отойти от государственных дел и, вернувшись в Рим и справив триумф, полностью посвятить себя занятиям литературой, которая, по выражению Р. Сайма, значила для него больше, чем война и политика [5, p. 241]. Значительный вклад Поллиона в развитие римской литературы неоднократно отмечали исследователи, занимавшиеся деятельностью Поллиона в культурной сфере [6–9], в которой он выступал не только как автор,⁴ но и как выдающийся организатор⁵.

Причиной тому, что имя Азиния Поллиона связывают с введением практики публичных рецитаций в Риме, послужила следующая фраза из предисловия к четвёртой книге «Контроверсий» Сенеки Старшего: [Pollio] primus enim omnium Romanorum advocatis hominibus scripta sua recitavit (Sen. contr. IV. praef. 2) – «Поллион первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых». В 1922 г. Э. Д. Пирс писала об этом как о «заметном нововведении» [6, p. 42]. Однако спустя тридцать лет А. Дэлзелл пересмотрел приведённый фрагмент из «Контроверсий» и по-новому поставил вопрос о роли Азиния Поллиона в учреждении публичных рецитаций [7].

Точная дата события, которое упоминает Сенека Старший, нам неизвестна. По мнению А. Дэлзелла, ввести подобную практику Поллион мог только после 39 г. до н. э. Вполне логичной представляется и точка зрения, высказанная впоследствии К. Квинном, согласно которой описываемое Сенекой нововведение (вне зависимости от конкретных мер, которые были приняты Поллионом) относится, наиболее вероятно, к 43–42 гг. до н. э. [14, S. 159]. На тот момент Поллион действительно не только мог располагать относительно свободным временем, но и уже был значимой фигурой в литературной среде, выступая в качестве патрона поэтического «кружка», в которой входили такие поэты, как Корнелий Галл, Вергилий и Парфений Никейский [15]. К тому же в восьмой эклоге, написанной предположительно в 39 г. до н. э., Вергилий воспеваёт стихи Поллиона⁶ – единственные достойные котурна Софокла (*sola Sophocleo tua carmina digna coturno*; Verg. Buc. VIII. 10).

Тем не менее я считаю датировку А. Дэлзелла более убедительной ввиду того, что наиболее подходящим местом для любых новых начинаний в литературной сфере представляется именно Рим, остававшийся

⁴ Поллион писал как стихи, так и прозу. Наиболее значимым его произведением был несохранившийся труд по истории гражданских войн, состоявший из 17 книг. От сочинений Поллиона до нас дошли лишь некоторые небольшие отрывки и фрагменты в пересказах более поздних античных авторов [10–11].

⁵ К «организаторской деятельности» Поллиона в литературной сфере относится, в частности, основание им первой публичной библиотеки, которая располагалась в атриум Свободы, возведённом Поллионом на средства от своего иллирийского триумфа [12, p. 5; 13, p. 284].

⁶ Поллион не назван в восьмой эклоге как её адресат, но признаётся таковым большинством современных исследователей [16–18].

центром культурной жизни и в эпоху гражданских войн. В предисловии к первой книге «Контроверсий» Сенека признаётся, что из всех великих ораторов своего времени он не слышал лишь одного Цицерона, чему причиной были бушевавшие в государстве гражданские войны, которые удерживали Сенеку внутри его города – Кордубы (Sen. contr. I. praef. 11). На 37 или 35 гг. до н. э. приходится упоминание о драматических произведениях Поллиона уже не у Вергилия, входившего на момент написания VIII эклоги в его поэтический «кружок», а у Горация (Hor. Sat. I. 10, 41–42), который ассоциировал себя с поэтами круга Мецената. Б. Л. Ульман, комментируя упоминание Поллиона в десятой сатире Горация, остроумно замечает, что Поллион представлял в то время «кружок, состоящий из него самого» (a circle by himself) [19, p. 163], что предоставляло ему больше времени и сил посвящать литературной деятельности в самых разных её проявлениях.

Однако основную проблему составляет вопрос, в чём именно заключалось нововведение Поллиона. Рассмотрев сведения о более ранних практиках чтения произведений вслух в присутствии определённой аудитории, А. Дэлзелл приходит к выводу, что в Риме таким образом поэзию зачитывали уже во II в. до н. э. – сначала греческие грамматики, а затем и сами римляне [7, p. 23]. Исследователь также приводит фрагмент из шестой сатиры первой книги Горация с упоминанием публичных рецитаций, которые ко времени написания стихотворения уже имели широкое распространение (Hor. Sat. I. IV. 73–76). Гораций признаётся, что читает (recito) свои стихи только перед друзьями и то «вынужденно, не везде, не на глазах у всех не для каждого», но в то же время есть очень много людей, которые читают (recitant) свои сочинения и посреди форума или же в банях, так как их своды приятно откликаются в ответ их голосом (Hor. Sat. I. IV. 73–76: *Nec recito cuiquam nisi amicis idque coactus // non ubivis coramve quibuslibet. in medio qui // scripta foro recitent, sunt multi quique lavantes: // suave locus voci resonat conclusus*). По мнению А. Дэлзелла, эти строки поэт написал до 38 г. до н. э. или одним-двумя годами позже, то есть в любом случае публичные рецитации не могли успеть распространиться так широко за такое короткое время, если бы они были действительно введены в Риме Азинием Поллионом [7, p. 24].

Таким образом, А. Дэлзелл отвергает ранее существовавшие трактовки упомянутой фразы из Сенеки: Поллион не был ни «изобретателем» публичных рецитаций; ни первым, кто рассылал приглашения (так как приглашений требовали и частные рецитации); ни первым, кто зачитывал именно свои произведения. Историк приходит к выводу, что инновация Поллиона заключалась в учреждении публичных рецитаций на более формальной основе (on a more formal basis) [7, p. 26]. Такую точку зрения можно встретить и в более поздних исследованиях. Так, Э. Фантам

[20, p. 92], Т. Кит Дикс [13, p. 287] и Э. Лефевр [21, S. 12] отмечают «официальный» статус таких рецитаций, однако последний также подчёркивает, что на них рассылались приглашения и зачитывались там произведения собственного сочинения. Аналогичное мнение приводит и Д. Д. Маркус [22], предлагая, однако, альтернативный вариант, который я подробнее рассмотрю далее. П. Уайт, сосредотачивая своё внимание на изучении социальных связей в литературной среде, подчёркивает значение «спонсорского» участия в организации рецитаций, а также нацеленность таких чтений на более широкую потенциальную аудиторию [23, p. 60].

О современном состоянии проблемы можно судить по одной из последних обширных работ о Поллионе австралийской исследовательницы С. Латтон. Она подводит итог дискуссии следующим образом: в целом на настоящий момент всеми признаётся, что публичные рецитации Поллионом введены не были. Однако вопрос, как следует понимать фрагмент из Сенеки, открыт для интерпретаций и привлекает к себе внимание исследователей [24, p. 201].

Итак, что же именно сделал Поллион? Вернёмся к упомянутой фразе Сенеки и рассмотрим её более подробно, отдельно обратив внимание на контекст. Предисловие к четвёртой книге «Контроверсий», посвящённое Поллиону, Сенека начинает следующими словами: «Азиний Поллион никогда не декламировал в присутствии толпы» (*numquam admissa multitudine declamavit*, Sen. contr. IV. praef. 2). Однако, как замечает ритор, у Поллиона не было недостатка в честолюбии в занятиях науками (*nec illi ambitio in studiis defuit*), ведь он первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых (*primus enim omnium Romanorum advocatis hominibus scripta sua recitavit*; Sen. contr. IV. praef. 2). Таким образом, мы можем заметить два противопоставления: фразы «*admissa multitudine*» и «*advocatis hominibus*», а также глаголы «*declamavit*» и «*recitavit*».

Очевидно, Сенека сравнивает два разных вида деятельности: на свои декламации Поллион не допускал большого количества людей, но на его рецитациях присутствовала некая публика. В таком случае, на мой взгляд, следует сразу отказаться от идеи, высказанной Д. Д. Маркус о том, что Сенека говорит о попытке Поллиона вынести декламирование речей за стены риторических школ [22, p. 147]. Свидетельство Плиния Младшего, которое исследовательница приводит как подтверждение своей точки зрения говорит скорее об обратном. В цитируемом Д. Д. Маркус фрагменте Плиний удивляется, почему некоторые порицают его за то, что он публично читает свои речи (*orationes omnino recitarem*; Plin. epist. VII. 17), и в ответ сам недоумевает, отчего более привычным и подходящим считается чтение исторического произведения (*historiam*), трагедии (*tragoediam*) или лирики (*lyrica*) – всего того, что, по словам Плиния, уже

вошло в обычай (*At horum recitatio usu iam recepta est; Plin. epist. VII. 17*). Таким образом, даже ко времени Плиния практика рецитации речей считалась непривычной, поэтому едва ли Сенека стал бы особенно выделять, что Поллион первым обратился к той практике, которая, очевидно, даже и при нём ещё не имела широкого распространения.

Стоит отметить, однако, что непосредственно глагол *recitare* встречается в сочинениях Сенеки применительно как к поэтическим (*recitare carmen; Sen. suas. II*) и историческим (*recitaret historiam; Sen. contr. X. praef.*) сочинениям, так и к речам (*pro Pythodoro Messalae orationem dissertissimam recitavit; Sen. contr. II. 4.*). Существительное же *recitatio*, которое в большинстве случаев у Плиния Младшего будет впоследствии употребляться для обозначения культурного мероприятия, а не процесса зачитывания чего-либо вслух (*Plin. Epist. I. 13; III. 7, 18; V. 17; VII. 17*), Сенека использует всего один раз применительно к рецитации поэта Корнелия Севера, которая проходила в доме Мессалы Корвина (*Sen. suas. VI. 27*).

Следовательно, под *scripta sua*, скорее всего, стоит понимать в первую очередь не речи, а прочие сочинения Поллиона: его поэтические произведения, несколько позже его «Историю». На одной из таких рецитаций Гораций мог слышать предисловие к «Истории» Поллиона, на которое откликнулся первой одой второй книги. Вероятно, отличие рецитаций, которые «ввёл» Поллион, состояло в том, что они заключали в себе элемент некой литературной критики и обсуждения, но уже в более широком кругу (*advocatis hominibus*): приглашаться могли не только близкие друзья, но и просто образованные люди, мнение которых могло быть интересно и полезно для автора. Таким образом, следует, на наш взгляд, представлять нечто среднее между приватными рецитациями и описанными у Горация беспорядочными чтениями в банях и на форуме (*Hor. Sat. I. IV. 74–76*).

Плиний Младший, сам большой любитель публичных чтений, писал, что большинство авторов, рецитации которых он посетил, – его друзья (*Erant sane plerique amici; Plin. epist. I. 13*), стало быть, Плиний слушал и других литераторов, не столь близких ему лично. Обращаясь к Созию Сенециону, он с радостью сообщает о большом «урожае» поэтов, оживлению литературной деятельности и выдвижению новых талантов (*Magnum proventum poetarum annus hic attulit. <...> Iuvat me quod vigent studia, proferunt se ingenia hominum; Plin. Epist. I. 13.*). Однако, как можно судить далее из письма, на рубеже I–II вв. уже не все смотрели на публичные рецитации с таким же энтузиазмом, как Плиний, и для многих они превратились скорее в утомительную обязанность: «Теперь последний бездельник, которого задолго до этого пригласили и которому неоднократно напомнили, или не приходит, или, если приходит, жалуется, что он потратил день, именно потому что его не потратил» (*Plin. Epist. I.*

13). Сам же Плиний подчёркивал большую важность и пользу публичных чтений для автора. «С изданием пока как хочешь. По крайней мере выступи – тем более тебе захочется издавать, что ты испытаешь, наконец, радость, которую я давно уже и неспроста для тебя предвкушаю», – уещивает Плиний в одном из писем Октавия Руфа (Plin. Epist. II. 10: *Et de editione quidem interim ut voles: recita saltem quo magis libeat emitter, utque tandem percipias gaudium, quod ego olim pro te non temere praesumo*).

Наконец, необходимо упомянуть, что Дж. П. Смолл, говоря о публичных рецитациях, отмечает наличие в наших источниках противоречия относительно того, кто первым ввёл в Риме подобную практику [25, p. 233, n. 32]. Помимо уже упомянутого фрагмента из Сенеки, она приводит цитату из сочинения Светония «О грамматиках и риториках», касающуюся греческого философа и грамматика Кратеса Маллосского (Suet. Gram. 2; цитируется далее), посетившего Рим в качестве посла Пергама около 170–168 гг. до н. э. Однако, как нам представляется, сам Светоний делает акцент именно на «филологическом» аспекте нововведения Кратеса, отчего это свидетельство и не было рассмотрено нами ранее. Так, историк говорит, что Кратес «первым ввёл в городе изучение грамматики» (*primus igitur, quantum opinamur, studium grammaticae in urbem intulit*), многократно устраивая чтения и обсуждения (*plurimas acroasis subinde fecit assidueque disseruit*), после чего в Риме вошёл в обычай тщательный разбор стихов, по словам Светония «прежде мало распространённых», которые были написаны либо умершими друзьями, либо какими-нибудь другими авторами (*carmina parum adhuc divulgata vel defunctorum amicorum vel si quorum aliorum probassent*). Стихи пересматривали и тщательно перерабатывали (*diligentius retractarent*), приводя в законченный вид, а затем читали и истолковывали, посредством чего о них узнавали некоторые люди (*legendo commentandoque etiam ceteris nota facerent*).

И хотя нельзя не отметить схожесть двух мероприятий – обсуждения произведений в кругу осведомлённых и образованных людей, последующая работа над этими произведениями в результате обсуждений, а также то, что впоследствии они оба стали образцами для подражания, – всё же речь идёт о разных практиках. Основные их отличия, на мой взгляд, заключались, во-первых, в том, чьи произведения зачитывались, а во-вторых, каковой была изначальная цель первых и вторых собраний. Впрочем, и сам Светоний не высказывается о Кратесе с такой же уверенностью, как Сенека Старший говорит о Поллионе, добавляя небольшое замечание – *quantum opinamur* – «насколько мы считаем» (Suet. Gram. 2). Тем не менее значение фигуры Кратеса Маллосского, если сообщение Светония о нём верно, для данного вопроса заключается в том, что, вероятно, именно благодаря ему греческая практика публичных чтений литературных произведений начала распространяться в Риме, что, впрочем, было

отмечено ещё в начале XX века итальянским исследователем Дж. Фунай-оли [26, Sp. 437].

Таким образом, Поллион, скорее всего, ввёл чтение произведений для более широкой аудитории и с определённой целью. Такие собрания представляли собой не просто обсуждение в кругу друзей, но обсуждение на более формализованном уровне в виде литературной дискуссии заинтересованных образованных людей. Стоит заметить, что Поллион, согласно имеющимся у нас сведениям, не вводил ничего намеренно, а просто инициировал практику, которая потом получила очень широкое распространение и достигла спустя столетие такого значения и таких масштабов, о которых мы читаем у Плиния Младшего.

Ссылки

1. Johnson W. A. *Readers and Reading Culture in the High Roman Empire: A Study of Elite Communities*. Oxford: Oxford University Press, 2010. x, 227 p.
2. Dupont F. *Recitatio and the reorganization of the space of public discourse // The Roman Cultural Revolution* / eds. T. Habinek, A. Schiesaro. Cambridge University Press, 1997. P. 44–59.
3. Савельева Л. И. Литературная жизнь Рима I в. н. э. по эпиграммам Марциала // *Учёные записки Казанского государственного университета: сборник работ историко-филологического факультета*. Казань, 1954. Т. 114, кн. 6. С. 67–91.
4. Zecchini G. *Asinio Pollione: Dall'attività politica alla riflessione storiografica // ANRW. Band II. 30, 2. 1982. P. 1265–1296.*
5. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. 568 p.
6. Pierce E. D. *A Roman Man of Letters: Gaius Asinus Pollio: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy*. New York, 1922. 82 p.
7. Dalzell A. *Asinius Pollio and the early history of public recitation at Rome // Hermathena. 1955. No. 86. P. 20–28.*
8. Néraudau J.-P. *Asinius Pollion et la poésie // ANRW. Band II. 30, 3. 1983. S. 1732–1750.*
9. Corte J. C. F. *Escritura y política en la época augustea: Asinio Polión // CUM MENS ONUS REPONIT: Artículos Inéditos Y Selección De Conferencias / eds. T. R. Cortés, M. S. González and L. J. Cantó. Salamanca: Ediciones Universidad De Salamanca, 2018. P. 131–146.*
10. Hollis A. S. *Fragments of Roman poetry, c. 60 BC–AD 20*. Oxford: Oxford University Press, 2007. xviii, 440 p.
11. Drummond A. 56. C. *Asinius Pollio // The Fragments of the Roman Historians, 3 vols. Cornell T. J. (ed.). Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 860–867.*
12. Boyd C. E. *Public Libraries and Literary Culture in Ancient Rome*. Chicago, 1915. 77 p.

13. Keith Dix T. "Public Libraries" in Ancient Rome: Ideology and Reality // *Libraries & Culture*. Vol. 29, No. 3. 1994. P. 282–296.
14. Quinn K. The poet and his audience in the Augustan age // *ANRW*. Band II. 30, 1. 1982. S. 75–180.
15. Снедкова Е. В. Независимый поэтический кружок Азиния Поллиона? // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2022. № 3. С. 183–197.
16. Farrell J. Asinius Pollio in Vergil Eclogue 8 // *Classical Philology*. 1991. Vol. 86, No. 3. P. 204–211.
17. Thibodeau Ph. The Addressee of Vergil's Eighth Eclogue // *The Classical Quarterly*. 2006. New Series. Vol. 56, No. 2. P. 618–623.
18. Cairns F. C. Asinius Pollio and the "Ecogues" // *The Cambridge Classical Journal*. 2008. Vol. 54. P. 49–79.
19. Ullman B. L. Horace and Tibullus // *The American Journal of Philology*. 1912. Vol. 33, No. 2. P. 149–167.
20. Fantham E. *Roman Literary Culture: From Plautus to Macrobius*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2013. 338 p.
21. Lefèvre E. Die römische Literatur zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit // *Strukturen der Mündlichkeit in der römischen Literatur* / Hrsg. G. Vogt-Spira. Tübingen: Narr, 1990. S. 9–18.
22. Markus D. D. Performing the Book: The Recital of Epic in First-Century C.E. Rome // *Classical Antiquity*. 2000. Vol. 19, No. 1. P. 138–179.
23. White P. *Promised Verse: Poets in the Society of Augustan Rome*. Harvard University Press, 1993. 330 p.
24. Lutton S. *Asinius Pollio*. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Western Australia, 2012. 354 p.
25. Small J. P. *Wax Tablets of the Mind: Cognitive Studies of Memory and Literacy in Classical Antiquity*. L.: Routledge, 1997. 386 p.
26. Funaioli G. *Recitationes* // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. I A. 1. 1914. Sp. 435–446.

On the distinction between criminal negligence and innocent harm in the conditions of dangerous industrial activity

O. G. Solovyev¹, A. F. Sokolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-554-561

Research article
Full text in Russian

The article discusses the controversial aspects of the qualification of careless acts, the problems of distinguishing criminal negligence and innocent harm. The authors analyze the doctrinal and practical issues of assessing the actions (inaction) of subjects who carry out hazardous production activities, are equally responsible for compliance with safety regulations and are required to clearly perform their functions in the division of labor. At the same time, as a result of such joint actions, the death of one of the participants in the process occurs. In this case, is the consequence of death causally related to the behavior of the survivor, to what extent should he be responsible for the actions (inaction) of the deceased. The paper indicates that with a detailed analysis of the situation, it is possible to talk about the absence of criminal negligence and the presence of innocent harm. The possibility of foreseeing adverse consequences in this case is always mediated by the behavior of another person (persons) who jointly carry out a dangerous type of activity, unforeseen circumstances related to the actions of other responsible participants in the development of the situation may interfere in the chain of development of the causal relationship.

Keywords: criminal liability; reckless crime; thoughtlessness; negligence; innocent infliction of harm; criminal consequences; awareness; foresight

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Sokolov, Alexander F. | E-mail: afsokolov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

О разграничении преступной небрежности и невинного вреда в условиях осуществления опасной производственной деятельности

О. Г. Соловьев¹, А. Ф. Соколов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-554-561
УДК 343.2.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрены дискуссионные аспекты квалификации неосторожных деяний, проблемы разграничения преступной небрежности и невинного причинения вреда. Анализируются доктринальные и практические вопросы оценки действий (бездействия) субъектов, которые осуществляют опасную производственную деятельность, в равной степени ответственны за соблюдение техники безопасности и обязаны четко выполнять свои функции в разделении труда. При этом в результате таких совместных действий наступает смерть одного из участников процесса. Находится ли в этом случае в причинной связи последствие в виде смерти с поведением выжившего лица, в какой степени он должен отвечать за действия (бездействие) погибшего? Указывается, что при детальном анализе ситуации можно говорить об отсутствии в содеянном преступной небрежности и наличии невинного причинения вреда. Возможность предвидения неблагоприятных последствий в этом случае всегда опосредуется поведением иного лица (лиц), которые совместно осуществляют опасный вид деятельности, в цепочку развития причинно-следственной связи могут вмешиваться непредвиденные обстоятельства, связанные с действиями иных ответственных участников развития ситуации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; неосторожное преступление; легкомыслие; небрежность; невинное причинение вреда; преступные последствия; осознание; предвидение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Соколов, Александр Федорович | E-mail: afsokolov@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

В отечественной юридической литературе достаточно много внимания уделено теоретическим и практическим вопросам оценки и квалификации небрежности и невиновного причинения вреда в условиях осуществления опасной производственной деятельности. Указанные проблемы исследовались в разное время в работах: 1) позднего имперского периода (Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергиевский), 2) советского периода (А. Н. Трайнин, М. Д. Шаргородский, Н. Ф. Кузнецова, В. Н. Кудрявцев, Р. Р. Галиакбаров), 3) настоящего времени (А. И. Рарог, Л. Л. Кругликов, Е. С. Бородин, М. В. Бавсун). Однако, надо признать, что большинство авторов анализируют ответственность в простой ситуации: конкретные виновные или невиновные действия (бездействие) лица приводят к последствиям в виде смерти потерпевшего или причинения ему тяжкого вреда [1]. Сложнее выглядит квалификация в условиях совместной опасной производственной деятельности, когда в результате обоюдных ошибок и непредусмотрительности нескольких лиц вред причиняется одному из них [2, с. 79].

Разберем похожие ситуации на основе конкретного уголовного дела. Так, в ходе расследования уголовного дела № 12102340003000037 следственным органом Г. 07.01.2022 г. предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 109 УК РФ, о чем вынесены соответствующее постановление о привлечении в качестве обвиняемого от 7 января 2022 года и приговор Буйского районного суда Костромской области от 28 июня 2022 года по делу № 1-50/2022, по которому Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ¹.

Как следует из фабулы обвинения и приговора, Г. признан виновным в причинении смерти по неосторожности по ч. 1 ст. 109 УК РФ. В дневное время 31 октября 2021 года, находясь в лесополосе участкового лесничества ОГКУ «Буйское лесничество», Буйского района Костромской области, виновный осуществлял рубку (валку) деревьев. При этом, по версии следствия, осознавая, что в зоне валки находится его помощник К., проявляя преступную небрежность, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти К. от падения дерева или его частей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, а также наличии опыта вальщика деревьев, Г. должен был и мог предвидеть.

Изучив представленные документы, законодательство, судебную практику и источники доктрины уголовного права, мы считаем, что квалификация суда первой инстанции была избыточной и не основанной на законе. Для верной квалификации действий Г. нам необходимо, прежде

¹ Уголовное дело № 12102340003000037; приговор Буйского районного суда Костромской области от 28 июня 2022 года по делу № 1-50/2022 // Архив Буйского районного суда за 2022 год.

всего, оценить положения ст. 26, 28 УК РФ, а также ст. 109 УК РФ в части оценки признаков субъективной стороны состава преступления.

Напомним, что в ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности» в характеристику небрежности введена только та часть интеллектуального момента, которая связана с предвидением преступных последствий и имеет два свойства: *отрицательное и положительное*. Доктрина и практика признает, что в первом случае лицо не предвидит возможности наступления либо никак не предполагает появления общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Очевидно, что такая нормативная формулировка предусматривает, что отрицательное свойство небрежности отделяет небрежность от легкомыслия (ч. 2 ст. 26 УК РФ) [3, с. 87].

Напротив, положительное же свойство небрежности определяется тремя ключевыми признаками: «необходимостью», «внимательностью», «предусмотрительностью». В русском языке «необходимый» означает нужный, обязательный, неизбежный, «внимательный» – сосредоточенный, а «предусмотрительный» – умеющий предвидеть результаты, события в будущем [4, с. 511]. Оценка указанных признаков в целом не вызывает трудностей в ситуации квалификации деятельности одного лица, сложности возникают, когда действовало несколько ответственных лиц и наступили последствия в виде смерти одного из группы. В отечественной доктрине отмечалось, что ответственность лиц, которые участвуют в совместной деятельности, за наступившие неблагоприятные последствия всегда опосредуется неосторожным, а в отдельных случаях и невиновным поведением иных участников процесса [5, с. 12].

Действительно, общественно опасный результат зачастую является следствием совместной деятельности всех участников и не может быть связан с поведением лишь одного из них. Это обусловлено тем, что ответствующие лица, выполняющие равнозначные или второстепенные функции в группе, как правило, осведомлены о совместном характере выполняемых ими действий (бездействия) и также способны предвидеть наступление общественно опасного результата [6, с. 11].

Преступные последствия могут являться стечением нескольких согласованных, а иногда и разобщенных, но самостоятельно и единолично выполненных каждым субъектом действий и в силу различных обстоятельств повлекших неблагоприятный результат. Причем последнее важно не само по себе, а для понимания критериев положительного свойства небрежности: объективного (типового) и субъективного (индивидуального). По первому из них лицо должно было предвидеть общественно опасные последствия. Это вытекает из: 1) служебных или профессиональных обязанностей, 2) правил поведения, предусмотренных для определенной сферы деятельности, и 3) правил предосторожности, сложившихся в об-

щении людей и их повседневной деятельности [3, с. 89; 7 с. 121]. Следовательно, в нашем случае лицо должно было предвидеть неблагоприятный результат, основываясь на 2-й и 3-й группе правил поведения. И это обстоятельство не вызывает сомнений.

Анализируя материалы дела, мы видим, что преступный результат наступил, исходя из поведения *двух лиц, которые обладали сопоставимыми специальными знаниями и навыками*, а значит, следует напомнить, что различные теории «неосторожного соучастия» и – значительно реже – проблемы ответственности лиц за неосторожные действия иных лиц, участвующих в групповой совместной опасной деятельности, рассматривалась в работах ученых.

Действительно, особенно сложная ситуация в оценке субъективного фактора небрежности либо признаков невиновного причинения вреда возникает в ситуации действия группы лиц: а) действующих совместно, б) совершающих осознанные и предварительно согласованные действия, в) обладающих свободой воли совершать (или не совершать) действия, выходящие за рамки предварительной договоренности, в критической или иной ситуации. В нашем случае субъективная возможность предвидения неблагоприятных последствий со стороны Г., очевидно, опосредовалась поведением самого потерпевшего – К. По непонятным причинам в обвинительном заключении и в приговоре оцениваются только действия Г., отмечается его опыт, навыки и т. д. Отметим, что К. обладал таким же опытом и навыками и не являлся безвольным статистом при организации рубки. В соответствии с правилами и по согласованию с Г. погибший сам выбрал безопасное, по его мнению, место нахождения помощника. Тогда как из содержания обвинительного заключения следует, что Г. во время работы с бензопилой должен был следить за тем, где находится и куда должен был передвигаться потерпевший, который тем не менее также был обязан самостоятельно определять безопасные варианты своего поведения. К тому же важным обстоятельством было и то, что Г. и К. не предполагали, что дерево может изменить траекторию падения.

Исходя из показаний участкового лесничего ОГКУ «Буйское лесничество» А., который, являясь специалистом в сфере организации валки леса, прямо утверждает, что, по его мнению, Г. *не были нарушены правила валки указанного дерева, поскольку были «соблюдены правила подпила и спила»*. Основную причину некоторого изменения траектории падения дерева свидетель видит в том, что *сердцевина ствола осины была подгнившая*. В данном случае, очевидно вмешательство непредвиденных обстоятельств. Судебно-следственная практика исходит из того, что не только в случае *невозможности* предвидения неблагоприятных последствий, но и в ситуациях, *затрудняющих* четкое осознание таких последствий, необходимо исключать ответственность по ст. 109 УК РФ. В этом слу-

чае можно говорить об опосредованном воздействии на причинно-следственную связь между деянием и преступными последствиями².

Кроме того, А. показал, что и *вальщик*, и *помощник* должны обладать «*определенной сноровкой, ловкостью, учитывать скорость ветра и другие факторы*» при оценке ситуации. Таким образом, презюмируется, что возможные неблагоприятные последствия могут быть вызваны замешательством, потерей внимания, несвоевременной реакцией и т. д. со стороны одного из партнеров, действующих совместно при валке леса. И очевидно, что возможные неумелые или несвоевременные действия К. находились вне сферы субъективного осознания Г. и также могли привести к неблагоприятному результату.

Добавим, что смерть К. наступила не от прямых действий Г. (например, падением осины или крупных сучьев осины на потерпевшего), а была опосредована также непредвиденными обстоятельствами – спруживанием веток, вызванным соприкосновением падающего ствола осины с другим деревом. Именно по указанным причинам Г., не направляя интеллект к прогнозированию своего поведения и не приводя его в соответствие с результатами этого предвидения, добросовестно заблуждался в оценке уровня и характера опасности, сложившейся при рубке дерева в анализируемой ситуации. Схожие казусы исследуются в доктринальной юридической литературе, при этом в действиях лиц исключается наличие преступной небрежности [6, с. 12; 8, с. 12].

Необходимо также сказать, что К. неоднократно работал по валке деревьев совместно с Губановым Е. М. Из показаний подсудимого и свидетелей установлено, что Г. и К. имели сопоставимый опыт валки леса, занимались валкой опасных деревьев в структурах РЖД, в 90-е годы профессионально занимались рубкой промышленного леса на отведенных хозяйственных участках. Следовательно, как уже говорилось, потерпевший имел значительный профессиональный опыт проведения указанных видов работ. При этом, обладая таким опытом, он, как помощник, не увидел вероятной опасности и не указал вальщику Г. на возможные нарушения в организации предстоящей рубки осины. Из этого следует, что указанная рубка осуществлялась в обычном стандартном режиме.

Из показаний свидетеля З., являющегося мастером по полосе отвода в ОАО «РЖД», следует, что в соответствии с инструкцией по технике безопасности (выдержки из которой по непонятным причинам в представленных документах не приведены) подготовку к валке и оценку ситуации с точки зрения техники безопасности, в том числе и определение места

² См., например: Постановление Президиума Липецкого областного суда от 22 марта 2002 года // Бюллетень Липецкого областного суда по уголовным делам по итогам I полугодия 2002 года от 21.05.2002; Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.08.2020 № 10-11411/2020 Приговор: По ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Приговор отменен // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.08.2023).

падения дерева, а следовательно, и оценку возможных неблагоприятных последствий такого падения, осуществляют *вальщик и помощник совместно*.

К. не находился в какой-либо служебной или иной зависимости от Г., они были друзьями, имели длительный опыт совместной работы и, следовательно, он обладал правом в высказывании любых замечаний в отношении действий вальщика, вплоть до несогласия продолжать работу в случае осознания вероятной угрозы, то есть имел реальную возможность проявить свою волю для правильной оценки обстановки и избежания наступления неблагоприятных последствий. Однако К. не сделал этого и продолжал выполнять функции помощника в обычном стандартном режиме.

Следует также сказать, что инициатива по рубке леса принадлежала К., который приготовил и взял с собой в лес все необходимые предметы (бензопилу, ключ, соль, сумку с инструментами и т. д.), пригласил Г. оказать ему помощь и фактически единолично осуществил валку необходимых деревьев. После окончания работ К. настоял на валке еще одного дерева, самостоятельно осуществил выбор подходящего для рубки дерева и, следовательно, первичную оценку обстановки на месте предстоящей валки. Данные обстоятельства косвенно указывают на то, что К. принадлежала более активная или, как минимум, равнозначная роль в анализе обстановки и проведении работ на месте порубки. В данном случае можно предположить, что Г., в значительной степени выполняя функции ведомого, учитывая доверительные и равноправные отношения между коллегами, факультативно опирался на опыт и знания К.

Сказанное позволяет сделать вывод, что, как уже было отмечено, имея серьезный опыт валочных работ, К. не увидел вероятной опасности как в действиях Г., так и в своих собственных действиях. В ином случае он каким-либо образом повлиял на неблагоприятное развитие ситуации. Напомним, что ответственность за соблюдение требований техники безопасности при осуществлении указанной деятельности также лежала и на К. Очевидно, что погибший: 1) не осознавал общественной опасности как своих действий (бездействия), так и действий (бездействия) Г.; 2) не мог в сложившейся ситуации предвидеть последствий совместных с Г. действий (бездействия). В этом случае утверждение следствия о том, что Г. действовал преступно небрежно: «не предвидел возможность наступления смерти, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть» – выглядит, как минимум, достаточно спорным.

Повторимся, в таких условиях считаем квалификацию действий Г. как неосторожное причинение смерти, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ, незаконной и необоснованной ввиду отсутствия состава преступления (признака вины) в его действиях. Основываясь на ранее перечислен-

ных обстоятельствах, следует сделать вывод, что анализ содержания индивидуального (субъективного) критерия небрежности указывает на отсутствие в сложившейся обстановке возможности предвидения Г. наступления общественно опасных последствий. Анализируемое деяние необходимо признать совершенным невиновно, поскольку Г. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не мог их предвидеть (ст. 28 УК РФ).

Ссылки

1. Кораблева С. Ю. Понятие вины в российском уголовном праве и ее соотношение с иными признаками субъективной стороны преступления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 24. С. 68–78.
2. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83. DOI 10.18255/1996-5648-2021-1-76-83.
3. Гармышев Я. В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 85–91.
4. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.
5. Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 48 с.
6. Безбородов Д. А. К вопросу о понятии неосторожного сопричинения в уголовном праве // Криминалистъ. 2014. № 1. С. 9–16.
7. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: Проспект, 2015. 232 с.
8. Арчибасова Л. А. Невиновное причинение вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 23 с.

Application of civil law norms on compensation for losses and unjust enrichment in the protection of violated rights in the field of compulsory pension insurance

N. V. Roshchepko¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-562-571

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problems of protecting the rights of subjects of compulsory pension insurance. The grounds and procedure for compensation by the policyholder, as well as by the insured person (pensioner) for the amounts of real damage caused to the bodies of the Social Fund of the Russian Federation, in the form of overpaid insurance coverage, are analyzed. The relevance of the provisions of Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation on unjust enrichment when resolving such disputes by courts is also noted, which is permissible due to the direct instructions of the law on insurance pensions. Unlike the insurer, the right of the insured person (pensioner) to compensation for losses is not legally established. However, the provisions of Article 15, Art. 393 of the Civil Code of the Russian Federation are in demand when collecting the amounts of an unassigned (unreceived) old-age insurance pension as lost profits from the policyholder or insurer. The need to apply civil legislation is due to the specific nature of the declarative nature of the right to old-age insurance. At the same time, this places the burden on the plaintiff to prove the completeness of the grounds for implementing this measure of legal liability, which reduces the effectiveness of the protection of pension rights.

The article formulates proposals for improving the legal regulation of the purpose of insurance coverage for compulsory pension insurance.

Keywords: provision for compulsory pension insurance; losses; unjust enrichment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Roshchepko, Natalya V. | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Применение норм гражданского законодательства о возмещении убытков и неосновательном обогащении при защите нарушенных прав в сфере обязательного пенсионного страхования

Н. В. Рощепко¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-562-571
УДК 349.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблемам защиты прав субъектов обязательного пенсионного страхования. Анализируются основания и порядок возмещения страхователем, а равно застрахованным лицом (пенсионером) сумм реального ущерба, причиненного органам Социального фонда РФ, в виде излишне выплаченного страхового обеспечения. Отмечается также актуальность норм гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении при разрешении судами подобных споров, что допустимо в силу прямого указания закона о страховых пенсиях. В отличие от страховщика, право застрахованного лица (пенсионера) на возмещение убытков нормативно не закреплено. Однако положения ст. 15, ст. 393 ГК РФ востребованы при взыскании им сумм неназначенной (неполученной) страховой пенсии по старости как упущенной выгоды со страхователя или страховщика. Потребность в применении гражданского законодательства обусловлена спецификой заявительного характера права на страховое обеспечение по старости. Вместе с тем это возлагает на истца бремя доказывания полноты оснований реализации данной меры юридической ответственности, что снижает эффективность защиты пенсионных прав.

В статье сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования назначения страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию.

Ключевые слова: обеспечение по обязательному пенсионному страхованию; убытки; неосновательное обогащение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рощепко, Наталья Владимировна | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Возмещение убытков является универсальным способом защиты нарушенных прав и применяется как в сфере гражданского оборота, так и в иных отраслях права и законодательства. Обязательное пенсионное страхование в этом плане не является исключением, правовое регулирование интересующего нас вопроса здесь имеет свою специфику, равно как и проблемы [1, с. 80–83].

В силу прямого указания закона право требования возмещения реального ущерба предоставлено только страховщику – Фонду пенсионного и социального страхования РФ (далее – СФР) и реализуется при неисполнении (ненадлежащем исполнении) страхователем, застрахованным лицом возложенных на них «информационных обязанностей». Норма закреплена п. 3 ст. 15 Федерального закона от 15.12.2001г. №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ»¹, ст. 28 Федерального закона от 28.12.2013г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»² (далее – ФЗ № 167 и ФЗ № 400 соответственно). Ущерб составляют суммы излишне выплаченного пенсионеру из бюджета фонда страхового обеспечения. Повлечь подобный «перерасход целевых средств» могут нарушения в виде несвоевременного предоставления, а равно предоставления страхователем или застрахованным лицом недостоверных сведений, документов, необходимых для индивидуального (персонифицированного) учета, установления и выплаты страхового обеспечения. Отдельно на пенсионера возложена обязанность сообщать в органы СФР об обстоятельствах, влекущих изменение размера страхового обеспечения (страховой пенсии, фиксированной выплаты к ней и др.) или прекращение (продление) его выплаты, в том числе об изменении места жительства. Срок информирования – не позднее следующего рабочего дня после наступления соответствующих обстоятельств.

Положение властного субъекта, страховщика, производящего выплату страхового обеспечения, позволяет СФР реализовать внесудебное взыскание причиненного ущерба, в том числе за счет текущих выплат страхового обеспечения с соблюдением ст. 29 ФЗ № 400 (если виновное лицо – пенсионер). Взыскание через суд осуществляется при отсутствии (исчерпани) источника для удержания или оспаривании решения страховщика [2, с 80–81]. Процедура определения излишне выплаченных пенсионеру сумм страхового обеспечения, периода их получения урегулирована на подзаконном уровне Приказом Минтруда России от 05.08.2021 г.

¹ Российская газета. 2001. 20 дек., № 247.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
// Консультант Плюс.

№ 545н³ (ч. 5 ст. 28 ФЗ № 400). Вместе с тем положение ч. 2, ч. 3 ст. 28 ФЗ № 400 относительно порядка возмещения виновным лицом сумм причиненного фонду ущерба отсылает к нормам «законодательства Российской Федерации». Речь идет о главе 60 ГК РФ «Обязательства вследствие неосновательного обогащения», актуальны и ст. 15, 393, 1064 ГК РФ.

Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с предъявлением подобного рода требований органами СФР, не однозначна, и в первую очередь по причине различия указанных гражданско-правовых категорий. Возврат неосновательного обогащения, в отличие от возмещения убытков (реального ущерба), не является мерой ответственности, а потому не требует доказательств наличия состава правонарушения. Достаточно факта приобретения или сбережения имущества за счет потерпевшего без законных оснований, вина приобретателя юридически незначима. В то же время из указанного общего правила есть исключение – неосновательное обогащение, не подлежащее возврату (ст. 1109 ГК РФ). К их числу принадлежат и денежные средства, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию – пенсии, пособия и т. д. Здесь для целей взыскания важно установление счетной ошибки или недобросовестности со стороны получателя. При этом добросовестность последнего презюмируется; следовательно, бремя доказывания обратного (противоправности поведения получателя) лежит на стороне, требующей возврата спорных средств. По существу, объем доказывания в данном случае весьма близок к доказыванию требований о возмещении реального ущерба, разновидности убытков, причем настолько, что судебная практика при схожих обстоятельствах дела именуется суммы излишне выплаченной лицу пенсии как его неосновательным обогащением, так и ущербом, причиненным страховщику. Некоторую близость названных способов защиты нарушенных прав учитывает и законодатель при закреплении в ст. 1103 ГК РФ нормы о применении правил гл. 60 ГК РФ к требованиям о возмещении вреда, в том числе причиненного недобросовестным поведением обогатившегося лица. Реальный ущерб, будучи воплощением имущественных потерь, результатом противоправного деяния, применительно к категории «вред» есть его составная часть.

В исследуемом аспекте следует отметить еще один критерий разграничения деликтных и кондикционных требований, предложенный теорией гражданского права. Речь идет о получении имущественной выгоды. Её наличие на стороне ответчика позволяет квалифицировать предъявленный иск как содержащий требование о возврате неосновательного обогащения (кондикционный иск) [3, с.140]. Соответственно, если виновни-

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
// Консультант Плюс.

ком «потеря бюджета» страховщика в виде сумм излишне выплаченного пенсионеру страхового обеспечения выступает страхователь или иные лица, то имеет место спор о возмещении причиненного ущерба⁴. При обусловленности спорных выплат счетной ошибкой органов СФР или недобросовестностью самого пенсионера заявляются требования о возврате им неосновательного обогащения⁵. Заметим, в науке права социального обеспечения подобные требования фонда оцениваются как реализация отраслевых праввосстановительных санкций⁶ [1, с. 80–83]. Эта трактовка оправданна, поскольку актуальность норм ГК РФ о возмещении убытков, возврате неосновательного обогащения для публичных правоотношений признана цивилистикой, равно как и судебной практикой разрешения споров в системе социального обеспечения [3, с. 145]. Так, согласно позиции Верховного Суда РФ, в данном случае использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы обеспечивает баланс публичных и частных интересов, отвечающий конституционным требованиям⁷.

В части закрепления права требования возмещения ущерба прочими субъектами отношений по обязательному пенсионному страхованию – страхователем или застрахованным лицом (пенсионером) – нормы специального законодательства «молчат». Принимая во внимание правовое положение страхователя, считаем, что возможность причинения ему ущерба со стороны фонда или застрахованного лица сомнительна. Сложнее ситуация обстоит с застрахованным лицом (пенсионером) – право последнего на страховое обеспечение обусловлено «характеристиками предшествующей трудовой деятельности», а также зависит от исполнения страхователем и страховщиком закрепленных законом обязанностей.

Если нарушения прав застрахованного лица были допущены органами страховщика, что повлекло необоснованный отказ в назначении или назначении пенсионных выплат в меньшем размере, то, бесспорно, защита строится на применении праввосстановительных санкций. В данном случае через обязанность страховщика произвести выплату страхового обеспечения, в котором было неправомерно отказано (полностью или в части). Заметим, такой отказ, а равно установление страховщиком выплат в меньшем размере, нежели требуемый гражданином, может быть и следствием нарушений со стороны страхователя. Так, информацию о пери-

⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.03.2021 г. № Ф09-799/21 по делу № А71-20302/2019 // СПС «Гарант».

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 07.09.2020г. № 78-КГ20-25-КЗ // СПС «Гарант».

⁶ А именно имущественные взыскания на граждан, незаконно получивших вследствие совершения виновных действий какие-либо социальные предоставления.

⁷ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.03.2021г. № 41-КГ20-27-К4 // СПС «Гарант».

одах, включаемых в страховой стаж и иных льготных периодах, к нему приравненных, предоставляет фонду страхователь в рамках индивидуального (персонифицированного) учета. Формирование страхового стажа, величину «пенсионных баллов» определяет и должная уплата страховых взносов, включая взносы по дополнительным тарифам. Нарушения страхователя в обозначенных сферах ведут к ущемлению социально-страховых прав граждан. Однако поскольку право требования застрахованного лица о выплате страхового обеспечения в порядке, на условиях и в размере, установленных законом, обращено к страховщику, то должное исполнение этой обязанности есть «зона ответственности» органов СФР. Как справедливо указывал Конституционный Суд РФ (применительно к случаям неуплаты страхователем (работодателем) страховых взносов), «возможность же для страховщика – государственного учреждения в таких случаях не исполнять свое обязательство перед застрахованными лицами, работавшими по трудовому договору, по предоставлению им страхового обеспечения в надлежащем размере умаляет значимость их трудовой деятельности, подрывает доверие граждан к закону и авторитет государственной власти, ставит под сомнение наличие приобретенных пенсионных прав»⁸.

Вместе с тем судебной практике известно предъявление застрахованным лицом требований к страхователю, а порой и страховщику о возмещении причиненных убытков. Это дела о взыскании работником – застрахованным лицом сумм неназначенной (неполученной) страховой пенсии по старости, в том числе досрочной по условиям труда, с работодателя – страхователя.⁹ По существу, иски содержат требование возмещения упущенной выгоды на основании п. 1, п. 2 ст. 15 ГК РФ¹⁰. Им предшествует обращение застрахованного лица в органы СФР по поводу

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2007 г. № 9-П // Российская газета. 2007. 13 июля, № 150.

⁹ Например, Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда от 20.11.2019 г. по делу № 2-2001/2019 оставлено без изменений Апелляционным определением Волгоградского областного суда от 10.12.2020 по делу № 33-13146/2020, определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 г. по делу № 88-12404/2021. Указанные акты судов «отказные», как и следующие: Решение Центрального районного суда г. Новокузнецка от 29.11.2010 г. по делу № 2-5740/10, оставлено без изменения Определением Кемеровского областного суда от 06.04.2011 по делу № 33-3428/2011; Решение Аргаяшского районного суда Челябинской области от 28.02.2013 г. по делу № 2-116-2013, оставлено без изменения Апелляционным определением Челябинского областного суда от 14.05.2013 г. по делу № 11-4680/2013.

¹⁰ По смыслу ст. 15 ГК РФ, упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было (п. 14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ»).

назначения страхового обеспечения по старости и получение отказа (полностью или в части), законность которого в последующем признана судом. Как и в случае со страховщиком, применение норм ст. 15, ст. 393 ГК РФ к спорным отношениям согласуется с п. 3 ст. 2 ГК РФ, но обязывает застрахованное лицо к соблюдению общих правил реализации соответствующей меры ответственности. Так, при возмещении убытков должен устанавливаться не только факт их наличия у истца, размер убытков, но и факт противоправного поведения ответчика, наличие причинно-следственной связи между таким поведением ответчика и убытками истца¹¹. Относительно взыскания упущенной выгоды подлежит применению также п. 4 ст. 393 ГК РФ, закрепивший необходимость учета предпринятых стороной мер для получения такой выгоды и сделанные с этой целью приготовления. В контексте рассматриваемой категории споров законность и обоснованность исковых требований признается судом только при доказанности факта возникновения права на назначение страховой пенсии по старости (в том числе с указанием даты возникновения такого права) и факта нарушения страхователем права застрахованного лица на пенсионное обеспечение, повлекшее ее назначение в более поздние сроки (в частности, по причине непредоставления страхователем справки о характере работы, информации о специальном стаже работы, неуплаты страховых взносов за спорный период и др.).¹² Как правило, эти нарушения со стороны страхователя влекут недостоверность сведений индивидуального (персонифицированного) учета и, следовательно, позднее обращение застрахованного лица за назначением страховой пенсии по старости. С учетом заявительного характера реализации права на страховую пенсию возможность ее получения «за прошлое время» от страховщика отсутствует (ч. 1, ч. 5 ст. 22 ФЗ № 400).¹³ Исключение касается случаев, когда страховое обеспечение не было своевременно получено пенсионером по вине пенсионного органа. Здесь выплата производится СФР за прошедшее время без ограничения сроком¹⁴. В остальных опи-

¹¹ П. 12, п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ».

¹² Пример положительного для истца решения суда: Решение Губкинского городского суда Белгородской области от 03.06.2020г. по делу № 2-442/2020 оставлено без изменения Апелляционным определением Белгородского областного суда от 01.09.2020 г. по делу № 33-3909/2020.

¹³ Так, согласно ч. 1 ст. 22 ФЗ № 400 страховая пенсия назначается со дня обращения, но не ранее чем со дня возникновения права на ее получение. Исключение предусмотрено для случаев беззаявительного назначения страховой пенсии по инвалидности или потери кормильца детям, перевода с одного вида пенсии на другую (ч. 6, 6.1, 6.3 ст. 22, ст. 25.1, ст. 25.2 ФЗ № 400). Также действуют специальные правила по ч. 5 ст. 22 ФЗ № 400, когда страховая пенсия назначается ранее дня обращения за ее получением.

¹⁴ См., например, ч. 2 ст. 26 ФЗ № 400.

санных ситуациях иск в суд с требованием к работодателю-страхователю о возмещении убытков в виде упущенной выгоды (не назначенной органом СФР пенсии за спорный период) является единственно доступным способом защиты прав застрахованного.

Прослеживаются и попытки взыскать соответствующие суммы убытков со страховщика. Право их возмещения обосновывается доводами о недостаточной информированности истца, его заблуждении по вине сотрудников органов СФР относительно права на пенсию, сроков подачи заявления, последствиях позднего обращения и т. д. Как убытки истребуют суммы неназначенной пенсии, фиксированной выплаты к ней, исчисленной за период с даты возникновения права на пенсионное обеспечение до даты обращения за ее назначением, когда страховщик обоснованно удовлетворил заявление лишь в части «будущего времени», т. е. с учетом заявительного характера пенсионных выплат. Как правило, суды отказывают в удовлетворении исковых требований ввиду недоказанности факта нарушения пенсионных прав истца, отсутствия причинно-следственной связи между предполагаемыми упущениями в работе сотрудников СФР и поздней подачей им заявления об установлении страховой пенсии по старости.

Таким образом, своевременность реализации застрахованным лицом социально-обеспечительных прав является ключевым обстоятельством для целей определения природы заявленных требований и «фигуры» ответчика. В этой связи следует обозначить специфику правового регулирования предельных сроков обращения за установлением страхового обеспечения. Законодательство об обязательном пенсионном страховании таковых не закрепляет, соответствующее право лицо может реализовать в любое время. Однако момент обращения определяет дату назначения страховой пенсии и фиксированной выплаты к ней. Актуален он и тогда, когда страховая пенсия может быть назначена ранее даты обращения, при условии, что последнее состоялось в течение закрепленного законом срока с момента возникновения права ее получения. Так, согласно ч. 5 ст. 22 ФЗ № 400 страховая пенсия по случаю потери кормильца назначается со дня его смерти, если обращение последовало не позднее 12 месяцев от указанной даты, а при превышении этого срока – на 12 месяцев раньше дня обращения¹⁵. «Привязка» даты назначения страховой пенсии к моменту обращения за ней, предоставление застрахованному

¹⁵ Также в силу ч. 5 ст. 22 ФЗ № 400 ранее даты обращения может быть назначена:
- страховая пенсия по старости – со дня, следующего за днем увольнения с работы, если обращение последовало не позднее чем через 30 дней со дня увольнения с работы;
- страховая пенсия по инвалидности – со дня признания лица инвалидом, если обращение последовало не позднее чем через 12 месяцев.

лицу возможности решить вопрос подачи соответствующего заявления по своему усмотрению лежит и в основе закрепленных законом стимулов более позднего выхода на пенсию по старости¹⁶. Одновременно это причина, по которой законодательство об обязательном пенсионном страховании не вводит правовой конструкции восстановления срока обращения за назначением страхового обеспечения в случае его пропуска по уважительным обстоятельствам¹⁷. В системе действующего правового регулирования необходимость в ней просто отсутствует. Однако в исследуемом аспекте наличие данных норм позволило бы лицу получить суммы страховой пенсии за истекшее время, при условии, что уважительной причиной будет признано нарушение социально-страхового законодательства со стороны страхователя, определившее невозможность своевременного обращения для застрахованного лица. Единственный случай, когда страховщик выплачивает страховое обеспечение, не назначенное в увеличенном размере по вине страхователя, предусмотрен ч. 9 ст. 26.1 ФЗ № 400.

Как известно, работа и (или) иная экономически активная деятельность пенсионера исключает индексацию (увеличение) органами СФР фиксированной выплаты, корректировки размера страховой пенсии. Напротив, прекращение искомой деятельности дает право на увеличение страхового обеспечения, что и производится фондом с 1-го числа следующего месяца. Поскольку источником сведений СФР о факте приема лица на работу, увольнения, а равно заключения и прекращения соответствующего гражданско-правового договора выступает страхователь, неисполнение им указанной обязанности, представление неполных и (или) недостоверных сведений может привести к нарушению прав пенсионера¹⁸. При выявлении СФР обстоятельств, влекущих увеличение сумм страхового обеспечения, не выплаченных ввиду нарушений со стороны страхователя, решение о размере пенсионных выплат пересматривается СФР, в том числе за прошлое время. Такое изъятие, на наш взгляд обусловлено беззаявительным порядком проведения индексации и корректировки сумм страхового обеспечения. Расширение перечня случаев его применения СФР

¹⁶ Речь о повышающих коэффициентах по Приложению № 1 и № 2 к ФЗ № 400, применяемых в случае отказа лица от получения страховой пенсии при исчислении индивидуальных пенсионных коэффициентов и фиксированной выплаты к страховой пенсии.

¹⁷ Исключение сделано лишь для выплаты средств пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица. Согласно п. 3 ст. 36.21 Федерального закона от 07.05.1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» срок соответствующего обращения составляет шесть месяцев со дня смерти застрахованного лица и подлежит восстановлению судом в случае пропуска по уважительным причинам.

¹⁸ В равной степени, возможна и «переплата» сумм страховой пенсии, фиксированной выплаты к ней. Если обнаружены обстоятельства, влекущие уменьшение искомых сумм, решение орган(ом) СФР пересматривается без удержания излишне выплаченного с пенсионера. Их взыскание производится со страхователя на основании ст. 28 ФЗ № 400.

позволит избежать нарушений пенсионных прав [4, с. 243 и след.]. Однако до тех пор, т. е. в ситуации позднего обращения за назначением страховой пенсии (фиксированной выплаты), застрахованное лицо, не имеющее намерений воспользоваться преимуществами отложенного выхода на пенсию в виде повышающих коэффициентов по Приложениям № 1 и № 2 ФЗ № 400, лишено эффективных инструментов правовой защиты.

Ссылки

1. Антипьева Н. В. Особенности юридической ответственности в сфере социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. С. 78–90.
2. Каменская С. В. Социальное обеспечение граждан в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 78–88. DOI 10.12737/jrl.2021.112.
3. Курбатов А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М.: Юстицинформ, 2013. 172 с.
4. Трансформация механизма защиты социальных прав граждан в цифровую эпоху (на примере деятельности Пенсионного фонда Российской Федерации) / Н. Е. Абрамова, С. Я. Боженок, О. В. Веремеева [и др.] // Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М.: ИЗИСП, Юриспруденция, 2022. 272 с.

Recording of acts of status in the Russian empire: many years of work on errors (based on the materials of the metrical books of the churches of the Yaroslavl district)

N. N. Tarusina¹, A. I. Fedotov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-572-585

Research article
Full text in Russian

This article discusses the issues of registration of state acts in the Russian Empire. The authors analyzed the legislation (primarily the decrees of the Synod) on the maintenance of metric books, as well as metrics themselves. Trends in the development of forms and content of status acts in pre-revolutionary Russia, their features, errors in the implementation of registration activities in church parishes are revealed. Assumptions are made about the causes of shortcomings and errors, which mainly consisted in a negligent attitude on the part of the law enforcement officer to the relevant duties, as well as poor-quality legal regulation of the registration of state acts. The significance of metric books for the emergence or termination of rights and obligations is revealed. The study, in addition to sources on church law, is based on archival materials of the churches of the villages of the Yaroslavl district (mainly the Church of the Nativity of Christ in the village of Ponomarevo) from 1736 to 1918.

Keywords: acts of status; records; metric books; decrees of the Synod; presumption of paternity; illegitimate

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Fedotov, Artem I. | E-mail: artem.fedotov03@mail.ru

Запись актов состояния в Российской империи: многолетняя работа над ошибками (по материалам метрических книг церквей сел Ярославского уезда)

Н. Н. Тарусина¹, А. И. Федотов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-572-585
УДК 347.611

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы регистрации актов состояния в Российской империи. Авторами проанализировано законодательство (в первую очередь указы Синода) о ведении метрических книг, а также непосредственно метрики. Выявлены тенденции развития форм и содержания актов состояния в дореволюционной России, их особенности, ошибки при осуществлении регистрационной деятельности в церковных приходах. Высказываются предположения о причинах недочетов и ошибок, которые в основном заключались в небрежном отношении со стороны правоприменителя к соответствующим обязанностям, а также некачественном правовом регулировании регистрации актов состояния. Раскрывается значение метрических книг для возникновения либо прекращения прав и обязанностей. Исследование, кроме источников по церковному праву, основано на архивных материалах церквей сел Ярославского уезда (преимущественно церкви Рождества Христова села Пономарево) с 1736 года по 1918 год.

Ключевые слова: акты состояния; запись; метрические книги; указы Синода; презумпция отцовства; незаконнорожденные

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна	Е-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ
Федотов, Артем Игоревич	Е-mail: artem.fedotov03@mail.ru Учебный помощник кафедры социального и семейного законодательства

Жизнь каждого человека наполнена событиями и действиями различного характера, в том числе влекущими правовые последствия, часть из которых являются актами гражданского состояния. В современной России юридическую значимость данным актам придает государственная регистрация, осуществляемая органами ЗАГС. В дореволюционной России запись актов состояния лиц православного вероисповедания (кои преобладали в Ярославском уезде) производилась приходскими священно- и церковнослужителями в метрических книгах¹.

Впервые предписание о ведении метрических книг во всех православных приходах Российской империи было закреплено в 1722 году в п. 29 Прибавления к Духовному Регламенту «Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского»² (далее – «Прибавление»). В данном нормативном правовом акте на священников возлагалась обязанность по ведению метрик, в которых они должны были записывать «прихода своего младенцев рождение и крещение, со означением года и дня, и с именованьем родителей и восприемников. Також и которые младенцы, не получившие крещения, померли, с приписанием вины, коей ради младенец лишен Святого крещения» (запись о рождении), «лиц, браком сочетаваемых» (запись о бракосочетании), «умирающих с приписанием по Христианской должности в покаянии преставилися и погребаемые; и аще кто не погребен, именно написать вину, чего ради не получил Христианского погребения, со означением года и дня» (запись о смерти). Каждый год священники обязаны были предоставлять заполненные книги в Приказ Архиепископский.

Из формулировок «Прибавления» следует, что регистрация актов состояния производилась одновременно с совершением христианских таинств (крещений, венчаний) и обрядов (отпеваний). В иных случаях в обязательном порядке необходимо было указать на причины их отсутствия. Таким образом, в этом предписании прослеживается взаимодействие права и религии в дореволюционной России [1, с. 67–68; 2, с. 86], кое осуществлялось преимущественно в рамках канонического законодательства. При этом следует заметить, что размещение нормы о повсеместном ведении метрических книг в акте, который служил «прибавлением к Духовному Регламенту», на наш взгляд, не совсем логично, поскольку среди достаточно обширного текста данное положение «теряется». Более того, расположение его в предпоследнем пункте акта могло вызвать (и вызывало) пренебрежительное отношение к нему со стороны священнослужителей.

Помимо этого, в «Прибавлении» отсутствовали четкие формы и примеры записи метрик, результатом чего стала невозможность исполнения означенного предписания. Об этом свидетельствует Указ Синода от 20 февраля

¹ См.: ст. 859 Свода законов о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1912.

² Прибавление к Духовному Регламенту «Прибавление о правилах церковного причта и чина монашеского» // ПСЗРИ. Т. VI, № 4022.

1724 года «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам»³ (далее – Указ Синода 1724 года), в котором предписывалось, что «везде священникам книги иметь и в должное Правительству присылать и повелено, но ниоткуда присылки не видно»⁴. С этого момента Синод «начал многолетнюю борьбу за то, чтобы норма закона выполнялась» [3, с. 33–34]. В означенном Указе вновь была закреплена обязанность священников по ведению метрических книг, сдаче их в духовное правительство (консисторию), обязанность архиереев по созданию «епархиальных табелей» и отсылке их в Синод. Но ключевое значение Указа Синода 1724 года заключалось в закреплении формы метрической книги, использование которой должно было способствовать записи всех необходимых для регистрации актов состояния сведений.

В соответствии с Указом Синода 1724 года метрическая книга делилась на три части: часть первая была посвящена «рождающимся» и содержала порядковый номер младенца, дату рождения, родителей («у кого родился»), дату крещения и восприемников; часть вторая отводилась для записи «бракосочетавшихся» и фиксировала номер венчания по счету, имена жениха и невесты, дату венчания, имена поручителей или поезжан; часть третья «О умерших» включала: порядковый номер усопшего (с разделением на мужской и женский пол), дату смерти, имя, возраст, причину смерти, «кем исповедан и приобщен», место погребения. Однако, как справедливо отмечает Н. С. Нижник, «несмотря на наличие детальных указаний о правилах заполнения метрических книг, приходские священники вели их крайне нерегулярно» [4, с. 118]. Так, в Ярославском уезде метрические книги начинают вести лишь с 1736 года. Спустя 14 лет (!) после принятия первого нормативного правового акта об их создании. Вероятнее всего, это связано с небрежным отношением к своим обязанностям [4, с. 118] в сочетании с неграмотностью [5, с. 99–100] некоторого числа приходского духовенства.

Следует также отметить, что по 1779 год и форма, утвержденная Указом Синода 1724 года, приходскими священно- и церковнослужителями не соблюдалась. Записи о рождении не содержали даты крещения, имени матери ребенка, имен восприемников (это, например, подтверждает запись о рождении за 1736 год церкви Рождества Христова села Пономарева Ярославского уезда: «№ 1; дата рождения – 12 июня; вотчины бригадира Ивана Иванова сына Головина деревни Филина у крестьянина Федота Васильева сын Петр»⁵).

При фиксации вступления лиц в брак отсутствовали сведения о том, в какой по счету брак вступают брачующиеся (данный факт стали указы-

³ Указ Синода от 20 февраля 1724 года «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам» // ПСЗРИ. Т. Т. VII, № 4480.

⁴ Там же.

⁵ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-1. Д. 64. Метрические книги церковей сел

вать, начиная с 1748 г.⁶), а также имена поручителей (поезжан). Например, в брачной записи за 1764 год той же церкви указано следующее: «№ 1; дата венчания – 11 января; вотчины поручика князя Михаила Михайлова Хованского крестьянской деревни Филина Ивана Козмина сын отрок Роман той же вотчины и деревни с крестьянскою Васильевою дочерью Андреева девкою Агрипиной первым их браком»⁷. Между тем количество браков одного лица ограничивалось, следовательно, указание на повторность супружества имело важное значение, а в случае третьего и четвертого брачного союза – архиважное [6, с. 9, 30].

Больше всего ошибок приходские священники допускали при исполнении правил части 3 «О умерших»: не вели разделения по полу в нумерации записей о смерти, возраст указывали лишь мужчинам, не записывали причину смерти, а также «кем исповедан и приобщен», где погребен. Об этом свидетельствует, например, метрическая запись о смерти мужчины в церкви Святой Великомученицы Параскевы села Серенова за 1756 год: «№ 3; дата смерти – 30 мая; вотчины майора Алексея Григорьева сына Васильчикова деревни Сосновцы крестьянин Михайло Филипов 23 лет»⁸; женщины: «вотчины майора Алексея Григорьева сына Васильчикова деревни Почаева крестьянская вдова Мавра Семенова»⁹. В 1774 году по неизвестным причинам исполнение норм части 3 «О умерших» стали вести в соответствии с вышеозначенной формой¹⁰.

Таким образом, ведение метрических книг все же продолжало отличаться от требований, утвержденных Синодом в 1724 году. Это привело к принятию данным органом Указа от 23 ноября 1779 года¹¹, в котором был установлен факт небрежного исполнения или вовсе неисполнения священно- и церковнослужителями своих обязанностей по записи актов состояния; продублированы все требования «Прибавления»; закреплено предписание консисториям выдавать «тетради с надписанием, что в которых записывать должно». Это, в частности, привело к изменениям в ведении метрических книг в Ярославском уезде. На титульном листе метрической книги прописывались требования к ее ведению и дальнейшей сдаче из приходской церкви в консисторию, а метрики стали соответствовать форме, утвержден-

⁶ См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-1. Д. 1119. Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1748 год.

⁷ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-4. Д. 8986. Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1764 год. Л. 4 об.

⁸ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-1. Д. 2259 Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1756 год. Л. 16 об.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-3. Д. 5846. Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1774 год.

¹¹ Указ Синода от 23 ноября 1779 года «О исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» // ПСЗРИ. Т. XX, № 14948.

ной в 1724 году¹². Однако сохранялись ошибки в брачных записях: по-прежнему не фиксировали поручителей (поезжан)¹³.

В целом в Российской империи картина по делопроизводству в приходских церквях и духовных консисториях мало изменилась, о чем свидетельствуют акты Синода. Так, например, в Указе от 29 марта 1794 года¹⁴ обращается внимание на то, что за 1793 год сведения о записях присланы лишь из 9 епархий (всего существовало 29 епархий). Поэтому Синодом предписывалось в случае отсутствия метрических книг за прошедший 1793 год «к сочинению их в самой скорости, секретарей консисторских и других, за кем та остановка последовала, понудить неослабно, и покуда не сочинят, держать их за стражею». На наш взгляд, данное положение не решало проблемы, поскольку точность таких «сочинений» вызывает сомнения в достоверности, на что, в частности, указывает М. К. Цатурова [3, с. 33].

Указом Синода от 7 мая 1806 года¹⁵ была предписана передача в храмы печатных листов для «лицевания» метрических книг, в которых уже содержались готовые графы, что значительно облегчило работу приходскому духовенству. Следует отметить, что в Ярославском уезде с выдачей печатных формуляров для заполнения форма записи актов состояния стала соблюдаться¹⁶. Однако в масштабах Империи на страницах метрических книг ошибки продолжали существовать. Об этом, например, свидетельствует Указ Синода от 22 февраля 1812 года¹⁷, в котором вновь было предписано священно- и церковнослужителям всех епархий вести запись актов состояния «в должном порядке и исправности», поскольку «во многих епархиях по временам [метрики] искажались и приходили в беспорядок и запутанность».

В 1831 году выходит Указ Синода «О новых формах метрическим книгам»¹⁸, но никаких принципиальных изменений в формуляре он не закрепил. Часть третья «О умерших» не была затронута реформой вовсе. Единственное значимое нововведение – это подробные примеры конкретных записей, что, на наш взгляд, является весьма полезным для правоприменителя в лице приходского духовенства. Однако в Ярославском уезде, начиная

¹² См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-4. Д. 7588А. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1780 год.

¹³ Там же.

¹⁴ Указ Синода от 29 марта 1794 года «О присылке метрических экстрактов Синод из всех Епархий о рождающихся, браком сочетавшихся и о умерших» // ПСЗРИ. Т. XXII, № 17192.

¹⁵ Указ Синода от 7 мая 1806 года «О форме Метрических книг» // ПСЗРИ. Т. XXIX, № 22118.

¹⁶ См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Фонд № 230. Оп. 1-2. Д. 3068. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1807 год.

¹⁷ Указ Синода от 22 февраля 1812 года «Подтверждение о ведении метрических и обыскных книг в надлежащем порядке, и о доставлении из оных, по требованиям Присутственных мест, справок из самых Духовных Консисторий» // ПСЗРИ. Т. XXXII, № 25004.

¹⁸ Указ Синода от 28 февраля 1831 года «О новых формах метрическим книгам» // ПСЗРИ. Т. VI (1831), № 4397.

с 1831 года, новая форма соблюдалась только при регистрации родившихся. В качестве образца можно привести запись о рождении из метрической книги церкви Рождества Христова села Пономарева за 1831 год: «№ 25; у кого кто родился – шестого дня вотчины графов Васильчиковых деревни Иванкова у крестьянина Василья Гаврилова и законной его жены Натальи Тимофеевой от 1-ого их брака родился сын Максим; число крещения – 8; кто были восприемники – села Пономарева крестьянин Борис Трофимов»¹⁹. Брачные записи стали соответствовать новым требованиям с 1832 года: «№ 8; когда и кто имянно венчаны – первого надесять дня Ярославского уезда деревни Филина вотчины графов Васильчиковых Степан Сергеев, холостой, с девицею Марьей Саввиной дочерью той же вотчины и деревни крестьянина Саввы Меркурьева; кто были поручители – по женихе: той же вотчины и деревни крестьянин Филип Миронов и Максим Васильев. по невесте: той же вотчины Сереновского прихода деревни Почаева крестьянин Матфей Петров»²⁰.

Окончательный формуляр метрических книг, просуществовавший в Российской империи до 1918 года, был утвержден Указом Сената от 7 февраля 1838 года «О ведении метрических книг по новым формам»²¹. Согласно означенному указу книга должна была состоять из трех частей и включать следующие графы для сведений: часть первая «О родившихся» – «счет родившихся» (порядковый номер младенцев с делением по половому признаку), месяц и день рождения и крещения; «имена родившихся», «звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания», «звание, имя, отчество и фамилия восприемников», «кто совершил таинство крещения», «рукоприкладство свидетелей записи по желанию»; часть вторая «О бракосочетавшихся»: «счет браков», «месяц и день», «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха и которым браком», «лета жениха», «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и которым браком», «лета невесты», «кто совершил таинство», «кто были поручители» (со стороны жениха и со стороны невесты), «подпись свидетелей записи по желанию»; часть третья «О умерших»: «счет умерших» (порядковые номера усопших с делением по полу), месяц и день смерти и погребения, «звание, имя, отчество и фамилия умершего», «лета умершего», «от чего умер», «кто исповедовал и приобщал», «кто совершал погребение и где погребен». Формы сопровождалась развернутыми многочисленными примерами по заполнению метрик, что немаловажно для правильного делопроизводства в приходе. Записи о рождении и о браке претерпели существенные изменения – и все они в лучшую сторону, поскольку графы были разделены по группе сведений, размещались на развороте (прежние на одном листе), что было

¹⁹ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 8. Д. 165. Метрические книги церкви с. Пономарево Ярославского уезда за 1812–1842 годы. Л. 114.

²⁰ Там же. Л. 136.

²¹ Указ Сената от 7 февраля 1838 года «О ведении метрических книг по новым формам» // ПСЗРИ. Т. XIII (1838), № 10956.

достаточно удобно для заполнения и поиска необходимой информации. Самое главное – это способствовало обеспечению единообразия записи актов состояния (которое отсутствовало прежде [5, с. 100]).

На следующий год в Ярославском уезде применялся означенный выше формуляр²², что подтверждается выдержками из метрических книг церкви Рождества Христова села Пономарева. Из части первой «О родившихся» за 1848 год: «№ 16; месяц и день рождения – 15 октября, крещения – 17 октября; имя – Иван; «звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» – вотчины господина Красовского деревни Потетюрина крестьянин Пимен Прокопиев и законная его жена Лукерья Давыдовна оба православного исповедания; «звание, имя, отчество и фамилия восприемников» – той же вотчины и деревни крестьянин Капитон Иванов; «кто совершил таинство крещения» – пономаревский священник Николай с дьячком Павлом Ивановым; «рукоприкладство свидетелей записи по желанию» – отсутствует²³. Брачная запись за 1886 год: «№ 2; «месяц и день» – 26 января; «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха и которым браком» – старший фейерверкер 4-ой роты 1-ого батальона Новогеоргиевской крепостной артиллерии, уволенный в запас Хрисан Максимов Лисенков, вероисповедания православного, первым браком; «лета жениха» – 27; «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и которым браком» – Толгобольской волости, села Толгобола, умершего крестьянина Петра Авксентьева дочь Павла Петрова, вероисповедания православного, девица; «лета невесты» – 25; «кто совершил таинство» – Ярославского уезда, села Михайловского священник Андрей Виноградов и села Пономарева псаломщик Павел Лебедев; «кто были поручители» – по женихе: деревни Иванкова крестьяне Максим и Иван Андреевы; по невесте: Толгобольской волости, села Толгобола крестьяне Семен Васильев Голубков и Норского посада Феодор Яковлев; «подпись свидетелей записи по желанию» – отсутствует». Часть третья «О умерших» из метрической книги церкви села Толгобола за 1909 год: «№ 29; месяц и день смерти – 28 ноября; погребения – 30 ноября; «звание, имя, отчество и фамилия умершего» – Ярославского уезда, Толгобольской волости, деревни Починка крестьянина Никонора Феодорова Чашкова жена Анастасия Демидова Чашкова; «лета умершего» – 82 г; «от чего умер» – от воспаленья легких; «кто исповедовал и приобщал» – священник Троицко-Тверицкой церкви гор. Ярославля Аполлон Теляковский; «кто совершал погребение и где погребен» – священник Геннадий Матвеевский с диаконом Николаем Каранским и псаломщиком Александром Соболевым, на приходском кладбище» ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 11-4. Д. 989. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1909 год. Л. 83 об. –84..

²² См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 1-6. Д. 14248. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1839 год.

²³ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 2. Д. 754. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1848 год. Л. 826 об–827.

Но ошибки в ведении метрических книг продолжали сохраняться вплоть до начала XX в. Этот факт подтверждается рядом указов Синода. В частности, Циркулярный Указ от 20 мая 1903 года²⁴ предписал (в который уже раз!) архиереям обращать пристальное внимание на «исправное ведение метрических записей», а также закрепил различного рода разъяснения.

На основании изложенного можно выделить ряд особенностей ведения метрических книг, показывающих недостатки правоприменительной деятельности приходского духовенства.

1. *Несоответствие экземпляров, переданных в консисторию и хранящихся в приходской церкви.* Метрические книги в соответствии с нормативными требованиями необходимо было вести в двух экземплярах: один оставался в приходе, другой передавался в консисторию. Казалось бы, они должны быть идентичны. Однако наиболее типичным «пороком» метрических книг выступало несовпадение дат рождений, бракосочетаний, смертей в приходских и консисторских образцах [7, с. 58]. В Ярославском уезде данное обстоятельство имело место вплоть до начала XX в. Так, в записи о рождении из приходской книги церкви Рождества Христова села Пономарева за 1785 год указано, что «у крестьянина Тимофея Васильева сын Гавриил» родился 26 марта, крещен 30 марта²⁵. В консисторском экземпляре²⁶ дата рождения и крещения того же человека – 20 марта и 26 марта соответственно.

Помимо этого, некоторые записи полностью отсутствовали. В означенной выше приходской метрической книге за 1785 год указано, что «итого <...> родилось обоюга пола 22 человека», а в консисторской – «итого <...> родилось обоюга пола 23 человека». Аналогичные ситуации прослеживаются и в других частях книги. Между тем метрические книги и метрические свидетельства являлись документами, удостоверяющими тот или иной юридически значимый факт²⁷, а определение точной даты события как момента возникновения или прекращения прав и обязанностей весьма значимо. В ситуации, когда разнятся сведения, возникает вопрос: какая же дата верна? Ответ содержится в Указе Синода от 17 мая 1802 года «О ведении и хранении метрических и обыскных книг»²⁸, согласно которому экземпляр, передаваемый в консисторию, является оригиналом, а в церквях хранятся «верные копии».

²⁴ Циркулярный Указ Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1903 за № 8 // Рязанские епархиальные ведомости. 1903. № 17.

²⁵ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 8. Д. 6. Метрические книги церкви с. Пономарево Ярославского уезда за 1782, 1784–1811 годы. Л. 7.

²⁶ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-4. Д. 8852Б. Метрические книги церковью сел Ярославского уезда за 1785 год. Л. 41 об.

²⁷ См.: ст. 1354–1355 Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. СПб., 1866. С. 14–686; ст. 260 Устава духовных консисторий // Устав духовных консисторий. СПб., 1883.

²⁸ Указ Синода от 17 мая 1802 года «О ведении и хранении метрических и обыскных книг» // ГАПК. Ф. № 37. Оп. 1. Д. 605. Л. 7–8 об.

Из сего можно сделать вывод, что в случае разногласий следует опираться на книгу из духовной консистории (частный образец имперского начала и общеконфессионального руководства – в действии).

2. *Отсутствие имени матери в записях о рождении до 1831 года.* Часть первая «О рождающихся» содержала графу «у кого кто родился», в которой указывали только отца, хотя в нормативных актах закреплялась формулировка «именование родителей», что означает указание сведений об обоих родителях. Соответственно, определение матери было возможно только путем обращения к записям о браке в предшествующие годы. Например, часть первая «О рождающихся» метрической книги церкви Рождества Христова села Пономарева за 1768 год содержала следующую запись: «№5; дата рождения – 7 марта; «у кого кто родился» – вотчины Хованского деревни Иванкова у крестьянина Тимофея Васильева сын Василей»²⁹. Для установления матери необходимо было обратиться к записи о браке Тимофея Васильева: «№ 1; дата венчания – 30 января; «вотчины поручика князя Михаила Михайлова Хованского крестьянской деревни Иванкова Василья Дмитриева сын отрок Тимофей тоя ж вотчины села Пономарева с крестьянскою Никитиной дочерью Федорова девкою Евдокиєю первым их браком»³⁰. Соответственно, мать Василя – Евдокия Никитина. Однако Синод в последующих своих указах не обращал внимания на данный недочет. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что права состояния в Российской империи законнорожденные дети приобретали от отца³¹, родительская власть которого на них и распространялась (совокупно с властью мужа над женой) [8, с. 55–56], а также, как мы уже отмечали ранее, небрежностью приходского духовенства к ведению метрик.

Указ Синода от 28 февраля 1831 года «О новых формах метрическим книгам» впервые содержал примеры записи актов состояния, которые включали в том числе имя матери ребенка, что, на наш взгляд, является правильным, поскольку до 1831 года у детей юридически отсутствовала мать.

3. *Особенности записи о рождении незаконнорожденных детей.* При внесении для данной категории родившихся сведений в предусмотренной нормативными актами графе о родителях указывали только мать, поскольку таковые дети «фамилией отца не пользуются, а носят фамилию матери (называются по матери)» [6, с. 527]. Оное обстоятельство можно объяснить предписаниями ст. 132–132.3 Законов гражданских Свода Законов Российской империи³², согласно которым имя незаконного ребенка никаким образом не образовывалось от имени биологического отца. В ме-

²⁹ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-2. Д. 4671. Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1768 год. Л. 41.

³⁰ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 13-4. Д. 8985. Метрические книги церковей сел Ярославского уезда за 1766 год. Л. 84.

³¹ См.: ст. 39, 502, 536, 541, 710, 1015 Свода законов о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1912.

³² Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1. СПб., 1912.

трических книгах в таком случае делали приписку к имени «незаконнорожденный». Получалось, что даже на страницах метрических книг ребенку, рожденному вне брака, уже ставили клеймо, не говоря уже о том, что в обществе (особенно в крестьянской среде) к таковым людям могли весьма негативно относиться и припоминать их происхождение в достаточно обидном ключе [9, с. 526]. При этом в записях о браке и в случае смерти во младенчестве факт незаконности рождения фигурировал. Так, запись о рождении незаконнорожденного из метрической книги церкви Рождества Христова села Пономарева за 1848 год включала следующие сведения: «№ 18; дата рождения – 3 декабря, дата крещения – 4 декабря; имя – Даниил (под именем) незаконнорожденный; «звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» – села Пономарева солдатка Харитина Ефимова православная...»³³. Брачная запись этого же человека за 1870 год о женитьбе: «села Пономарева после умершей солдатки Харитины Ефимовой незаконнорожденный сын Даниил православного исповедания первым браком»³⁴. Указание на незаконное рождение в соответствии с частью третьей «О умерших» имеется, например, в записи за 1891 год о смерти ребенка: «№ 15; дата смерти – 9 августа, дата погребения – 11 августа; «звание, имя, отчество и фамилия умершего» – Сереновской волости, дер. Иванкова, крестьянской девицы Ирины Ионовой незаконная дочь младенец Александра»³⁵.

Законом от 3 июня 1902 года «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей»³⁶ меняется наименование детей, рожденных вне брака. Данным актом «легализуется» термин «внебрачный» ребенок [10, с. 258], появившийся в метрических книгах с 1903 года³⁷. Это свидетельствует о тенденции уравнивания правового статуса детей вне зависимости от их происхождения [10, с. 257–258]. Однако церковь данную линию законодателя не поддерживала и по-прежнему считала, что только рождение в браке дает возможность обладать всей полнотой прав [11, с. 76–78]. Таким образом, в течение весьма длительного времени узаконивались правовые и социальные модели усечения в правах «одинокой матери» и рожденного ею ребенка – не только в формальном смысле (при регистрации рождения), но и в сущностном – в рамках их правового статуса [12]³⁸.

³³ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 2. Д. 754. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1848 год. Л. 827 об.

³⁴ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 10. Д. 218. Метрические книги церкви с. Пономарево Ярославского уезда за 1847–1870 годы. Л. 13 об.

³⁵ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 11-1. Д. 62. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1891 год. Л. 369 об.

³⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 июня 1902 года // ПСЗРИ. Т. XXII (1902). № 21566.

³⁷ См.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 230. Оп. 11-2. Д. 248. Метрические книги церквей сел Ярославского уезда за 1903 год.

³⁸ Юридические отголоски подобного подхода мы наблюдаем не только в законодательстве 1944–1969 гг., но и в настоящее время (например, в формулировке нормы ст. 49 Семей-

4. *Презумпция отцовства и ее отражение в метрических книгах.* Согласно ст. 119 Законов гражданских Свода законов Российской империи³⁹ все дети, рожденные в законном браке, по прекращении или расторжении супружеского союза, если только между днем рождения и днем смерти отца или расторжения брака прошло не более трехсот шести дней, а также в силу ст. 125 рожденные после 180 дней включительно с момента вступления в брак, признавались законными, то есть их отцом являлся муж матери. При этом предположение о законном рождении ребенка могло быть опровергнуто согласно ст. 1348 Устава гражданского судопроизводства только по иску мужа матери, а в случае его смерти до рождения младенца или до истечения предоставленного ему срока для начатия спора – по иску его наследников по закону (ст. 1352 того же Устава).

Однако священно- и церковнослужители, превышая свои полномочия, вмешивались в пикантные подробности зачатия и, соответственно, происхождения детей, появившихся на свет либо от замужних женщин, либо от вдов. Своей ничем не подкрепленной волей (то есть без ее юридического обоснования) приходские священники самостоятельно могли «окрестить» ребенка незаконнорожденным [13, с. 144–145].

Весьма распространенным нарушением являлась запись детей солдат (замужних женщин, чьи мужья проходят военную службу) незаконнорожденными. Примеры встречаются в метрических книгах церковью разных сел Ярославского уезда на протяжении многих лет. Формулировалась запись таким образом: «№ 8; дата рождения – 17 января, дата крещения – 17 января; имя – Анна; села Туношмы солдатка Огрофены Васильевой родилось дочь незаконнорожденная»⁴⁰.

Выделенные выше особенности ведения метрических книг, обнаруженные нами на основании документов Ярославского уезда, имели место вплоть до принятия Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года⁴¹, которым, взамен метрических, были введены регистрационные книги, а внесение сведений в них было возложено на государственные органы. Дети от рождения получали равный правовой статус независимо от обстоятельств своего зачатия.

В современной России согласно п. 4 ст. 7 ФЗ «Об актах гражданского состояния» запись производится в актовых книгах. В ст. 7 данного Закона перечислены семь актов, подлежащих государственной регистрации, что более чем в два раза превосходит их число в метрических книгах. При этом данные записи отличаются гораздо меньшим количеством содержащейся в них информации (не указывается вероисповедание, род деятельности

ного кодекса РФ) [12].

³⁹ Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1. СПб., 1912.

⁴⁰ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 1118. Оп. 3. Д. 260. Метрические книги церкви с. Туношна Ярославского уезда за 1842–1859 годы. Л. 2 об.

⁴¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818.

и иные). Это, очевидно, обусловлено тем, что в настоящее время сведения, которые записывались в дореволюционной России, не имеют юридического значения и, соответственно, объясняется отсутствием сословного общества, светским типом государства, равенством всех вне зависимости от отношения к религии, имущественного и должностного положения, а также других обстоятельствами. Следует также отметить, что ФЗ «Об актах гражданского состояния» в п. 3 ст. 3 до сих пор придает метрическим книгам, составленным до вступления в действие Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, юридическую силу, то есть сохраняет их важное значение для установления прав и обязанностей граждан. В настоящее время в приходских храмах Русской православной церкви продолжают вести записи о совершаемых таинствах и обрядах в книги, именуемые «метрическими»⁴². Однако значением актов гражданского состояния они не обладают, а служат лишь подтверждением совершения крещения, венчания, отпевания. Впрочем, в доктрине обсуждается вопрос о признании «метрической записи» в качестве варианта регистрации акта гражданского состояния, по крайней мере венчальной записи о супружестве [1, с. 69].

Таким образом, запись актов состояния православного населения в дореволюционной России осуществляли приходские священно-и церковнослужители в метрических книгах, которые включали следующие элементы: часть первая «О родившихся», часть вторая «О бракосочетавшихся», часть третья «О умерших». Форма метрик менялась на протяжении почти двухсот лет три раза, окончательная была утверждена в 1838 году. Ведение метрических книг было неидеальным, зачастую они содержали достаточно большое количество ошибок и неточностей. Объяснить этот факт можно тремя обстоятельствами: 1) небрежным отношением со стороны духовенства к записи актов состояния; 2) неграмотностью ответственных лиц; 3) далеко не качественным правовым регулированием данного процесса; 4) отсутствием надлежащего епархиального контроля за осуществлением данной деятельности. Однако на протяжении многолетней работы и правотворцу, и правоприменителю удалось в значительной степени исправить свои ошибки. После вступления в действие Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве на смену метрическим книгам пришли регистрационные книги (в настоящее время актовые книги), запись в которые уже осуществляли не приходские священники, а государственные органы. Метрики, составленные до введения Кодекса в действие, обладают юридической силой. В современных приходах Русской православной церкви производят записи о совершенных таинствах и обрядах, и, хотя они не приравниваются в юридическом смысле к записям актов гражданского состояния, их религиозное значение весьма

⁴² Журнал № 88 заседания Святейшего Синода от 27 июля 2011 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586149.html> (дата обращения: 01.10.2023).

важно как для воцерковленных граждан, так и для тех, кто задумывается о своей принадлежности к православному миру.

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. О взаимодействии светских семейно-правовых и религиозных норм // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2 (16). С. 66–70. EDN NVWDPР.

2. Гавриш И. В. Основные нормы церковного брачного права Русской православной церкви и их применение в современной России // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2009. № 4. С. 81–98.

3. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юридическая литература, 1991. 112 с.

4. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 272 с.

5. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.

6. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 224 с.

7. Спичак А. В. Эволюция оформления метрических книг в тобольской епархии в XVIII – начале XX веков // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 54–63.

8. Тарусина Н. Н. Об элементах «родительской власти» в российском законодательстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 33. С. 55–61. EDN QCZBGQ.

9. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 736 с.

10. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с. EDN REYDMT.

11. Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М.: Грааль, 2000. 238 с.

12. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073.

13. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 656 с.

Value-semantic orientations of the personality of the potential scientific and engineering elite

N. B. Karabushchenko^{1,2}, A. N. Bobkov¹

¹National Research Nuclear University "MEPhI", 31 Kashirskoye sh., Moscow, 115409, Russian Federation

²Autonomous non-commercial organization of higher education "V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations", 1/2, Bldg. 1, Leninsky Prospekt, Moscow, 119049, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-586-597

Research article
Full text in Russian

The article investigates the value-semantic orientations of an individual in the potential scientific-engineering elite. The authors set themselves a task in the study of value-meaning orientations of the personality of future nuclear engineers, biotechnologists and programmers in the field of economics. To achieve this goal, value orientations and meaning constructs were analyzed among representatives of the scientific and engineering elite. The results of the study can be useful for understanding the motivational factors influencing the development of scientific and engineering elite, as well as for developing effective approaches to motivate and support this group of people in their career growth and achievement of high results.

Keywords: values; personality; scientific and engineering elite; psychological research; elite

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karabushchenko, Natalya B. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Bobkov, Alexander N. | E-mail: alexbobkov95@yandex.ru

Ценностно-смысловые ориентации личности потенциальной научно-инженерной элиты

Н. Б. Карабущенко^{1,2}, А. Н. Бобков¹

¹Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Каширское ш., 31, Москва, 115409, Российская Федерация

²Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского», Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1, Москва, 119049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-586-597
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются ценностно-смысловые ориентации личности потенциальной научно-инженерной элиты. Авторы ставят перед собой задачу изучить ценностно-смысловые ориентации личности будущих инженеров-ядерщиков, биотехнологов и программистов в области экономики. Для достижения этой цели был проведен анализ ценностных ориентаций и смысловых конструкций среди представителей молодежной (потенциальной) научно-инженерной элиты. Результаты исследования могут быть полезными для понимания мотивационных факторов, влияющих на развитие научно-инженерной элиты, а также для разработки эффективных подходов к мотивации и поддержке этой группы людей в их карьерном росте и достижении высоких результатов.

Ключевые слова: ценности; личность; научно-инженерная элита; психологические исследования; элита

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карабущенко, Наталья Борисовна | E-mail: n_karabushenko@inbox.ru
Доктор психологических наук, профессор

Бобков, Александр Николаевич | E-mail: alexbobkov95@yandex.ru
Психолог Психологического центра

Ценностно-смысловые ориентации личности играют важную роль в формировании научно-инженерной элиты. Исследование и понимание этих ориентаций является актуальной проблемой в научном и инженерном сообществе, так как это помогает определить приоритеты, цели и мотивацию ученого или инженера.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Ценности и смыслы являются неотъемлемой частью культуры и общества, и они имеют большое влияние на выбор профессиональной деятельности. Понимание ценностей и смыслов важно для научно-инженерной элиты по нескольким причинам. Во-первых, эти ориентации определяют направление исследований и разработок. Концентрируясь на определенных ценностях и смыслах, ученый или инженер может сосредоточить свои усилия на решении проблем, которые имеют наибольшую значимость для общества. Например, приоритетом может быть разработка экологически устойчивых технологий или внедрение новых методов в атомную энергетику.

Во-вторых, ценностно-смысловые ориентации личности влияют на мотивацию и усердие в научно-инженерной деятельности. Если ученый или инженер чувствует внутреннюю связь со своими ценностями и видит смысл в своей работе, то он будет более мотивирован и нацелен на достижение высоких результатов. Именно такие личности способны стать частью научно-инженерной элиты и вносить значимые вклады в свою область.

Психологи используют понятие ценностей для описания как отдельных людей (т. е. личных ценностей), так и культур или обществ (т. е. культурных ценностей). Личные ценности – это широкие желаемые цели, которые мотивируют действия людей и служат руководящими принципами в их жизни. Они влияют на восприятие, познание и поведение людей во времени и в различных ситуациях. Ценностям уделяется повышенное внимание в повседневном дискурсе образования, работы, религии и политики. Однако систематическое изучение ценностей появилось в психологии только в 1990-х годах. Исследования последних десятилетий углубили наше понимание структуры личностных ценностей, их взаимосвязи с другими личностными характеристиками и их последствиями [1–2].

Три известные теории культурных ценностей сходятся во мнении, что преобладающие в обществе ценностные установки являются наиболее важным признаком культуры. Эти ценностные установки выражают общие представления о том, что является хорошим и желательным. Они формируют и обосновывают индивидуальные и групповые убеждения, действия, нормы, цели и политику институтов. Каждая теория предлагает культурные измерения, по которым различаются ценностные установки общества. Расположение обществ в этих измерениях представляет собой решение универсальных проблем выживания и процветания [3–4].

Инглехарт выделил два измерения в репрезентативных выборках Всемирного исследования ценностей: ценности выживания и самовыражения и традиционные и светско-рациональные ценности [5–6]. По мере повышения социально-экономического уровня национальные культуры переходят от ориентации на выживание и традиционные ценности к ори-

ентации на самовыражение и светско-рациональные ценности. Хофстеде на основе данных, полученных от работников IBM, выделил четыре измерения ценностей: индивидуализм против коллективизма, дистанция власти, маскулинность против фемининности и избегание неопределенности, а позднее добавил к ним ориентацию на долгосрочную перспективу и потворство против сдержанности [7–8]. Обе эти теории получили свои измерения эмпирическим путем как ортогональные факторы на больших массивах данных. В отличие от них Шварц вывел три биполярных измерения из теории и проверил их эмпирически. Три основные проблемы, с которыми сталкиваются все общества: взаимоотношения между индивидами и группами, обеспечение ответственного социального поведения и отношения человечества к природе. Они привели к появлению измерений Шварца: автономия против укорененности, иерархия против эгалитаризма и мастерство против гармонии [9].

Для определения местоположения групп или наций по культурным измерениям все три теории объединяют индивидуальные ответы на вопросы о ценностях или установках. Предположительно эти ответы отражают культуру, которой подвержены индивиды. Измерения трех теорий имеют значительное концептуальное совпадение [10–11]. Таким образом, несмотря на разные методы, Инглехарт и Шварц выделяют практически одни и те же семь или восемь культурных регионов по всему миру. Социально-экономический уровень является наиболее сильным предиктором национальных культурных различий. Однако, помимо социально-экономического уровня, культурные измерения помогают объяснить такие важные направления национальной политики, как инвестиции в социальное обеспечение, образование, права трудящихся и вооруженные [12].

В литературе к концу XIX века ценности рассматриваются как характеристики обществ и коллективов, этнических и религиозных групп. Эти культурные ценности представляют собой цели, к которым стремятся члены социального коллектива. Они служат для оправдания действий, которые предпринимают члены группы и лидеры для достижения коллективных целей [13].

В большинстве современных работ личностные ценности определяются как широкие цели, которые служат основными принципами в жизни людей. Ценности представляют собой когнитивные репрезентации базовых мотивов в виде целей, к которым необходимо стремиться. Люди упорядочивают свои ценности в иерархию значимости, которая выражает их ценностные приоритеты. Сами ценности способны актуализироваться в зависимости от временного и ситуативного фактора. Например, если человек одобряет личную безопасность, то он будет придавать значение физической, эмоциональной и материальной защищенности в любых отношениях и во всех случаях [14–15].

Ценности являются центральным компонентом личности. Они связаны с другими атрибутами личности, но отличаются от них. Далее мы рассмотрим основные особенности ценностей, отличающие их от мотивов, потребностей, целей, черт и установок [16]. Во-первых, люди считают свои собственные ценности изначально желательными, достойными и хорошими. Напротив, некоторые свои потребности (например, физические нагрузки), мотивы (например, месть), черты характера (например, агрессивность) или установки (например, отношение к сладкому) они могут считать негативными [17].

Во-вторых, поскольку ценности социально желательны, люди могут использовать их для достижения сотрудничества в достижении своих целей, сообщая о них другим. Это отличает ценности от мотивов, потребностей и черт характера, которые иногда могут восприниматься как нежелательные [18].

В-третьих, люди упорядочивают свои ценности в соответствии с расстановкой приоритетов, формируя их собственную иерархию. Например, для одного человека равенство может быть важнее свободы, а для другого – наоборот. Чем важнее ценность, тем больше вероятность того, что она будет побуждать к действию [19]. Эта иерархия относительной важности отличает ценности от всех других личностных атрибутов. Маслоу предполагает, что потребности образуют универсальную иерархию пресуппозиций. В отличие от этого иерархия ценностей у разных людей различна. Разные индивиды располагают каждую ценность выше или ниже в своей личной иерархии в зависимости от ее относительной важности для них [20].

В-четвертых, ценности – это широкие цели (например, независимость), которые применимы в разных контекстах. Значение, которое человек придает конкретным ценностям, относительно стабильно в разных ситуациях. Например, человек, придающий большое значение независимости на работе, скорее всего, также будет стремиться к независимости в супружеских отношениях, воспитании детей, голосовании и т. д. Это контрастирует с установками и более узкими целями, которые относятся к конкретным видам поведения, объектам и контекстам [21].

Так, ценностное отношение к независимости мотивирует стремление к ней в любом контексте, где это возможно. В отличие от этого установки на независимость или узкие цели относятся к способам достижения независимости в конкретном контексте (например, самостоятельное путешествие).

В-пятых, ценности относительно стабильны во времени как по своей абсолютной значимости, так и по относительной значимости в иерархии ценностных приоритетов людей. Стабильность ценностей во времени отличает их от потребностей и мотивов, которые часто носят циклический

характер, и от установок, норм и конкретных целей, которые, как правило, зависят от контекста или времени и поэтому меняются быстрее.

В-шестых, поскольку ценности являются когнитивными репрезентациями, люди могут актуализировать их в памяти, размышлять над ними и сознательно выбирать, следовать им или игнорировать их в той или иной ситуации, в отличие от потребностей и мотивов, которые могут быть недоступны для осознания, даже если они побуждают к действию. Однако если люди осознают свои потребности или мотивы (например, зависимость, принадлежность), они могут преобразовать их в ценности (например, конформизм, доброта), которые они решают реализовать [22].

Наконец, ценности выступают в качестве смыслообразующих систем. Люди используют свои ценности как стандарты, с помощью которых они могут оценивать, судить и оправдывать свой и чужой выбор. Эти функции отличают ценности от мотивов, потребностей и черт характера.

Представленный теоретический анализ психологической научной литературы способствовал осмыслению отдельных компонентов теоретической модели психологии современного инженера, которая включает следующие составляющие: эмоционально-волевую, потребностно-мотивационную, ценностно-смысловую, социально-психологическую, когнитивно-деятельностную, позволяющие раскрыть важнейшие психологические особенности личности специалиста инженерно-технической направленности. Наше обращение к студенческой аудитории также позволяет выявить запросы современного высокотехнологического общества и требования, которые предъявляются к будущим специалистам. Исследования, проводимые на базе крупного национального научно-исследовательского вуза МИФИ, позволяют выйти за пределы строго инженерного образования и выявить признаки научно-технического лидерства будущих выпускников университета. А подготовка научной элиты, особенно в области ядерной промышленности и высоких технологий, предполагает формирование ценностно-смыслового компонента развития профессионала, ориентированного не только на создание и продвижение новых технологий, но и на сохранение гуманистических принципов преобразования мира.

В данной работе мы обратимся к изучению ценностно-смысловой составляющей модели, отражающей приверженность субъекта научно-технической элиты принципам гуманизма и ориентации на общественные интересы. В условиях технологического прогресса и глобальной цифровизации значение человеческого капитала как ресурса развития общества увеличивается. Ресурсная экономика в полной мере не ориентирована на такой капитал. Но именно он позволит странам, сохраняющим и привлекающим его, обеспечить эволюционное развитие общества и снизить экономические риски.

Таким образом, основная цель данного исследования заключается в изучении ценностно-смысловых ориентаций личности будущих инженеров-ядерщиков, биотехнологов и программистов в области экономики.

В качестве респондентов выступили студенты инженерно-технических направлений первого курса НИЯУ «МИФИ» в количестве 111 человек, которые были распределены по 3 группам: институт нанотехнологий в электронике, спинтронике и фотонике (ИНТЭЛ) – 15 человек; инженерно-физический институт биомедицины (ИФИБ) – 27 человек; институт лазерных и плазменных технологий (ЛАПЛАЗ) – 69 человек. Распределение обосновано выбором факультета и спецификой подготовки будущих специалистов. В качестве психодиагностического инструментария выступила методика Шварца «Диагностика ценностных ориентаций». Сравнительный анализ полученных результатов был осуществлен с использованием методов математической статистики (Н критерий Kruskal-Wallis).

Сравнение нормативных идеалов студентов по методике Шварца «Диагностика ценностных ориентаций» выявило статистически значимые различия по шкале «Универсализм» ($H=6,82$, $p=0,033$). У студентов ЛАПЛАЗ ($Cp=61,74$) в большей степени выражено не только стремление к познанию окружающего мира и себя в нем, но и готовность оберегать и защищать то мироздание, которое окружает каждого человека. Для них свойственно расширение контактов, готовность к выходу из привычной среды и создание новых связей (склонность к междисциплинарности). Однако для лаплавцев так же, как и для ИНТЭЛ ($Cp=53,27$), характерно проявлять внимание и заботу в отношении другого человека, способность в нужный момент оказать помощь и поддержку. У данных групп прослеживается тенденция к познанию природы человека через призму физических явлений, появляется также интерес и к изучению психических процессов, что свидетельствует об экстраверсивной направленности, открытости коммуникативному опыту. Универсализм в меньшей степени выражен у ИФИБ ($Cp=42,85$), что отражается в интровертированности, меньшей заботе о другом человеке и окружающей среде. Студенты погружены в изучение физико-технической составляющей мироздания, увлечены математическими моделями (абстрактное мышление), при этом менее чувствительны к эмоционально-коммуникативному взаимодействию. Этот факт несколько настораживает в связи с тем, что студенты пришли на направление Биомедицины. И хотя им не придется напрямую работать с пациентами, опыт в системе взаимодействия «человек – человек» крайне для них будет полезен. В процессе обучения студентов направления ИФИБ в университете важно отслеживать, будет ли меняться данная ценность в сторону большей значимости. И если нет, то необходима дополнительная проработка. На данном же этапе можно предположить, что обучающиеся сильно сконцентрированы на учебных

дисциплинах и их усвоении, итогом чего становится успешная сдача экзаменов и зачетов. На уровне индивидуальных приоритетов ценность «Универсализма» ($N=7,14$, $p=0,028$) также показывает весомые статистически значимые различия. Однако чаша весов перевешивает в сторону ИФИБ ($Ср=60,67$), что указывает на большую терпимость, готовность понять другого человека, защитить его от каких-либо внешних воздействий и рисков, но сфера распространения такой заботы ограничивается ближним окружением, выход за пределы которого воспринимается как зона дискомфорта. Для студентов ЛАПЛАЗ ($Ср=58,67$) сохраняется высокая значимость ценности «Универсализм» и на личностном уровне. А вот ИНТЭЛ ($Ср=35,5$) показывают противоположную позицию, т. е. на декларативном уровне (важность для общества, окружающей среды, мирового устройства) ценность приобретает свое весомое значение, но в личностном плане ее смысл теряется и снижается возможность практической ее реализации.

По шкале «Власть» также были выявлены существенные статистически значимые различия ($N=6,039$, $p=0,049$). Студенты направления ИНТЭЛ ($Ср=66,3$) показали наиболее выраженную потребность в доминировании. Стремление к материальным благам, социальному более высокому положению, управленческие амбиции обусловлены возрастными особенностями группы (некоторые студенты старше своих однокурсников). Видимо, высшее образование и диплом престижного вуза будут способствовать реализации их властных амбиций. Следует отметить, что обучающиеся на данном направлении ребята проявляют себя назидательно-воспитательно в отношении сверстников или студентов по возрасту младше, что также свидетельствует о потребности демонстрировать свою компетентность и авторитетность. Властные устремления студентов ЛАПЛАЗ ($Ср=58,62$) не менее весомые. Во многом это обусловлено престижностью получения образования в рамках данного института. Специфика будущей профессиональной деятельности студентов ЛАПЛАЗ связана с научной деятельностью, обогащающей теоретические и научные знания в области физики и инженерии. Атмосфера самого института пронизана элитностью, и студенты уже с первого курса напитываются ей, приобщаются к некой особой корпоративной культуре, готовят себя к научным изысканиям в прорывных направлениях. Все это способствует формированию доминантной позиции личности, понимания своего предназначения. Менее выражены властные притязания у студентов ИФИБ ($Ср=43,57$). Возможно, это обусловлено гендерной спецификой. На направлениях подготовки данного института обучается больше девушек и они более сосредоточены на процессе учебной деятельности, получении конкретных результатов здесь и сейчас без ориентации на дальнюю перспективу. В процессе обучения, в ходе наблюдения было замечено, что об-

учающиеся этих направлений более педантично и скрупулезно относятся к выполнению заданий, которые предлагает преподаватель как на занятии, так и для самостоятельной подготовки.

Шкала «Безопасность» также показывает статистически значимые различия между выделенными группами ($N=10,837$, $p=0,004$). Обращает на себя внимание тот факт, что различия проявляются только на уровне нормативных идеалов, индивидуальные приоритеты статистически не выражены. Следовательно, для студентов ИНТЭЛ ($C_p=62,57$) и ЛАПЛАЗ ($C_p=61,49$) ценность безопасности выражена в большей степени в гармонизации и стабильности в обществе, в потребности строить надежные взаимоотношения, налаживать долгосрочные контакты, иметь перспективу социального развития и личностного роста. Обучающиеся на данных направлениях острее ощущают нестабильность в социально-экономической сфере, оценивают риски и возможные перспективы. Для этих ребят не безразличны все процессы, происходящие в мире, особенно это касается профессиональной сферы. Они заинтересованы в интеграции в мировое научное сообщество с целью обеспечения стабильности как для себя, так и для своего ближайшего окружения. Надо признать, что осознание данной необходимости приходит уже на начальных этапах обучения. Возможно, это обусловлено самой средой, создаваемой в институтах НИЯУ МИФИ, а также широкими взглядами самих студентов на изменения, происходящие в мире. При этом у юношей и девушек ИФИБ ($C_p=38,31$) гораздо менее выражена нормативная ценность «безопасность». Мы склонны данную тенденцию связывать с половыми различиями. Преобладание на курсе девушек влияет на выбор ими приоритетов: семьи, брака, близких отношений, детско-родительской близости. Таким образом, ценность безопасности смещается на ближнее окружение, начинают доминировать: индивидуальный комфорт, гармоничные отношения, снижение социальных рисков для семьи. Особое внимание уделяется здоровью, усиливается потребность во взаимопомощи, обостряется чувство принадлежности к той группе, в которой происходит наиболее плотное взаимодействие.

На уровне тенденций по нормативной шкале «Традиции» ($N=4,542$, $p=0,103$) можно также наблюдать различия между ИНТЭЛ ($C_p=61$), ЛАПЛАЗ ($C_p=59,38$) и ИФИБ ($C_p=44,57$). Для студентов первой группы институтов общественно принятые нормы имеют значение. Профессиональное сообщество накладывает определенные ограничения на своих членов, требует чтить традиции, соблюдать этические нормы. Все это начинает закладываться на самых первых этапах обучения в университете: профессиональная среда, стиль общения, профессиональный язык, манера поведения, система взаимоотношений, специализированные предметы. Студенты сразу же принимают данные «правила игры» на уровне со-

циально-ролевого взаимодействия. Обучающимся ИНТЭЛ, возможно, требуется больше времени на адаптацию. У них проявляется склонность к осмыслению ценности с целью сделать ее лично значимой. Об этом свидетельствуют результаты математического анализа индивидуального приоритета «Традиции». И хотя статистически значимые различия между группами не были обнаружены, на уровне тенденции у студентов ИФИБ ($S_p=60,81$) показатели гораздо выше по данной шкале, чем у других групп.

Также на уровне тенденций можно наблюдать довольно интересную картину: шкалы «Стимуляция» ($H=4,77$, $p=0,092$) и «Гедонизм» ($H=4,729$, $p=0,097$) в институтах ИНТЭЛ ($S_p=58,03$; $69,4$) и ЛАПЛАЗ ($S_p=60,12$; $56,58$) более выражены, чем у ИФИБ ($S_p=44,33$; $47,07$). Первые две группы испытуемых стремятся к большему разнообразию и расширению границ. Мы ранее отмечали, что их отличает экстраверсированная направленность, готовность к познанию чего-то нового и за пределами своей привычной среды. За счет этого поддерживается высокий уровень активности, обеспечивающий приобретение социального опыта. Разнообразие впечатлений способствует возникновению переживаний, широкий спектр которых обогащает внутренний мир личности. Видимо, с этим же связано стремление к гедонизму – познавая жизнь, получать от нее удовольствие. Естественно, перекося в сторону данного приоритета может пагубно сказаться на дальнейшем становлении профессионала. У студентов ИФИБ менее выражены данные потребности. Они более сосредоточены на конкретной работе, ориентированы на тактические цели в рамках той привычной среды, в которой происходит их обучение и становление.

Тенденция к большей выраженности нормативной ценности «Достижения» ($H=4,666$, $p=0,097$) прослеживается у ИНТЭЛ ($S_p=57,67$) и ЛАПЛАЗ ($S_p=60,14$). Данный приоритет близок к шкале «Власть», где эти группы показывают статистически значимую выраженность в сторону доминирования. Значимость личного успеха, готовность соответствовать общественным стандартам и лекалам, потребность в одобрении – важные составляющие социального облика личности профессионала, которые признаются студентами. У представителей ИФИБ ($S_p=44,48$) значимость нормативной ценности «Достижение» снижена.

Таким образом, сравнительный анализ результатов исследуемых групп испытуемых показал, что студенты ЛАПЛАЗ осознают необходимость защиты окружающей среды, чувствительны к социальным изменениям, готовы выйти за пределы узкопрофессиональной группы и налаживают более широкие контакты. Амбициозные устремления обеспечивают им устойчивую потребность в достижениях (участие в конкурсах, олимпиадах, грантах). Студенты ИФИБ на уровне ценностных

индивидуальных предпочтений отличаются большей конформностью и добротой, склонны соблюдать и следовать традициям. Характерные особенности есть и у студентов ИНТЭЛ. Изучение ценностных предпочтений показало следующее: на декларативном уровне традиции, доброта, конформизм высоко ценятся обществом, однако не находят аналогичного подтверждения как лично значимые.

Ссылки

1. Карабущенко Н. Б., Нерсесянц А. В., Штырев М. М. Ценностно-смысловые ориентации молодежного социально-ориентированного лидерства // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. №. 1. С. 59–71.
2. Карабущенко Н. Б., Пилишвили Т. С., Стево З. Сравнительный анализ ценностей и этнической идентичности сербских студентов-билингвов и монолингвов // Педагогика и психология образования. 2016. №. 4. С. 95–101.
3. Inglehart R. Values, objective needs, and subjective satisfaction among western publics // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 9(4). P. 429–458.
4. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and // Comparative sociology. 2006. Vol. 5(2). P. 137–182.
5. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations // Collegiate Aviation Re-view. 2016. Vol. 34(2). P. 108.
6. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and de-mocracy: The human development sequence. Cambridge: Cambridge university press, 2005. P. 333.
7. Values in a cross-cultural triangle: A comparison of value taxonomies in the Netherlands, Austria, and Spain / De Raad B. [et al] // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. Vol. 47(8). P. 1053–1075.
8. De Raad B., Van Oudenhoven J. P. Factors of values in the Dutch language and their relationship to factors of personality // European Journal of Personality. 2008. Vol. 22(2). P. 81–108.
9. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / Schwartz S. H. // Advances in experimental social psychology. 1992. Vol. 25 P. 1–65.
10. Artistic Labor Markets: Contingent Work, Excess Supply and Occupational Risk Management. Handbook of the Economics of Art and Culture / Ginsburgh Throsby D. [et al]. Amsterdam, North Holland, 2006. Vol. 1. P. 679.
11. Rokeach M. The nature of human values. Free press, 1973. P. 438.
12. Beugelsdijk S., Welzel C. Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart // Journal of cross-cultural psychology. 2018. Vol. 49. P. 1469–1505.

13. Gouveia V. V., Milfont T. L., Guerra V. M. Functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // Personality and individual differences. 2014. Vol. 60. P. 41–47.
14. Maslow A. H. A Theory Of Human Motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50. P. 370–396.
15. Vernon P. E., Allport G. W. A test for personal values // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1931. Vol. 3. P. 231.
16. Maio G. R. Mental representations of social values // Advances in experimental social psychology. Academic Press, 2010. Vol. 42. P. 1–43.
17. /Hofstede G. Culture and organizations // International studies of management & organization. 1980. Vol. 10(4). P. 15–41.
18. Koller S. H. Vulnerable Children and Youth: The Psychology of Social Development Innovative Approaches // Psychology in Brazil: Scientists Making a Difference. 2019. P. 117–145.
19. Milfont T. L., Milojev P., Sibley C. G. Values stability and change in adulthood: A 3-year longitudinal study of rank-order stability and mean-level differences // Personality and Social Psychology Bulletin. 2016. Vol. 42(5). P. 572–588.
20. Integrating content and structure aspects of the self: Traits, values, and self-improvement / S. Roccas [et al] // Journal of personality. 2014. Vol. 82(2). P. 144–157.
21. Sagiv L., Roccas S. How do values affect behavior? Let me count the ways // Personality and Social Psychology Review. 2021. Vol. 25(4). P. 295–316.
22. Verplanken B., Holland R. W. Motivated decision making: effects of activation and self-centrality of values on choices and behavior // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 82(3). P. 434.

The specifics of the relationship between emotional intelligence and anxiety in adolescence

A. A. Karpov¹, D. A. Solodnyova², A. G. Sukhanova³

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Smolensk State Medical University, 28 Krupskaya str, Smolensk 214019, Russian Federation

³Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky, 2 Kotovsky str., Smolensk 214027, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-598-603

Research article
Full text in Russian

The article presents materials that reveal the specifics of the relationship between emotional intelligence and anxiety of students in the process of adaptation to educational activity. It is established that the increase in overall severity of anxiety indicators leads to transformations in the structure of the parameters of emotional intelligence. The determinative role of the degree of development of anxiety in the structural organization of indicators of emotional intelligence is shown.

Keywords: emotional intelligence; anxiety; structural organization; interrelation; educational activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Solodnyova, Darya. A. | E-mail: darya210895@mail.ru

Sukhanova, Anna G. | E-mail: ann-sukhanova@yandex.ru

Специфика взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности в юношеском возрасте

А. А. Карпов¹, Д. А. Солоднева², А. Г. Суханова³

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 1500003, Российская Федерация

²Смоленский государственный медицинский университет, ул. Крупской, 28, Смоленск, 214019, Российская Федерация

³Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского, ул. Котовского, 2, Смоленск, 214027, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-598-603

УДК 159.9

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье представлены материалы, раскрывающие специфику взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности студентов в процессе адаптации к учебной деятельности. Установлено, что повышение общей меры выраженности показателей тревожности приводит к трансформациям в структуре параметров эмоционального интеллекта. Показана детерминационная роль степени развития тревожности в структурной организации показателей эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; тревожность; структурная организация; взаимосвязь; учебная деятельность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Анатольевич | Доктор психологических наук, профессор

Солоднева, Дарья | E-mail: darya210895@mail.ru
Александровна | Старший преподаватель кафедры клинической психологии

Суханова, Анна | E-mail: ann-sukhanova@yandex.ru
Геннадьевна | Доцент 14-й кафедры естественно-научных дисциплин

Постановка проблемы

Как известно, исследования в области эмоционального интеллекта весьма актуальны в современной психологии и характеризуются очевидной многоаспектностью и разнообразием теоретических подходов, а также практических разработок. Вместе с тем, ряд проблемных областей, связанных с представленной темой, остаются пока раскрытыми не в полной мере.

В ряде работ (в частности, [1–4]) представлены результаты исследований особенностей развития эмоционального интеллекта в юношеском возрасте в целом и среди учащихся высших и средних учебных заведе-

ний, в частности. При этом, необходимо особо подчеркнуть, что влияние отдельных факторов на формирование эмоционального интеллекта требует более подробного и всестороннего изучения. К одним из них следует относить тревожность, а ее взаимосвязь с основными характеристиками эмоционального интеллекта может и должна, далее, выступить в качестве предмета специального эмпирического исследования.

Как отмечается в литературе, эмоциональный интеллект, с одной стороны, и тревожность, с другой, оказывают влияние на эффективность взаимодействия в коллективе, управление эмоциональной информацией, определяющей эффективность профессиональной и учебной деятельности, успешность адаптации в вузе [1–3].

Процедура и методы исследования

Изложенные выше положения во многом, определили содержание процедуры эмпирического исследования, выборку которого составили учащиеся ряда высших учебных заведений в возрасте от 17 до 20 лет ($n=167$). Методическое обеспечение исследования включало известные в психологии эмоционального интеллекта методики опросного типа, а также Шкалу проявлений тревоги Тейлора.

Наряду с этим, была использована совокупность методов математико-статистической обработки и интерпретации данных, позволивших далее установить ряд конкретных закономерностей.

Вначале была произведена дифференциация всей выборки испытуемых по каждому показателю тревожности: личностной, реактивной и по шкале тревоги Тейлора. Затем полученные каждым испытуемым ранговые места по всем трем показателям были суммированы, что позволило получить общую оценку выраженности диагностируемого параметра. Затем все испытуемые были разделены по сумме рангов на четыре группы: от наиболее низкого уровня тревожности к наивысшему. По каждой группе был подсчитан средний суммарный показатель эмоционального интеллекта. Таким образом, был реализован первый – аналитический уровень исследования взаимосвязи тревожности и эмоционального интеллекта студентов. Было установлено, что по мере возрастания тревожности в целом наблюдается некоторая тенденция к снижению среднего суммарного показателя развития эмоционального интеллекта. Вследствие этого, имеет место определенная тенденция к закономерной связи между исследованными переменными, имеющей вид обратно пропорциональной зависимости между ними, выраженная в весьма умеренной форме. В связи с этим, возникает необходимость более углубленного анализа взаимосвязи степени развития эмоционального интеллекта с тревожностью, а именно переход на структурный уровень исследования, предоставляющий возможности получения относительно более точных результатов и установления развернутой совокупности закономерностей.

На основе данных представленных выше методик были вычислены матрицы интеркорреляций. Эта процедура традиционно является первой в ходе реализации структурно-психологического анализа (в нашем случае, – направленного на установление взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности). Каждая из матриц разрабатывается на основе выделенных групп испытуемых, в результате чего, далее, осуществляется подсчет индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС) структур основных параметров эмоционального интеллекта, что позволяет выполнить построение структурограмм по каждой группе и установить показатели структурных «весов».

Анализ результатов исследования

Полученные в ходе эмпирического исследования показатели индексов структурной организации, а также другие параметры, в частности, значения отдельных структурных «весов» позволяют сформулировать ряд основных положений (табл. 1).

Таблица 1

Значения индексов структурной организации эмоционального интеллекта для четырех групп испытуемых, различающихся по степени развития тревожности

Индексы	Группы			
	I	II	III	IV
ИКС	91	91	44	64
ИДС	2	9	18	12
ИОС	89	82	26	52

Во-первых, установлено, что при возрастании степени тревожности имеет место закономерная динамика основных структурных индексов. Индексы когерентности (ИКС) и организованности структуры (ИОС) вначале имеют тенденцию к снижению (вплоть до III группы), а затем возрастают к IV группе. Это, главным образом, свидетельствует о том, что структура параметров эмоционального интеллекта в группах испытуемых с низким и ниже среднего уровнем тревожности обладает большей мерой организованности, нежели у лиц с высоким и выше среднего уровнем развития этого качества. При этом очевидными представляются тенденции интегративного плана в I и II группах, что и отражено в показателях ИКС и ИОС. По-видимому, низкая степень развития тревожности оказывается пока недостаточной и для того, чтобы стало возможным ингибирующее воздействие этого качества на общую архитектуру параметров эмоционального интеллекта. Это же свидетельствует о ведущей роли синергетических эффектов во взаимодействии между отдельными компонентами эмоционального интеллекта и в практически полном отсутствии компенсаторных тенденций между ними.

Во-вторых, индекс дивергентности (ИДС), наоборот, имеет, хотя и менее выраженную тенденцию к возрастанию. Вместе с тем, на фоне увеличивающихся значений ИКС и ИДС она выглядит не столь явной. Вследствие этого, опять-таки, очевидной представляется малая ингибирующая роль тревожности в трансформациях структуры эмоционального интеллекта.

В-третьих (и это продолжение предыдущего тезиса), испытуемым с низким и ниже среднего уровнем тревожности практически несвойственны дезинтеграционные тенденции в структуре компонентов эмоционального интеллекта, и наоборот. Вполне вероятно, что в данном случае целесообразно обратить внимание на качественный состав выборки, включающий в себя, как отмечалось ранее, студентов высших учебных заведений. В то же время, полагаем, полученный результат представляется вполне логичным и закономерным и может носить, в определенном смысле, «универсальный» характер, то есть оказаться повторяемым на материале выборки испытуемых, дифференцированных согласно иным критериям.

Наконец, в-четвертых, обращает на себя внимание результат, заключающийся в «резком» возрастании меры организованности параметров эмоционального интеллекта в группе лиц с наивысшей степенью развития тревожности. Возможно, подобные данные следует объяснять с позиции необходимости в крайне сложных и даже критических ситуациях мобилизации целого ряда коммуникативных умений, а также в спонтанном, симультанном и, во многом, вынужденном усилении средств метаэмоционального, метакоммуникативного, метарегулятивного и др. плана. Таким образом, зависимость структурной организации эмоционального интеллекта от степени развития тревожности носит, скорее, не характер обратной пропорциональной, а представляет собой инвертированную «U-образную» зависимость.

Заключительным этапом исследования стало использование экспресс- χ^2 для определения степени гомогенности – гетерогенности матриц интеркорреляций, позволяющего констатировать количественные или качественные различия между исследуемыми структурами. В результате было установлено, что все коэффициенты корреляций ранговых распределений эмоционального интеллекта по их «весам» в сравниваемых структурограммах (и, соответственно, в группах) являются статистически значимыми (при $\alpha=0,05$), поэтому сами структурограммы отличаются друг от друга незначительно – лишь количественно. Обнаруженные структуры являются в целом однородными (гомогенными) по содержанию взаимосвязей внутри них. Степень развития тревожности, таким образом, как детерминанта структурной организации эмоционального интеллекта не приводит к качественным, то есть принципиальным перестройкам структур этих качеств, а обуславливает только те или иные различия в степени, в мере такой организации (то есть различия количественного характера). При этом, однако, нельзя считать, что тревожность вообще не оказывает влияния на сово-

купность качеств эмоционального интеллекта структурной детерминации. Напротив, такая детерминация существует, однако она проявляется лишь в закономерной количественной динамике индексов структурной организации этих качеств.

Выводы

1. Между степенью выраженности тревожности и уровнем развития эмоционального интеллекта существует взаимосвязь, имеющая характер инвертированной «U-образной» зависимости.

2. Увеличение общей меры выраженности показателей тревожности приводит к трансформациям в структуре параметров эмоционального интеллекта в сторону усиления дезынтегративных тенденций.

3. Возрастание меры организованности параметров эмоционального интеллекта сопряжено с наивысшей степенью развития тревожности ввиду необходимости консолидации средств метаэмоционального и метакоммуникативного плана в условиях раскрытия разнообразных стрессогенных факторов в процессе адаптации студентов к учебной деятельности.

4. При возрастании степени тревожности не обнаруживаются качественные, принципиальные перестройки структуры эмоционального интеллекта. Однако структурная детерминация все же существует по отношению к тревожности, проявляясь лишь в закономерной количественной динамике структурных индексов организации эмоционального интеллекта.

Ссылки

1. Бажин А. С., Фомина Н. И. Особенность развития социального интеллекта студентов вуза // Студент. Аспирант. Исследователь, 2016. № 4. С. 126–136.

2. Беспалова Т. М., Акимова Д. В. К вопросу об актуальности исследования ценностных ориентаций в юношеском возрасте // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: материалы X Международной научно-практической конференции, 2018. С. 219–222.

3. Безбородова Л. А., Безбородова М. А. Эмоциональный интеллект, как важный фактор коммуникативного взаимодействия преподавателя и студентов // Наука и школа, 2019. С. 52–57.

4. Солоднева Д. А., Побокин П. А., Карпов А. А. Взаимосвязь социального интеллекта и ценностно-мотивационных ориентаций в юношеском возрасте // Ярославский педагогический вестник, 2022. № 6. С. 159–166. DOI 10.20323/1813-145X-2022-6-129-159-166.

5. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 272 с.

6. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности. Ярославль: Филигрань, 2021. 316 с.

Spiritual and moral aspects of personality and reflexivity in the context of research on spiritual capacities

G. V. Ozhiganova¹

¹Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-604-611

Research article
Full text in Russian

The article reflects the results of studying the relationship of the spiritual and moral aspects: spiritual and moral qualities, altruism, striving for meaning (as sub-components of the moral component of spiritual capacities) with reflexivity (considered as a sub-component of the mental component of spiritual capacities). It is noted that there are different types of reflection: productive and unproductive. The purpose of the study is to find out whether there is a connection between aspects of the spiritual and moral sphere with reflexivity (its different types). On the basis of a sample of 274 people, a significant positive relationship of the aspects of spiritual and moral sphere of personality with a productive type of reflection (systemic reflection) was established and a significant negative connection or lack of connection with unproductive types of reflection (introspection and quasi-reflection) was found, which makes it possible to identify the sub-component of the mental component of spiritual abilities "reflexivity" with productive (systemic) reflection.

Keywords: spiritual and moral sphere; spiritual and moral qualities; altruism; striving for meaning; spiritual capacities; reflection; reflexivity; higher reflexive capacities

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ozhiganova, Galina V. | E-mail: symposium2016@rambler.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Духовно-нравственная сфера личности и рефлексивность в контексте исследования духовных способностей

Г. В. Ожиганова¹

¹Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13, Москва, 129366, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-604-611
УДК 159.9.072

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье отражены результаты изучения связи аспектов духовно-нравственной сферы: духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу (выступающих как субкомпоненты морального компонента духовных способностей) с рефлексивностью (рассматриваемой в качестве субкомпонента ментального компонента духовных способностей). Отмечено, что существуют разные типы рефлексии: продуктивный и непродуктивный. Цель исследования – выяснить, существует ли связь аспектов духовно-нравственной сферы с рефлексивностью (ее разными типами). На основе выборки 274 человек установлена значимая положительная связь духовно-нравственной сферы личности с продуктивным типом рефлексии (системная рефлексия) и значимая отрицательная связь или отсутствие связи с непродуктивными типами рефлексии (интроспекция и квазирефлексия), что позволяет идентифицировать субкомпонент ментального компонента духовных способностей «рефлексивность» с продуктивной (системной) рефлексией.

Ключевые слова: духовно-нравственная сфера; духовно-нравственные качества; альтруизм; стремление к смыслу; духовные способности; рефлексия; рефлексивность; высшие рефлексивные способности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ожиганова, Галина Валентиновна	E-mail: symposium2016@rambler.ru Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина
-----------------------------------	---

Актуальность исследования проблемы связи рефлексивности с духовно-нравственной сферой личности обусловлена усилением вредоносных манипулятивных технологий воздействия на сознание современного человека и необходимостью противостоять искажению реальности в умах людей, противодействовать насаждению идей, противоположных высшим общечеловеческим ценностям; важно предотвратить искоренение духов-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ных идеалов, ассоциируемых с гуманизмом и справедливостью, необходимо открыть дорогу рефлексии, обусловленной духовно-нравственной ориентацией личности.

Духовно-нравственная сфера личности определяется как «совокупность духовно-нравственных идеалов и ценностей; личностных смыслов, отражающих субъективное отношение к ним; духовных потребностей и нравственных мотивов поведения; нравственных чувств; стремления личности к поведению в соответствии с принятыми ценностями; опыта соответствующего действия; способностей к духовно-нравственному самоопределению, самореализации, самосовершенствованию» [1, с. 175].

Выделяются следующие критерии развитости духовно-нравственной сферы личности:

- смысложизненные устремления на основе моральных принципов и идеалов;
- принятие высоких нравственных стандартов и их претворение в жизнь;
- осмысленность бытия: рефлексия своих поступков и корректировка поведения;
- саморегуляция исходя из принятых высоких нравственных норм.

Определение духовно-нравственной сферы и критерии ее развитости приводят к мысли о связи аспектов духовно-нравственной сферы с проявлением рефлексивности.

В данном исследовании, исходя из предложенной нами психологической модели духовных способностей (включающей три компонента: моральный, ментальный, трансцендентный) [2–4], рассматриваются такие аспекты духовно-нравственной сферы, как духовно-нравственные качества, альтруизм и стремление к смыслу. Согласно нашему представлению, эти аспекты выступают в качестве субкомпонентов морального компонента духовных способностей. Рефлексивность же относится к ментальному компоненту духовных способностей. Духовные способности понимаются как свойства личности, отражающие единство её интеллектуальной и нравственной сфер. Духовные способности характеризуются согласованностью функционирования всех составляющих [3–4]. В этом исследовании рассматривается связь вышеуказанных субкомпонентов морального и ментального компонентов духовных способностей.

Обратимся к понятиям рефлексивности и рефлексии, которые в некоторых случаях могут использоваться как взаимозаменяемые.

Несмотря на переплетение понятий рефлексии и рефлексивности, обозначается и их различие. Рефлексия раскрывается как процесс познания себя, включающий понимание себя, других людей, анализ и осмысление ситуаций и жизни в целом, а также как состояние, в котором пребывает человек, предаваясь процессу самопознания. Рефлексивность же понимается как свойство личности, как устойчивая черта – склонность к рефлексии [5].

Исследования рефлексивности позволили прийти к выводу о многогранности этого феномена, существования как его позитивных, так негативных проявлений, то есть, его неоднозначности. Так, М.А. Холодная описывает эффект расщепления рефлексии [6]. В экспериментальном исследовании Н. Дишона с коллегами исследовалось воздействие рефлексивности на социальную идентификацию: проверялось, в какой степени саморефлексия может оказывать влияние на самооценку в контексте принятия решений, таким образом, выявлялись причинно-следственные связи. В результате было установлено, что саморефлексия усиливала социальную идентификацию [7]. В экспериментальном исследовании, проведенном Л. А. Да Силвой выявлено, что успешное освоение интеллектуальных операций обусловлено их рефлексией обучаемым, а успешность рефлексии определяется рефлексивностью как личностным качеством [8]. В то же время в исследованиях А.В. Карпова и его сотрудников, показано, что рефлексивность не всегда связана с положительными результатами психологических проявлений личности. Так, возрастание рефлексивности сопряжено с повышением качества принятия управленческих решений, но только до определенного уровня, а затем качество принятия решений начинает снижаться [9]. Согласно исследованиям А. А. Карпова и А. В. Карпова, выраженность многих метакогнитивных показателей связана с высоким уровнем психологических защит, нейротизма и пр. [10].

В исследованиях Д. А. Леонтьева с коллегами были выявлены разные типы рефлексии, как продуктивные, так и непродуктивные [11–12]. На основании предложенной Д. А. Леонтьевым дифференциальной модели рефлексии были установлены четыре типа рефлексии: 1) арефлексия, 2) интроспекция, 3) квазирефлексия, 4) системная рефлексия. Эти типы рефлексии отражают сфокусированность на разных объектах: 1) арефлексия – только на внешнем объекте; 2) интроспекция – на самом субъекте (самокопание); 3) квазирефлексия – на посторонних объектах (фантазирование); 4) системная рефлексия – на себе и объекте одновременно (взгляд на себя со стороны). Она представляет собой продуктивный вид рефлексии по сравнению с первыми тремя, относимыми к непродуктивному виду.

Наличие разных типов рефлексии приводит к вопросу о том, как они будут соотноситься с духовно-нравственной сферой личности, что имеет отношение к духовным способностям.

Цель исследования – сопоставление аспектов духовной сферы (духовно-нравственные качества личности, альтруизм, стремление к смыслу, которые выступают как субкомпоненты морального компонента духовных способностей), с различными типами рефлексии; выяснение, какой тип рефлексии соотносится с духовными способностями.

Теоретическая гипотеза: субкомпоненты морального компонента духовных способностей, имеющие отношение к духовно-нравственной сфере (духовно-нравственные качества личности, альтруизм, стремление к смыс-

лу), будут связаны с субкомпонентом ментального компонента духовных способностей «рефлексивность», идентифицируемым с продуктивным типом рефлексии.

Эмпирические гипотезы:

1. Существует значимая положительная связь аспектов духовно-нравственной сферы (духовно-нравственные качества личности, альтруизм, стремление к смыслу) с рефлексивностью – продуктивным типом рефлексии (системная рефлексия).

2. Связь аспектов духовно-нравственной сферы (духовно-нравственные качества личности, альтруизм, стремление к смыслу) с непродуктивными типами рефлексии (интроспекция и квазирефлексия) будет отсутствовать.

Методы исследования

Духовно-нравственная сфера личности

1. Для изучения духовно-нравственных качеств личности использовалась методика «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса (адаптация Г. В. Ожигановой) [13].

2. Для исследования альтруизма – методика «Измерение альтруистических установок» [14].

3. Для исследования стремления к смыслу – тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [15].

Рефлексивность

Методика «Дифференциальный тип рефлексии» [12] диагностирует три типа рефлексии: продуктивную (системную) рефлексия и два типа непродуктивной рефлексии: интроспекцию (самокопание) и квазирефлексия (фантазирование).

Выборка. В исследовании участвовали 274 респондента – студенты и служащие из разных городов России (Москва, Уфа, Санкт-Петербург); 141 – женского и 133 – мужского пола); возраст 18–55 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Для изучения связи аспектов духовно-нравственной сферы таких, как духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу с рефлексивностью, включающей разные типы рефлексии: системную, интроспекцию и квазирефлексию, был проведен корреляционный анализ (табл. 1).

Были установлены значимые положительные связи продуктивной (системной) рефлексии со всеми рассматриваемыми аспектами духовно-нравственной сферы: духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу. Выявлено отсутствие достоверной связи непродуктивной рефлексии (интроспекция) с альтруизмом и значимые отрицательные связи со стремлением к смыслу и духовно-нравственными качествами. Установлено отсутствие достоверной связи непродуктивной рефлексии (квази-

рефлексия) с духовно-нравственными качествами; значимая отрицательная связь со стремлением к смыслу и крайне слабая на уровне тенденции значимая положительная связь с альтруизмом. Комментируя полученную крайне слабую на уровне тенденции, но значимую корреляцию квазирефлексии (фантазирование) с альтруизмом, следует сказать следующее: фантазирование может отражать стремление человека к заботе о других, но оставаться лишь на уровне фантазий, не связанных с реальностью.

Таблица 1

Результаты исследования связи продуктивной и непродуктивной рефлексии с аспектами духовной сферы (субкомпонентами морального компонента духовных способностей)

Рефлексивность	Духовно-нравственная сфера		
	Показатели	Духовно-нравственные качества	Альтруизм
Продуктивная рефлексия (системная рефлексия)	0,323***	0,306***	0,328***
<i>p</i> значения	0,000	0,000	0,000
Непродуктивная рефлексия (интроспекция)	-0,170**	0,057	-0,391***
<i>p</i> значения	0,005	0,348	0,000
Непродуктивная рефлексия (квазирефлексия)	-0,064	0,124*	-0,202***
<i>p</i> значения	0,292	0,039	0,001

Примечание. * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$

Установленные значимые положительные корреляции продуктивной (системной) рефлексии со всеми рассматриваемыми аспектами духовно-нравственной сферы (которые представляют собой субкомпоненты морального компонента духовных способностей) позволяют говорить о связи вышеуказанных субкомпонентов морального компонента и такого субкомпонента ментального компонента духовных способностей, как рефлексивность, причем речь идет именно о продуктивной рефлексии. Продуктивная (системная) рефлексия предполагает возможность удерживать в фокусе внимания одновременно и себя, и объект, включает способность смотреть на себя со стороны. Она создает условия для приближения к объективной оценке своих действий, мыслей и чувств, возможность работать над собой для коррекции своего поведения. Будучи сопряженной с духовно-нравственной сферой, системная рефлексия позволяет развивать положительные качества, ориентируя на продуктивную жизнедеятельность, служение людям, совершение духовно-нравственных поступков. Таким образом,

продуктивная (системная) рефлексия, демонстрируя связь с аспектами духовно-нравственной сферы, такими как духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу (выступающими в качестве субкомпонентов морального компонента духовных способностей) позволяет говорить о возможности существования не просто рефлексивных способностей, но о рефлексивных способностях, имеющих духовно-нравственную окраску, то есть, о высших рефлексивных способностях.

В целом отсутствие достоверной связи или значимая отрицательная связь непродуктивной рефлексии с показателями духовно-нравственной сферы (духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу), свидетельствует о том, что непродуктивная рефлексия не соотносима с духовными проявлениями, отражающими ориентацию на высшие ценности истины, добра, красоты, справедливости. Интроспекция и квазирефлексия характеризуются излишней сконцентрированностью на собственных фантазиях, эгоцентрических потребностях, что препятствует заботе о благополучии других людей, служению обществу, то есть, проявлению духовно-нравственных аспектов личности, связанных с духовными способностями.

Выводы

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о значимой положительной связи духовно-нравственной сферы личности с рефлексивностью, что:

- позволяет говорить уже не о рефлексивных способностях, а о высших рефлексивных способностях, относимых к категории духовных, отражающих духовно-нравственную ориентацию личности.

- показывает согласованность функционирования субкомпонентов морального компонента духовных способностей (духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу) с субкомпонентом ментального компонента духовных способностей «рефлексивность».

- отражает идентификацию субкомпонента ментального компонента духовных способностей «рефлексивность» с продуктивной (системной) рефлексией.

Отсутствие достоверной связи или значимая отрицательная связь аспектов духовно-нравственной сферы, выступающих в качестве субкомпонентов морального компонента духовных способностей (духовно-нравственные качества, альтруизм, стремление к смыслу) с непродуктивными типами рефлексии (интроспекция и квазирефлексия), показывает несовместимость непродуктивной рефлексии с проявлением духовных способностей.

Ссылки

1. Шитякова Н. П., Верховых И. В. Духовно-нравственное воспитание школьников: проблемы, теории, технологии. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2016. 197 с.
2. Ожиганова Г.В. Психологические аспекты духовности: духовные способности // Психологический журнал. 2010. № 5. С. 39–53.
3. Ожиганова Г. В. Духовная личность. М.: Институт психологии РАН, 2020. 288 с.
4. Ожиганова Г. В. Понятие «духовные способности» // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 404–443.
5. Шадриков В. Д. Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. 2014. № 1. С. 17–32.
6. Холодная М. А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 15–26.
7. Dishon N., Oldmeadow J. A., Critchley C., Kaufman J. The Effect of Trait Self-Awareness, Self-Reflection, and Perceptions of Choice Meaningfulness on Indicators of Social Identity within a Decision-Making Context // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1–11. DOI 10.3389/fpsyg.2017.02034.
8. Да Силва Л. А. Рефлексия как условие овладения интеллектуальными операциями // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 3. С. 81–88. DOI 10.17323/1813-8918-2010-3-81-88.
9. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных процессов управления. М. ; Ярославль: ДиаПресс, 2000. 283 с.
10. Карпов А. А., Карпов А. В. Взаимосвязь психометрического интеллекта с организацией метакогнитивных процессов и качеств личности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 2. С. 69–78.
11. Леонтьев Д. А., Аверина А. Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. Т. 4, № 16. С. 1-17. DOI 10.54359/ps.v4i16.860.
12. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
13. Ожиганова Г. В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 4. С. 160–176. DOI 10.17759/exppsy.2019120413
14. Ясин М. И. Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 1. С. 77–85. DOI 10.31857/S020595920007898-3.
15. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000, 18 с.

The dynamics of experiencing psychological closeness in crisis

L. G. Zhedunova¹, N. N. Posysoev²

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl state Pedagogical University, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

²Institute for Development of Education Yaroslavl region, 16 Bogdanovich str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-612-619

Research article
Full text in Russian

The article discusses the issue of possible dynamics of psychological closeness in the conditions of a long-term psychologically traumatic situation. The results of the empirical study illustrating the presence of gender differences in the experience and perception of intimacy in a couple due to subjective perceptions and personality characteristics of partners. The mechanisms of intimacy formation in the dynamic aspect (before, during and after the crisis) are highlighted. The possibilities of rendering psychological help to a married couple, aimed at working with anxiety in connection with the change and loss of habitual ways of satisfying the needs for jointness and autonomy are considered.

Keywords: psychological closeness; crisis; autonomy; jointness; anxiety; psychotraumatic situation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhedunova, Lyudmila G. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Posysoev, Nikolay N. | E-mail: ardat54@mail
Cand. Sc. (Psychology), Professor

Динамика переживания психологической близости в кризисе

Л. Г. Жедунова¹, Н. Н. Посысоев²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

²Институт развития образования Ярославской области, ул. Богдановича, 16, Ярославль
150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-612-619
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье обсуждается вопрос о возможной динамике психологической близости в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Приводятся результаты эмпирического исследования, иллюстрирующие наличие половых различий в переживании и восприятии близости в паре, обусловленное субъективными представлениями и личностными характеристиками партнеров. Выделены механизмы формирования близости в динамическом аспекте (до, во время и после кризиса). Рассматриваются возможности оказания психологической помощи супружеской паре, направленной на работу с тревогой, в связи с изменением и утратой привычных способов удовлетворения потребностей в совместности и автономности.

Ключевые слова: психологическая близость; кризис; автономия; совместность; тревога; психотравмирующая ситуация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жедунова, Людмила Григорьевна | E-mail: lzhedunova@mail.ru
Доктор психологических наук, профессор

Посысоев, Николай Николаевич | E-mail: ardat54@mail
Кандидат психологических наук, профессор

Целью настоящей работы является исследование динамики психологической близости в паре в условиях пролонгированной психотравмирующей ситуации. Современная социокультурная ситуация переживается на уровне индивидуального сознания как ситуация длительного развернутого кризиса. Психологические проявления и последствия пандемии COVID-19 многократно описаны и обсуждены в отечественной и зарубежной литературе (Brooks' S. K., Webster R. K., Smith L. E, Woodland L., Wessely S., Greenberg N. [1], Жедунова Л. Г., Посысоев Н. Н. [2], Hossain M.,

Sultana A., Purohit N. [3], Козлов В. В. [4], Кононов А. Н. [5]. Резкое изменение привычного ритма жизнедеятельности, фрустрация множества потребностей, длительная изоляция (вынужденная совместность) наряду с необходимостью принимать важные решения, при отсутствии оснований для их принятия, вызывают тревогу. Наше внимание в данном случае сфокусировано на том, что кризис создает условия для исследования субъективной реальности. Мы рассматриваем кризис как «экстраординарное событие, прерывающее или делающее вовсе невозможным привычное течение жизни. Он ставит человека перед необходимостью решать задачи, связанные с творческим приспособлением к изменившимся условиям существования, способы решения которых отсутствуют в индивидуальном опыте» [2]. Именно в ситуациях кризиса человек сталкивается с состояниями одиночества, невозможности до конца разделить свои переживания с другим. Нарушается баланс между совместностью и автономностью.

Это находит свое отражение в характере запросов людей на психологическую помощь. Все чаще и чаще поводом для обращения к семейному психологу является переживание экзистенциального одиночества, потеря опоры, тревога, обращенная к будущему как «состояние, тесно связанное с ожиданием предстоящего неблагополучия в рамках жизненного плана личности» [5–6]. Содержание запросов иллюстрирует дисбаланс автономности и совместности в паре, что, в свою очередь, является предиктором супружеского кризиса.

Мы полагаем, что базовым (фундаментальным) условием поддержания динамического равновесия между потребностью в автономии и потребностью в совместности в паре является психологическая близость. В ряде статей Т. В. Казанцевой, посвященных анализу современных исследований психологической близости, предлагается следующее ее определение: «... это многоуровневое и фундаментальное явление, которое несводимо к слиянию, сексуальности и бесконфликтности. Истинная близость предполагает баланс открытости и приватности, а также цельности и проницаемости психологических границ партнеров. Существует особый феномен — избегание близости — черта личности, свидетельствующая о несформированности личной автономии» [7–9]. В монографии О. А. Екимчик представлены основные подходы к исследованию близких отношений как части системы отношений личности [8].

В кризисе совместность может уменьшаться, однако при сохранении близости это не вызывает тревоги относительно отношений в паре. Сохраняется доверие к тому, что партнер, закрывающий свои границы, дистанцирующийся, уходящий в контакт с собой и своими переживаниями (не предъявляет так, как раньше свои эмоции), временно не доступен для контакта, но вернется, как только у него появится необходимость в предъявлении себя другому или в необходимости отклика на другого. При отсутствии близости уменьшение совместности приводит к актуализации чувств

обиды и вины. Автономное поведение партнера может интерпретироваться как уклонение от контакта с переживаниями другого, обесценивание разделенности жизни с другим.

В проведенном под нашим руководством магистерском исследовании С. Ю. Пальгуновой были получены интересные эмпирические данные относительно динамики близости в парах, переживающих длительную кризисную ситуацию.

Процедура и методики проведения исследования

В исследовании приняли участие 35 супружеских пар, представляющих различные формы и историю совместного проживания (зарегистрированный брак, незарегистрированный брак, единственный, повторный) в возрасте от 25 до 55 лет. При проведении исследования использовались следующие методы:

- Опросник «Опыт близких отношений» К. Бреннан, Р. Фрейли (Experiences in Close Relationships-Revised, ECR-R), адаптирован Т. В. Казанцевой;
- Тест на межличностную зависимость (Interpersonal Dependency Inventory, IDI) Р. Гиршвильд, адаптирован О. П. Макушиной;
- Проективная методика «Выбор дистанции в отношениях» В. В. Дубинской.

Исследование проводилось на протяжении 4 лет с 2019 по 2023 год. Весь период был разделен на три этапа (докризисный, кризисный и пост кризисный). В одной из серий исследования был проведен сравнительный анализ пар, характеризующихся различной степенью выраженности автономности – совместности на разных этапах взаимоотношений в контексте проживания кризиса. Для этих целей были выделены следующие группы: 1) «совместные пары», в которых мужчина и женщина определяют свои взаимоотношения как эмоционально близкие, интимные (СС); 2) «асимметричные пары», в которых один из партнеров оценивает взаимоотношения как близкие, а другой воспринимает их как независимые (СН); 3) «автономные пары», где оба партнера оценивают свои взаимоотношения как суверенные, независимые (НН).

Поскольку переживание и восприятие близости в паре обусловлено субъективными представлениями и личностными характеристиками партнеров, представляют интерес результаты, иллюстрирующие полные различия.

Полученные результаты и их обсуждение

В целом на докризисном этапе в представлениях мужчин психологическая близость связывается со значимостью личностной идентификации с партнершей, возможностью получения и предоставления психологической поддержки. От женщины ожидается проявление активности в роли «семейного психолога», отвечающего за контроль и корректирование сте-

пени эмоционального напряжения и комфорта в отношениях. При этом потребность в эмоциональной поддержке, при которой становится важным присутствие партнерши при переживании сильных негативных эмоций, оценивается мужчинами как неявно выраженная. В представлениях женщин близость в отношениях в докризисный период связывается с проявлением активности партнера как родителя, обеспечивающего защиту внешних границ семьи для сохранения приватности. При этом признается ценность и необходимость внешней социальной активности.

В парах, условно «совместных», на докризисном этапе для мужчин характерна относительная независимость в регуляции собственного эмоционального состояния в сочетании с восприятием отношений с партнёршей как особого пространства для восстановления психологических ресурсов, в котором женщина играет ведущую роль. Большое значение придается общности интересов и жизненных целей. Для женщин характерно следующее: ожидание от партнера социальной и профессиональной активности для обеспечения функционирования семьи при сохранении приватности отношений, включенности в отношения с детьми. Можно сказать, что «совместные» пары не замыкаются на себе в докризисном периоде, находят устраивающий их баланс между автономностью и совместностью, а внесемейная активность каждого из партнеров не рассматривается как угроза нарушению близости.

В парах «асимметричных» для женщин характерна фрустрация потребности в разделенности с партнером обязанностей в реализации хозяйственно-бытовой функции семьи, ожидании проявлений его инициативы и включенности при разрешении ежедневных бытовых ситуаций. Партнер рассматривается как незаинтересованный в совместной деятельности. Мужчины ожидают принятия партнёршей его права включаться в отношения с учетом возможностей, ресурсов и желаний.

Для пар, условно «автономных», характерно снижение ценности эмоционального присутствия в отношениях у мужчин, они не нуждаются в моральной поддержке и не готовы ее оказывать партнерше. Обесценивается необходимость совместных усилий по созданию психологически безопасного и комфортного семейного пространства, решению бытовых проблем. Для женщин характерна тенденция к редукции родительских обязанностей. Примечательно, что в «автономных» парах, не имеющих детей, женщины не склонны рассматривать материнство как возможность самореализации в новой роли в отношениях с партнером.

Таким образом, в докризисный период предикторами психологической близости в паре являются представления партнеров о ценности и значимости совместности, эмоционального климата, родительства и внесемейной активности. Можно сказать, что «совместные» пары не замыкаются на себе в докризисный период, находят баланс между автономностью и совместностью, а внесемейная активность каждого из партнеров не рассма-

тривается как угроза нарушения близости. Снижение значимости и ценности нахождения в общем физическом и психологическом пространстве усиливает переживание автономности. Иными словами, автономность в данном случае блокирует развитие совместности в реализации основных семейных функций.

На пике кризисных переживаний в «совместных» парах происходит своеобразное «смещение» приоритетов. Для обоих партнеров содержание переживаний относительно детско-родительских отношений уходит на второй план, становятся менее значимыми. У женщин доминирует потребность в разделенности с партнером эмоциональных состояний, эмоциональной поддержке и утешении. Снижение активности за пределами семьи (социальная, профессиональная, личная) одобряется и рассматривается как необходимое условия для сохранения близости.

В парах «асимметричных» во время кризиса в отношениях отчетливо проявляется эмоциональная автономность женщин: они не тревожатся по поводу состояний и чувств своего партнера, не испытывают потребности в получении от него его эмоциональной поддержки, проявляют самостоятельность при выборе форм внесемейной активности.

В «автономных» парах во время кризиса для мужчин характерно проявление тенденции к уклонению от контактов с партнершей, требующих эмоциональной включенности, к избеганию близости. Женщины характеризуются высоким уровнем тревоги относительно надежности и долговременности отношений с партнером, актуализацией потребности в материнстве. Отмечается ожидание повышения активности и продуктивности деятельности партнера в его профессиональной деятельности.

Таким образом, во время кризиса сохранение близости в отношениях в «совместных» парах зависит от того, насколько женщины готовы открыто выражать потребность в эмоциональном отклике партнера. В парах с низким уровнем психологической близости формирование близости зависит от готовности к эмоциональному контакту у мужчин и степени уверенности женщин в том, что партнер способен оказывать поддержку и давать необходимый эмоциональный отклик. Примечательно, что в таких парах женщины склонны перефокусировать свое внимание на выполнение своих родительских функций, мотивируя партнера на профессиональные достижения, в то время как в парах с близкими отношениями наблюдается обратная тенденция.

На посткризисном этапе опыт совместного переживания кризиса, готовность к открытости, сближению, ценность обнаружения своей уязвимости и признания зависимости от партнера способствуют сохранению психологической близости. Умение партнеров фокусировать свое внимание на отношениях в паре, не подменяя содержание контакта темами, связанными с карьерой или выполнением родительских обязанностей, позволяет обеспечить высокую степень близости между партнерами.

В парах с высоким уровнем совместности как для мужчин, так и для женщин нехарактерно стремление к избеганию близости. Потребность в автономии, «закрытии границ», желание обособленности в принятии решений не являются актуальными.

В парах с асимметричной оценкой степени близости выявлена взаимосвязь с высокой выраженностью стремления к автономности у женщин и их ожиданиями относительно интенсивного отцовства партнера.

В «независимых» парах зеркально проявлены фактически те же психологические закономерности, что и в совместных парах. Так, у мужчин в таких парах выявлены выраженное избегание близости, стремление к автономии, высокие ожидания от партнерши в роли матери. У женщин в независимых парах проявлены избегание близости, незначимость эмоциональной поддержки от других, общность целей и ценностей со своим партнером и его участие в создании «психотерапевтической» атмосферы в паре. При этом у женщин отмечается высокая ценность родительства в целом и своего материнства, а также внесемейных достижений.

Заключение

В целом рассмотрение предикторов близких отношений в динамическом аспекте (до, во время и после кризиса) показывает, что на каждом этапе развития отношений механизмы формирования близости различны.

1. Так, до кризиса близость партнеров обеспечивается высокой степенью их межличностной зависимости, общностью интересов и ценностей и высокой внесемейной активностью. Во время кризиса отношений психологическая близость достигается за счет принятия собственной уязвимости и нуждаемости в поддержке значимого другого. После кризиса интимность в паре детерминирована более широким спектром факторов, среди которых наиболее значимы: комфортность переживания психологического сближения, умеренная неуверенность в себе и в надежности привязанности партнера, готовность к оказанию партнеру эмоциональной и психологической поддержки.

2. Содержание психологической помощи супружеской паре, оказавшейся в пролонгированной психотравмирующей ситуации, может включать в себя работу с переживанием тревоги в связи с изменением и утратой привычных способов удовлетворения потребностей в совместности и автономности. Принятие и осознание необходимости нахождения нового баланса приватности и открытости в предъявлении себя другому, допущение изменения ритма и границ контакта в паре позволяют поддерживать необходимый для выхода из кризиса уровень доверия и близости.

3. Внимание семейного терапевта, работающего с парой во время кризиса, может фокусироваться на осознании и ассимиляции опыта такого взаимодействия, при котором переживание близости становится возможным без совместности, т. е. для переживания близости совместность

как развернутая деятельность, требующая постоянного контакта, необязательна. Важно взаимное распознавание потребности в самопредъявлении и готовности откликнуться.

4. Таким образом, найденный до кризисного периода баланс между удовлетворением потребностей в автономии и совместности переформатируется в динамический баланс между потребностями в предъявлении эмоционального состояния (в контакте с другими) и потребностью в контакте со своими переживаниями. Потребность быть «обнаруженным», «опознанным» остается, но не как потребность в разделенности, выслушивании, а как возможность быть рядом без необходимости эмоционального слияния. В этом случае у человека остается право и возможность самостоятельно регулировать ритм контакта со значимым другим без чувства вины и обиды. Саморегуляция усиливает ощущение устойчивости и снижает тревогу.

Ссылки

1. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks [et al] // *Lancet*. London, England, 2020. Vol. 395. P. 839–920.
2. Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н. Психология и психотерапия личностного кризиса. Ярославль: ЯГПУ, 2013. 78 с.
3. Hossain M., Sultana A., Purohit N. Mental health outcomes of quarantine and isolation for infection prevention: A systematic umbrella review of the global evidence // *Systematic Review*. 2020. Vol. 42. P. 1–11.
4. Козлов В. В. Динамика психологического содержания кризиса пандемии // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2020. Т. 34. С. 40–57.
5. Кононов А. Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавирусной инфекции: исследование методом контент-анализа // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2020. № 3. С. 18–28.
6. Кононов А. Н. Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2016. № 4 (38). С. 173–179.
7. Казанцева Т. В. Новое в исследованиях психологической близости // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011. № 2. С. 250–254.
8. Екимчик О. А. Психология близких отношений в контексте стресса и совладания: монография. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2021. 164 с.
9. Sternberg R. *Love is a Story: A New Theory of Relationships*. NY: Oxford University Press, 1999. 240 p.

Historical trends in the study of the phenomenon of wisdom in psychological science

N. N. Mekhtikhanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-620-630

Research article
Full text in Russian

The article briefly describes the traditions of the study of wisdom in the philosophical period of the development of psychology. Wisdom was associated with moral virtue and a good solution to life's problems. This served as the basis for the modern understanding of the phenomenon. The chronology of the study of wisdom in foreign and domestic psychology is presented. It is shown that there are two main approaches in research – implicit and explicit. The reasons for the long-term neglect of the phenomenon in psychology and the revival of interest in modern science are analyzed.

Keywords: wisdom; philosophy; theoretical and empirical studies of wisdom; implicit and explicit approaches; difficulties in the study of wisdom; reasons for the revival of interest in wisdom

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mekhtikhanova, Natalya N. | E-mail: natnik1@list.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Исторические тенденции в изучении феномена «мудрость» в психологической науке

Н. Н. Мехтиханова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 1500003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-620-630
УДК 159.9.072.59

Научная статья
Полный текст на русском языке

Кратко описываются традиции изучения мудрости в философский период развития психологии. Мудрость связывалась с нравственной добродетелью и хорошим решением жизненных проблем. Это послужило основой для современного понимания феномена. Излагается хронология изучения мудрости в зарубежной и отечественной психологии. Показано, что существуют два основных подхода в исследованиях – имплицитный и эксплицитный. Анализируются причины долгого игнорирования феномена в психологии и возрождения интереса в современной науке.

Ключевые слова: мудрость; история развития; теоретические и эмпирические исследования мудрости; имплицитный и эксплицитный подходы; трудности в исследованиях мудрости; причины возрождения интереса к мудрости

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мехтиханова, Наталья Николаевна | E-mail: natnik1@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Почти полвека назад психологи В. Клейтон и Дж. Биррен писали, что в технологических обществах гораздо больше внимания уделяется когнитивным навыкам, которые нужны для продуктивной деятельности, чем личной мудрости, необходимой для хорошей жизни [1]. За прошедшие годы материальная жизнь, несомненно, изменилась к лучшему, но стали ли люди счастливее? Изучение мудрости с древности имело цель помочь людям понять свою природу, причины страданий и благополучия, но даже эта высоко гуманная цель не облегчила разработку научного подхода к мудрости. Путь, который прошла проблема мудрости в психологии, оказался очень непростым. По сей день отсутствует единство в понима-

нии, определении и объяснении феномена мудрости. Отчасти это можно объяснить противоречивой природой мудрости. Отметим некоторые самые важные парадоксы [2].

Мудрость субъективна и объективна. В объективных документах, где описываются мудрые люди и их действия, отражается субъективный опыт человека.

Мудрость предполагает как знание, так и неуверенность; основана на знаниях, но формируется в неопределенности. Мудрые люди знают, что они не знают многое, и действуют соответствующим образом: или ищут новую информацию, или принимают, что некоторые результаты по своей сути неопределенны и непостижимы.

Мудрость предполагает как потери, так и выгоду. Иногда мы обретаем мудрость через неудачу, через утрату иллюзий, привязанностей. И эти потери могут быть источником если не радости, то хотя бы личностного роста.

Мудрость требует перемен через принятие. Принимая обстоятельства такими, как они есть, мудрость позволяет возникнуть новым возможностям и перспективам.

Мудрость своевременна и вечна. Мудрость предполагает саморазвитие через самоотверженность. Мудрость требует и личной отстраненности, и в то же время вовлеченности в заботу о коллективном благополучии. Мудрость предполагает как действие, так и активное разумное бездействие. Эмоции имеют центральное значение для мудрости, но эмоциональная отрешенность обязательна. Мудрый поступок в одном контексте может быть чистой глупостью в другом [3].

В российской психологической науке к этим парадоксам можно добавить ещё один: все хотят знать, что такое мудрость, но считают её слишком загадочной и неуловимой, опасаются начать разработку проблемы и явно недостаточно изучают её.

Наконец, нам нужна мудрость, чтобы понять мудрость [1].

Многие исследователи проблемы мудрости пришли к её изучению в силу определенных личных обстоятельств. Так, В. Клейтон, была поражена различиями между своими близкими при решении сложных жизненных проблем [1]. Кто-то был удивлен тайной, окружающей феномен мудрости. Для кого-то открытие мудрости началось с мудрых книг, а кто-то получил своевременный и конструктивный мудрый совет.

Мудрость является неотъемлемой частью наших имплицитных представлений о людях, а сам термин часто используется в обыденном общении. Народная мудрость нашла отражение в устном творчестве, в сказках, песнях, поговорках, благодаря чему передавалась из поколения в поколение. Мудрецами считались философы, уважаемые старцы, люди, имеющие богатый жизненный опыт и всесторонние знания.

Одними из первых книг о мирской мудрости, как принято считать, являются книги визиря фараона Исси Птаха Хотепа, написанные где-то между 2870 и 2675 годами до н. э. Книги, посвященные его сыну, содержали инструкции, описывающие правильное поведение, принципы достойной жизни, и, вероятно, использовались для изучения философии в школах [4].

В дальнейшем феномен мудрости стал объектом для обсуждения в различных религиозных учениях: в Библии, Коране, трудах Конфуция, буддийских трактатах и др. Эти работы в значительной мере повлияли на понимание мудрости в философии [4–8].

В различные периоды истории обсуждение проблемы мудрости велось, главным образом, в философских и религиозных учениях. Первоначально, до Сократа, философы наделяли мудростью только божественных существ, а для людей она была недостижимым и непостижимым идеалом, к которому необходимо стремиться.

В произведениях Платона мудростью наделяется живой человек – Сократ, а это значит, что она является элементом человеческой жизни. Как известно, Сократ, признанный мудрейшим из людей, предпочитал знание о добродетели знанию о физической вселенной. Платон, ученик Сократа, писал, что мудрость понимается им как знание о наилучших действиях по отношению к себе и другим, как знание того, что полезно для каждого. В работах Платона и Аристотеля мудрость предстаёт как идеальная интеграция знания и действия, ума и добродетели. Мудрость неодинакова по своим целям, происхождению, структуре. Прежде всего, это философская мудрость – София – знание ради самого знания. Аристотель ввел важное различие между теоретической мудростью – «episteme» и тем, что он назвал «phronesis» – практической мудростью. Он утверждал, что «теоретическая мудрость» связана с объяснительным знанием в «непрактичной» области (например, физика или метафизика), тогда как знание о том, как хорошо жить, как выбирать этические средства для достижения правильных целей в повседневной жизни, в конкретных ситуациях, является «практической мудростью». Практическая мудрость по Аристотелю предполагает, что человек должен быть морально добродетельным, стремиться к процветанию как личному, так и общечеловеческому. Мудрость является врожденной способностью, но её можно развить, постоянно практикуясь [1, 4].

Эти и другие идеи древних ученых послужили основой для формулирования основных проблем психологии мудрости, которые продолжают разрабатываться в современных исследованиях [8].

Период средневековья в европейской христианской традиции ознаменовался обращением вновь к идеальной, недостижимой мудрости, каковой является божественная мудрость. Стремление к ней является до-

стойной целью для каждого человека и приближает его к Богу. Эти идеи, в частности, прослеживаются в работах Святого Августина, Фомы Аквинского и других философов и богословов [4]. Для Святого Фомы было важно различать веру и разум, что имело следствием дифференциацию науки (в те времена – философии) и религии. Поэтому «добродетельное поведение или практическая мудрость (Фронезис) стала в большей мере областью церкви, в то время как изучение философской мудрости (София) наряду с изучением научного знания (Эпистема) стала областью научного знания. Это разделение можно считать одной из причин долгого невнимания психологической науки к феномену мудрости» [9, с. 251].

Развитие европейской культуры и науки периодов Возрождения и Нового времени не стало принципиальным прорывом в изучении мудрости. Секуляризация знания подразумевала научный метод, логику, математику. Это противоречило глубинным основаниям мудрости – созерцанию, интуиции, откровению. Мудрость по-прежнему считалась недоступной для научного изучения, её достижение рассматривалось как божий дар, что не позволяло ввести её познание в круг научных задач.

Тем не менее некоторые философы развивали идеи Аристотеля о многообразии видов мудрости, её роли в жизни людей. Так, у Декарта мудрость варьировалась от земной до божественной. Мудрость имеет разные уровни и может развиваться от здравого смысла до вдохновенного суждения и понимания. Декарт рассматривал её как гармоничное дополнение к научному знанию: знание включало накопление фактов, тогда как мудрость организовывала и интерпретировала эти факты [4].

Вместе с тем возможность понимания и развития мудрости продолжала оцениваться философами очень по-разному. И. Кант, например, писал о необходимости любви к мудрости, её почитанию, но недостижимости в обычной жизни.

Как мы уже отмечали, «долгое время право на суждения о мудрости принадлежало философии и религии, а психология скромно ожидала своей очереди в познании этого феномена. Даже когда в XIX в. произошло революционное отделение психологии от философии, а романтизм и трансцендентализм возродили интерес к мудрости в гуманитарных науках, обращение к исследованию мудрости было не выгодно для психологической науки. Как справедливо замечает Робинсон, расцветающая самостоятельная психология искала признания в области естественных наук. Мудрость как объект исследования казалась чем-то очень далеким, исключительным, непостижимым: она была, как считалось, недоступна эмпирическим замерам, мудрецы, как потенциальные испытуемые встречались редко. Не в должной мере оценивалась и роль мудрости, её функции в обыденной жизни каждого человека и общества» [9, с. 251].

И только почти пять тысячелетий спустя после первых упоминаний мудрости психологи стали её изучать. Первоначально проблема мудрости была частью более широких теорий. Это, главным образом, теории развития личности, и мудрость считалась идеальной, конечной точкой жизненного пути. С. Холл в фундаментальном труде «Старение» рассуждал о слабостях и возможностях старения. В этот период человеческой жизни в силу биологических законов происходит снижение интеллектуальных и других функций, но мудрость компенсирует это, что позволяет человеку успешно и благополучно существовать. Кроме того, мудрость в зрелом возрасте помогает извлечь моральные уроки из прошлой жизни, формирует спокойствие и беспристрастность [3].

В концепции личности К. Г. Юнга описывается «архетип мудрого старика». Мудрец помогает в решении сложных жизненных проблем, хранит и развивает культуру и традиции [10].

Мудрость считалась фактором и результатом конструктивного решения последнего психосоциального конфликта, или эго-целостности в концепции Э. Эриксона. Это особый, высший уровень развития человека, когда он понимает смысл жизни, свое положение в мире и т. п. Самыми главными детерминантами появления мудрости являются саморазвитие и самотрансценденция. Благодаря им человек признает, что, несмотря на возрастные потери, можно открыть много нового в жизни [7].

«Вместе с тем, до 1980-х гг. все обсуждения феномена мудрости носили теоретический характер. Важнейшим шагом на пути психологических исследований мудрости стали работы Вивиан Клейтон. По всеобщему признанию, Клейтон – психолог, положивший начало всем последующим эмпирическим исследованиям мудрости. Значимость ее работ высоко оценили Р. Дж. Стернберг, П. Балтес, Д. Смит и др. По их мнению, утверждение В. Клейтон, что мудрость может быть законной темой для эмпирического изучения, было большим прорывом в науке [9, с. 252].

Будучи очень наблюдательной, В. Клейтон заметила множество особенностей поведения некоторых своих родственников: они были эмоционально устойчивы, скромны, добры, принимали решения, полезные для всех. Все эти характеристики она обозначила как мудрость, которая включает три составляющих: когнитивную, аффективную и рефлексивную. Наличие первой из них позволяет считать мудрость другим образованием, нежели интеллект. Мудрость связана в большей мере с личностью, чем с интеллектом и с познавательными способностями. В. Клейтон также считала, что возраст и жизненный опыт не являются залогом обретения мудрости [7].

Первоначально публикации по психологии мудрости были единичными, но далее произошел лавинообразный рост исследований. Мудрость стала полноправным объектом изучения в нашей науке. В 1990 году вы-

ходит книга под редакцией Р. Стернберга «Мудрость: ее природа, происхождение и развитие».

Она стала первым обобщающим трудом многих эмпирических и теоретических исследований, выполненных на тот момент времени. Предисловие к сборнику, написанному главным редактором, содержит описание общих подходов к изучению мудрости: а) философского, б) психологического, который, в свою очередь делится на имплицитный и эксплицитный [1]. «Имплицитные» исследования изучают неявные теории мудрости обычного человека и основаны на непрофессиональном, житейском понимании термина. Эти теории содержат верования, представления людей о мудрости и особенностях мудрого человека. Житейские представления вносят определенный вклад в научное изучение мудрости.

Вторая группа – эксплицитные исследования, в них ученые пытаются применять традиционные эмпирические методы. Главная цель этих работ – сформировать теоретическую модель мудрости. Явные теории мудрости являются производными от экспертного мнения и знаний. Они часто основаны на теоретических моделях развития, например, теории психосоциального развития Эриксона, теориях когнитивного развития. Акцент в явных теориях мудрости ставится на познавательных и поведенческих выражениях мудрости [9, с. 254].

Примером эксплицитных теорий могут служить разработки П. Балтеса и его коллег, выполненные в Институте Макса Планка в Берлине. Теория основывается на когнитивистском подходе, который доминировал в психологии 1990-х гг. Мудрость понималась как экспертная система знаний и суждений, выдающаяся способность понимания фундаментальных проблем, касающихся смысла и течения [7].

Теория группы Балтеса подверглась критике, но многих ученых это подтолкнуло к созданию собственных моделей мудрости. Появились многочисленные обзоры исследований, выполненных в зарубежной психологии. Так, Р. Тробриндж в 2005 году в результате анализа работ, выполненных за последние 25 лет, сделал следующие выводы:

«1. Мудрость была вновь введена в современную науку через создание эмпирических исследований.

2. Мудрость операционализируется многими различными способами. Это уникальная конструкция, связанная с эмоциональным и когнитивным интеллектом или любой другой личностной чертой, но отличающаяся от них.

3. Хотя многие исследования были направлены на определение мудрости, этот вопрос так и не решен.

4. Мудрость – это область, в которой пожилые люди могут преуспеть.

5. Мудрость как опыт и как эвристическое отношение к смыслу и поведению жизни богата возможностями.

6. Самым большим прогностическим фактором для мудрости, как было установлено, является профессия в такой области, как клиническая психология и пастырская деятельность.

7. Были обнаружены положительные корреляции между мудростью и удовлетворенностью жизнью, а также особыми личностными чертами, такими как открытость, социальный интеллект и моральное мышление.

8. Исследователи обнаружили, что мудрость можно развить, консультируясь с другими или давая человеку время обдумать ситуацию» [9, с. 255].

В 2019 г. в г. Торонто (Канада) были приглашены исследователи мудрости из многих стран с целью оценить доминирующие методологические, теоретические и эмпирические позиции и выработать общую позицию по проблеме мудрости. Итогом работы Рабочей группы по мудрости стала общая модель мудрости [11–12]. За время, прошедшее с момента встречи ученых, количество публикаций по проблеме мудрости в зарубежной психологии продолжает неуклонно расти.

Отечественная психология сравнительно недавно обратилась к проблеме мудрости. Прежде всего ученые описывали, анализировали, делали выводы об исследованиях, выполненных за рубежом [5–6, 10, 13–20]. В целом оценки этих работ являются достаточно высокими. Тем не менее определенный скепсис по отношению к возможности изучать мудрость, особенно эмпирически, имеется. Российские ученые настаивают на чрезмерной сложности эмпирического изучения мудрости, говорят об ее исключительности, малой распространенности, предупреждают о подмене феномена мудрости некими мудроподобными решениями [9].

Несомненно, что такие проблемы существуют, но действие в любом случае лучше бездействия, и не надо искать «абсолютных мудрецов», как справедливо отмечает В.В. Нуркова и ее коллеги [15]. В частности, они ставят задачу изучения мудрых решений и советов в контексте психологии развития, используя методы исследования автобиографической памяти. Исследования Н. Н. Мехтихановой, С. Э. Дровосекова выполнены с помощью психометрически проверенных диагностических методик [13, 19]. Работы А. С. Огнева, Е. А. Никитиной посвящены изучению имплицитных представлений о мудрости и также основаны на эмпирических методах [14, 16].

Таким образом, можно констатировать недостаточное внимание российских ученых к исследованию проблем психологии мудрости.

Причин для такого положения дел можно найти немало. Как нами уже было отмечено, прежде всего «...отсутствие надежных методов является одной из причин затруднений в изучении мудрости в российской науке, но, как показал анализ и зарубежных, и отечественных работ,

не только это, а еще целый ряд обстоятельств обусловили долгое забвение проблемы мудрости в психологической науке.

Среди причин длительного отсутствия интереса у психологов к проблеме мудрости также следует отметить многогранность, сложность и даже некую иллюзорность, неуловимость самого конструкта. Многие ученые, как и обычные люди, видели и видят в мудрости человеческий идеал, который практически не достижим, не объективируем, а значит, и не изучаем.

Также сама психология, стремясь стать самостоятельной наукой, максимально дистанцировалась от философии и ее понятий, а тема мудрости на протяжении тысячелетий как раз была в центре внимания философов и религиозных деятелей. Более того, западная культура была склонна приравнивать любое знание к техническому или научному знанию и закрывать глаза на другие виды знания, такие как мудрость» [9, с. 255].

Как показал проведенный анализ работ по истории изучения мудрости, обращение ученых к этой проблеме в конце XX в. было не случайным, а обусловленным рядом причин. По мнению Д. А. Леонтьева, «идея мудрости утратила актуальность, обесценилась — общественный запрос на мудрость стал размываться и ослабевать. Это во многом связано с наступлением «массовой культуры» на просто культуру, с омассовлением» [6, с. 20]. В XX веке произошло осознание относительности всех ценностных систем, но понимание в обществе того, что социальная жизнь, коммуникация оказываются невозможны в отсутствие разделяемых всеми оснований, побудило обратиться к мудрости. Кроме того, возникло «осознание необходимости преодолеть интеллектуальную фрагментарность, восстановить целостность человека и стимулировать рост интереса к такому холистическому и междисциплинарному понятию, как “мудрость”» [6, с. 21].

В. В. Нуркова с соавторами отмечают, что «рост катастроф, рисков, неопределенности в кризисном обществе возрождает гуманитарный идеал эффективного мышления, результаты которого должны соответствовать общечеловеческим ценностям и жизненному опыту субъекта. Надежды возлагаются на мудрость — «благоразумие, соединенное с добродетелью» [16, с. 68–69].

Кроме того, и сама логика развития науки заставляет исследователей обратиться к феномену мудрости «в связи с изменившейся структурой развития психологии, а именно с выдвиганием в центр исследования когнитивных процессов, постановкой новой проблемы социального интеллекта, а также повышением внимания к поздним периодам жизни человека» [10, с. 17].

Таким образом, в современную эпоху мудрость как вид знания, который гибко приспосабливается к сложным ситуациям, оказалась в центре внимания. В течение примерно пятидесяти лет эмпирических исследова-

ний мудрости ученые создали многочисленные концепции мудрости, основанные на «тщательных обзорах литературы». Тем не менее каждая группа исследователей читала литературу по-своему и в конечном итоге разработала интересные, но часто взаимно противоречащие концепции. Исторические исследования мудрости позволяют понять разнообразие и историческую преемственность доминирующих теорий, выявить структуру и функции мудрости, наметить пути дальнейших исследований.

Ссылки

1. Wisdom: Its nature, origins, and development / Ed. R. J. Sternberg. N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 352 p.
2. Vervaeke J., Ferraro L. Relevance, meaning and the cognitive science of wisdom // *The Scientific Study of Personal Wisdom*. Dordrecht, Netherlands: Springer Netherlands, 2013. P. 21–51.
3. Hall S. Wisdom: From philosophy to neuroscience. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2010. 333 p.
4. Assmann A. Wholesome knowledge: Concepts of wisdom in a historical and crosscultural perspective // *Life-span development and behavior*. Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1994. P. 187–224.
5. Каримов М. Г., Епанчинцева Г. А. Феномен мудрости в историко-философском и психологическом дискурсах // *Психология и психотехника*. 2015. №. 10. С. 1032–1043.
6. Леонтьев Д. А. Возможность мудрости // *Человек*. 2011. №. 1. С. 20–34.
7. A handbook of wisdom: Psychological perspectives / Eds.: R. J. Sternberg, J. Jordan. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 406 p.
8. The Cambridge Handbook of Wisdom / Eds.: R. J., Sternberg, J Glück.. N. Y.: Cambridge University Press, 2019.
9. Мехтиханова Н.Н. История изучения феномена мудрости в психологической науке // *История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01–03 июня 2021 г.* / отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 249–256.
10. Анцыферова Л. И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25, № 3. С. 17–24.
11. Trowbridge R. The scientific approach to wisdom (Unpublished Ph.D. Thesis) // *Union Institute & University, Cincinnati, OH*, 2005. 301 p.
12. The Science of Wisdom in a Polarized World: Knowns and Unknowns / I. Grossmann [et al] // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31, No. 2. P. 103–133. DOI 10.1080/1047840X.2020.1750917.

13. Знаков В. В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 27–34. DOI 10.31857/S020595920006073-6.
14. Мехтиханова Н. Н. Мудрость как научная категория // Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 230–233.
15. Никитина Е. А. Представления людей разного возраста о мудрости // Методология, теория, история психологии личности: сб. / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 425–432.
16. Нуркова В. В., Алюшева А. Р., Березанская Н. Б. Проблема исследования мудрости в контексте смысловой теории мышления // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием), Москва, 30 мая – 1 июня 2013 года / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии; отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 68–71.
17. Огнев А. С., Гончаров Ю. Н., Постникова Н. В. Мудрость как акмеологический феномен // Акмеология. 2002. № 3 (4). С. 17–22.
18. Ожиганова Г. В. Психология молчания и продуктивная жизнедеятельность в контексте мудрости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25, № 3. С. 51–55. DOI 10.34216/2073-1426-2019-25-3-51-55.
19. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 264 с.
20. Дровосеков С. Э. Диагностика мудрости: анализ внутренней согласованности опросника мудрости 3D-WS М. Ардельт // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 69–72.